

clv

Д. Ф. Левгрэн

«...И их
СВЕТИЛЬНИКИ
ПОГАСЛИ»

clv

Christliche

Literatur-Verbreitung e.V.

Postfach 11 01 35 · 33661 Bielefeld

Название оригинала: Vare Lamper Slokner – Und ihre
Lampen verlöschen

© русского издания 2002

by CLV – Christliche Literatur-Verbreitung

Postfach 110135 – 33661 Bielefeld

visipix.com/Gavin Banns, Ashby de la Zouch UK

Internet: www.clv.de

Типография: Ebner Ulm

ISBN 3-89397-478-4

I

Праздничное новогоднее собрание в просторном помещении церкви подходило к концу, и настало время, когда желающие могли засвидетельствовать о своей вере. Из рядов слушателей вышел мужчина и неторопливо прошел вперед. По рядам пронесся легкий шепот: «Лодочник!»

Несколько мужчин средних лет беспокоило переглянулись, казалось будто они хотели выйти, но что-то удерживало их. Другие наклонились вперед и напряженно следили за каждым шагом идущего вперед мужчины. Руководящие братья, сидевшие на возвышении, растерянно посмотрели друг на друга. Но пастор кивнул, как бы говоря: «Пусть говорит!»

Возраст мужчины, идущего к кафедре, было трудно определить. Возможно, этому мешали очень живые глаза, изнутри горевшие огнем. Он был среднего роста и хрупкого телосложения, но вся его фигура говорила о сноровке и силе здорового человека.

Поднимаясь по ступенькам к кафедре, он ни на мгновение не отрывал взгляда от раскрытой Библии, которую держал в руках. Одно место так захватило его, что он не замечал ничего вокруг.

Еще не достигнув кафедры, он начал говорить. Голос у него был негромкий, но он проникал в самые дальние уголки помещения.

Он говорил так, как будто ему необходимо было что-то рассказать, не обращаясь при этом ни к кому лично.

И все же все слушатели заинтересовались тем, что он говорил. Некоторые с жадностью ловили каждое его слово, другие снисходительно улыбались, но слушали с любопытством.

Мужчина за кафедрой выглядел так, будто он получил откровение, но его слова были удивительно точно направлены на житейские будни.

«Се, стою у двери и стучу!» — Можно ли себе

вообразить, что есть такое помещение, которое остается закрытым для Иисуса?

Его слова по сути не были вопросом, выражая только большое удивление. И всем слушателям казалось, что они еще никогда не видели более странной картины: Иисус за дверью!

Ведь Он должен быть внутри! Он должен полностью наполнить сердце человеческое так, чтобы не осталось места ни для чего другого! Но вместо этого Он стоит на улице, не имея родины, осмеянный, изгнанный!

Говорящий дал время своим слушателям представить себе: Иисус на улице — без родины, осмеянный, изгнанный!

Почему Он стоит на улице? Как-то вечером я приехал в чужой город, зашел в гостиницу и попросил комнату. Но мне не дали. Почему? Может быть, я был плохо одет? Нет, моя одежда была в порядке. Обо мне никто не мог сказать ничего плохого. И деньги у меня были. Но они все же не пустили меня. Почему? Потому что в гостинице не было места.

Лодочник снова сделал паузу. Все представили себе гостиницу, в которой не осталось свободных мест. Извиняющийся швейцар с улыбкой снисхождения и сожаления провожал людей за дверь.

— Так было уже, когда Иисус в первый раз пришел на землю. Для Него не было места в гостинице. Это не было злым умыслом, что люди послали Его в сарай. У них действительно не осталось другого места. Вдумайтесь, какая это милость, что Он останавливается!

Новый тон в голосе говорящего заставил слушателей усилить внимание. Только что лодочник рассказывал им, а теперь он непосредственно обращался к каждому.

— Да, ведь Он мог бы уйти, не так ли? Он мог бы оставить тебя, грешника! Мог бы отвернуться от тебя! Но Он все еще стоит на улице и надеется, что ты дашь Ему место в своем сердце. Он стоит снаружи! Ты слышишь, как Он стучит? Открой Ему дверь! Впусти Его!

Один пожилой мужчина привстал со своего места и

слушал с открытым ртом. Некоторые молодые люди смотрели на говорящего сияющими глазами.

Ничего в голосе лодочника не выдавало его внутреннего волнения, когда он продолжал:

— Он стоит за дверью, которую когда-то закрыл за Собой. Как получилось, что Ему пришлось выйти? Наверное, этому сердцу пришлось вместить так много, что для Господа в нем не осталось места. Его вытеснили оттуда. Сердце предпочло предоставить место другим вещам. Сердце, в котором совсем нет места для Него!

Трудно было оставаться спокойным при этих словах. На многих лицах читалось неприятие, как будто они противились жалу, проникающему в их совесть. Другие откинулись назад на своих местах, демонстрируя беспечность, но все же их напряженная поза показывала, что они не желали пропустить ни единого слова.

— Но что заняло Его место? Тайный грех? Тщеславие? Твоя работа? Другой человек? Твоя возлюбленная? Может быть, ты отступник, и никто не знает об этом, кроме тебя и Господа? Так слушай: это ты тот, который выгнал Его! Он стоит снаружи на ступеньках. Дальше ты не смог Его изгнать. Он стоит там и хочет снова подарить тебе потерянный мир!

Лингейд, лодочник, сделал короткую паузу.

— Но человек, к которому стучится Христос, наполнил свое сердце своим собственным христианством. Сердце полно христианством, — а Христос на улице! Понимаете ли вы это?

Пастор наклонился к сидящему рядом брату и шепнул ему на ухо: «Бакке, мне кажется, он слишком многословен».

Но Бакке энергично покачал головой. Нет, пусть он дальше говорит.

— Этот человек считал себя богатым, — с неизменной настойчивостью голос говорящего проникал в сердце слушателей, — но Иисус назвал его бедным и нищим. Этот человек мог представить дела, способности и

христианское участие, но ему не хватало жизни, так как Жизнь стояла на улице, за дверью. Мой друг, это плохой обмен — живого Господа Иисуса Христа отдать за мертвое христианство. Я спрашиваю себя, не сидит ли церковь...

Пастор безотрывно смотрел на говорящего, а вся церковь застыла в напряжении.

— Не сидит ли церковь здесь внутри, в то время как Иисус стоит за дверью? Слушайте! Иисус перед дверью Своей собственной Церкви! Он не может проникнуть туда из-за мертвого христианства.

Слова лодочника не содержали ни малейшей иронии, указывая исключительно на ужасную опасность, и большая часть слушателей ясно понимала, как бедна та церковь, за дверью которой стоит Иисус, церковь, в которой для Него нет места. И совсем неудивительно, что Иисус сказал, что такой человек и такая церковь бедна и нища.

— А как обстоит дело с нашей церковью? У нас самая большая церковь в городке, о чем мы говорим не без гордости. Наш хор знаменит далеко вокруг, наши кружки отлично организованы. Мы имеем все самое большое — самое большое и красивое здание, общину, орган, детское богослужение. У нас также лучшие проповедники, порядок. Вспомните, как это похоже на заявление: «Я богат и ни в чем не имею нужды». Но что говорит на это Иисус?

Некоторые из руководящих заерзали на своих местах. Было слышно, как в сборниках песен шуршали переворачиваемые страницы. Многие с нетерпением поглядывали на часы. Пастор бросил на соседа вопрошительный взгляд, но получил в ответ только лишь недовольное пожатие плечами. Его лицо потемнело и во взгляде сквозило беспокойство.

— Мы имеем правильное учение, — продолжал говорящий. — Наши догмы выстроены логично, как жемчужины в цепи, и это хорошо. Но какое место во всем этом занимает Иисус Своей жизнью и любовью? Что Он

говорит на это? Может, страдальческое, беспомощное: «Се, стою у двери и стучу. Я стою снаружи!»?

— Посмотрите, какое место занимают организованные мероприятия в жизни нашей и других церквей: у нас обоюдная конкуренция, как в деловом мире. Наши церкви захватило христианское производство. Где при всем этом место для Иисуса? Стоит Он...

Тут кто-то начал петь.

Многие вздрогнули от неожиданности и оглянулись по сторонам. Начатую песню подхватил еще один голос, потом еще и еще.

Лодочник беспомощно и удивленно оглядывал собравшихся. Огонь в его глазах потух. Он покраснел. Руки его дрожали, когда он провел ими по лбу. Неуверенными шагами, склонив голову, он спустился с возвышения и пошел на свое место.

Когда был пропет последний куплет, наступила гнетущая тишина.

Но тут пастор нашел выход из сложной ситуации.

— Я думаю, что под конец хористы споют нам что-то прекрасное. — Он вопросительно посмотрел на регента.

Тот поднялся, ища глазами среди множества слушателей своих певцов.

— Да, мы сможем!

По рядам хористов пробежало название гимна. Регент взмахнул палочкой, и хор полной грудью запел аллилуйя Агнцу, Который понес на Себе грехи всего мира.

II

После гимна «Аллилуйя!» и молитвы благословения лодочник вышел из церкви. За ним шли его жена и двенадцатилетний сын. На улице жена взяла мужа под руку, мальчик шел с другой стороны.

Лодочник посмотрел на сына и ободряюще улыбнулся ему. Но это была печальная улыбка. Мальчик больше не осмелился взглянуть на отца. Он однажды видел его плачущим, а эта улыбка была хуже того плача.

Они свернули на другую, плохо освещенную улицу. Светильники стояли далеко друг от друга и экономно изливали свой свет. Жена подняла глаза к небу:

— Ангар, посмотри на звезды!

— Над устьем фьорда нависла плотная стена облаков. Ты видишь ее, Агна?

— Да. Но за ней сияют звезды.

— Разве ты видишь их?

— Нет, но они все равно светятся. Эта стена сейчас разойдется, и тогда мы снова увидим звезды.

— Ты оптимистка.

— Не знаю, — ответила жена, — может быть, и реалист: я знаю, что за облаками сияют звезды — и даже за самыми черными.

Он крепче сжал ее руку. Из его голоса постепенно исчезало уныние.

— Ты всегда видишь звезды?

— К сожалению, не всегда, но... — Агна улыбнулась.

— Что, но?

— Ну, когда мне не могут помочь глаза, тогда я зову на помощь голову.

— Это как?

— Я говорю себе, что Тот, Кто рассыпал по небу звезды, может сдвинуть облака, чтобы нам показать одну из них, если мы нуждаемся в этом.

Петя молча шел рядом с родителями. Он не мог

полностью понять их разговор, но в голосе отца он почувствовал перемену. Когда он снова посмотрел на него, то понял, что самое худшее позади.

Они подошли к фьорду, который блестел и темнел между маленькими чистыми домиками рабочих. Отражение одинокой лампочки с противоположного берега прямой полоской лежало на спокойной маслянистой поверхности воды.

Свет от фонарей и окон кают большого парохода, зашедшего в порт, отражался от темной стены облаков.

Они подошли к дому. Закрыв за собой калитку, отец постучал в угловое окно. У двери их ждала почти взрослая дочь, жизнерадостная девушка с темными волосами. Ее лицо сияло.

Когда они вошли, дочь бросила быстрый взгляд на отца. Печальная тень легла на ее лицо.

— Дорди, ну как было дома? — спросила мама.

— Хорошо, мама. И Торди вела себя хорошо.

— Она уже спит?

— Да.

Семья Лингейд жила в маленьком уютном домике. Две комнаты на первом этаже свидетельствовали о том, что хозяин дома хорошо зарабатывает, а у хозяйки — прекрасный вкус.

У Агны вырвался из груди вздох облечения.

— Мне кажется, что мы находимся в порту, — сказала она, — или в теплой комнате, а на улице ревет шторм.

— Я боюсь, что немного шторма пришло вместе с нами, — заметил лодочник.

— Точно, папа.

Дорди подошла и села на подлокотник его кресла.

— Папа, у тебя, наверное, сегодня был противный ветер?

— Откуда ты это знаешь? — спросил он.

— Ты что, совсем не знаешь, что отражается на твоём лице?

— Что-то страшное?

— Мама, как ты думаешь, он хочет услышать от меня

комплимент? Красивое или страшное — нет, у тебя книжное лицо!

— Вот теперь мне совсем непонятно, что я должен делать — радоваться или огорчаться... Книжное лицо! Агна, ты понимаешь, что она имеет в виду?

— Конечно! Она имеет...

— Мама, дай я объясню ему! Для чего предназначена книга?

— Ага, значит, ты читаешь на моем лице?

— Да, в нашем доме этому все научились. Даже Торди уже умеет.

— Выходит, теперь от вас ничего нельзя скрыть?

— Нет, иногда ты пытаешься сделать это, но тогда мы еще яснее можем прочитать происшедшее. Ах, папа, у тебя честное лицо!

— Честное лицо?

— Да, у тебя такое лицо, которое показывает все, что в тебе есть.

Он беспомощно огляделся.

— Мать, это правда? — спросил он.

Жена засмеялась.

— Дорди немного преувеличила, но на самом деле это так.

Петя делал вид, будто он не слушает. Иногда он бросал короткие взгляды на отца. Он тоже мог читать открытую книгу!

— Петя, ты еще здесь? Ты должен идти спать, уже поздно.

Мальчик послушно поднялся, сказал «спокойной ночи» и пошел. Они слышали, как он поднимался по ступенькам и зашел в спальню. Сверху некоторое время доносились еще шорох шагов, звуки придвигаемого стула и скрип кровати.

На первом этаже сидели, прислушиваясь, трое — не оттого, что нужно было к чему-то прислушиваться, но потому что голос в их собственной душе становился все громче.

— Папа, так что же случилось сегодня вечером?

— Дорди, они прервали мою проповедь пением.

Глаза девочки потемнели. Вокруг рта, совсем как у отца, обозначились горькие линии. Она энергично откинула голову и сказала с горечью в голосе:

— Папа, зачем ты трогаешь их? Они не хотят слушать тебя. Зачем тебе это надо?

— Дорди, ты сейчас тоже похожа на книгу!

Она улыбнулась, хотя ее строгие губы сопротивлялись этому.

— Что ты читаешь?

— Я читаю в ней историю одной девочки, которая что-то мнит о своем отце.

— Еще чего не хватало! Что же ты натворил сегодня вечером?

— Я и сам не понял. Я говорил о том, что у многих людей Иисус стоит за дверью.

— И это рассердило их?

— Я еще говорил немного о церкви и наших церковных мероприятиях — может, Иисус и здесь стоит за дверью.

После минутного молчаливого размышления Дорди сказала:

— Церковь Божья — а Бог не имеет права войти туда?

Качая головой, она смотрела перед собой.

— Теперь я снова немного читаю, Дорди.

— На моем лице?

— Да!

Она не опустила глаза. Щеки ее покрыла легкая краска. Девушка соскользнула со своего места, сделала несколько шагов к двери, потом резко обернулась и сказала:

— Неужели Он должен стоять за дверями?

И тут же родители услышали ее легкие шаги на лестнице, как затем отворилась и снова закрылась дверь в ее комнату. Все стихло.

Через некоторое время и родители пошли отдыхать, положив и доверив в могучие Отцовские руки себя, церковь и сегодняшнее вечернее происшествие.

Агна быстро заснула. Лодочник слышал рядом ее спокойное дыхание, и его начал медленно окутывать покой ночи. Но вдруг ему показалось, что из комнаты сына доносились непонятные звуки. Он прислушался, и снова услышал сдерживаемое всхлипывание.

Вокруг стояла крошечная тьма. Встав и зайдя в боковую комнату, он низко склонился над кроватью, чтобы что-то увидеть. В тот же миг две детские руки обхватили его шею и мокрое от слез лицо коснулось его лица.

— Папа, полежи немного со мной, — попросил Петя.

— Сынок, что случилось? — прошептал отец.

Он подвинул мальчика ближе к стене и лег к нему.

Петя уткнулся лицом в подушку, чтобы никто не слышал его неудержимых бурных рыданий. Было слышно, как проснулась и поднялась в постели мать.

Отец подождал, пока Петя успокоится, и спросил его:

— Что с тобой, Петя?

— Как они пели, папа!

Волна любви наполнила сердце отца.

— Да, они пели, мой мальчик.

— Почему же они неожиданно запели?

Отец пытался взять себя в руки.

— Они не хотели, чтобы я дальше говорил.

— Папа, тебе было очень больно? — прошептал Петя.

— Да, было больно, но теперь уже нет, — ответил отец. — Очень сильно помогает, когда имеешь такого сына, большую и маленькую дочку и... маму.

Было слышно как Агна сморкалась в платочек.

III

В церкви был человек по имени Анштайн Мобекк. В городке, насчитывающем восемнадцать тысяч жителей, он считался богатым, заработав свои деньги торговлей и каждый день увеличивая свой капиталл.

Его огромный магазин находился в центре городка. На третьем этаже рядом с бюро находилась просторная квартира хозяина. На парадной стороне, между вторым и третьим этажом, красовались большие золотые буквы: «Анштайн Мобекк. Бакалейные товары».

Мобекк был маленького роста, полный. Живот и подбородок были сильно развиты, все остальное не имело большого веса. Сердце и разум вели скромное существование. Но все же он был довольно умным, чтобы зарабатывать деньги. В этом отношении, может быть, даже чересчур умным. Он также обладал и достаточной сердечной добротой, чтобы не отказывать себе и своим домашним в хорошей жизни.

Он пришел в город совсем молодым человеком из маленькой деревни Мобекк. Анштайн был проворным рассыльным и позднее стал хорошим работником склада. Вечерами он посещал торговую школу и с трудом сдал экзамены. Затем он женился на девушке из своего села, которая долгое время работала в городе в богатой семье и многому научилась у своих господ, что ей пригодилось позже, когда она возвысилась до жены торговца.

Мобекк уже давно поменял склад на кресло в бюро, когда он и его жена имели духовное переживание. Они покаялись, когда городок был захвачен волной пробуждения и с тех пор старались вести богоугодную жизнь.

В их семье было двое детей. Сын Хелге был гимназистом. Девочке Эмли учеба не давалась. Она промучилась в начальной школе, закончила несколько классов средней школы и больше не пошла учиться.

Теперь она большую часть времени обучалась игре на пианино, хотя и в этой области ее способности не были большими.

Мобекк принял в семью свою мать — простую женщину из села, без всякой важности, и именно это очень плохо переносила ее невестка. Старая женщина не подходила их обществу. Она имела живую веру, была непринужденной и открытой, но совсем не глупой, умела говорить горькую правду без резких слов. Она не поддерживала общественных сплетен, по ее мнению, христианин мог сказать в гостиной все, о чем говорилось в сарае.

Сегодня вечером она была со своим сыном на праздничном новогоднем богослужении. Войдя в дом, по обычаю сельских жителей, она осторожно повесила свои вещи в шкаф. С ее доброго краснощекого лица не сходило задумчивое выражение.

— Да-да-да, да, — шептала она сама себе.

Увлеченные игрой молодые люди, сидевшие в углу комнаты, рассмеялись.

— Кажется, бабушка снова нашла порядочного человека для общения, — тихо проговорил Хелге.

Жена Мобекка, сидя за книгой у настольной лампы, снисходительно улыбнулась.

— Все люди стареют, — подумала она вслух.

Бабушка слышала все эти замечания. Она обвела всех троих, остававшихся дома, немного грустным любящим материнским взглядом. Молодые люди снова занялись игрой. Невестка углубилась в книгу, мимоходом спросив:

— Мама, много людей было в церкви?

— Да, в людях не было недостатка.

— Людей хватало, а чего же тогда не хватило?

Старая женщина хотела что-то сказать, но не успела, так как Мобекк зашел в дом.

— Какой критикан! — воскликнул он еще с порога, и тут же почувствовал на себе напряженный взгляд трех пар глаз. Совершенно не стараясь скрыть, что

раздражен, он возмущенно проговорил: — Он всегда чем-нибудь недоволен!

— Неужели нельзя сказать, что, собственно, случилось? — с нетерпением спросила жена.

Она закрыла книгу и положила ее на колени.

— Конечно, Лина! И так — это снова был лодочник Лингейд.

— Вот оно что...

— Такой человек — это мучение для церкви!

Мобекк уловил предостерегающий взгляд матери. Он невольно понизил тон, продолжая:

— Он говорил о том, что Иисус везде стоит за дверью: перед дверью церкви, сердца, домов и...

— И фирм, — добавила мать.

Мобекк недовольно взглянул на нее.

— Мама, ты ничего не понимаешь в фирмах. Лодочник тоже ничего не понимает. Какой абсурд! Надо же разделять христианскую жизнь и деловую!

— Они же зависимы друг от друга, Анштайн! Об этом и хотел сказать лодочник!

— Да он же вообще не имеет об этом представления! — возмутился Мобекк.

Дети усердно склонились над игрой, на самом деле внимательно слушая все, о чем говорили взрослые.

— И что было дальше? — спросила Лина.

— Ну, мы остановили его пением.

— Пением? — Книга упала на пол.

— Да, а то бы он, наверно, говорил до сих пор.

Жена откинулась в кресле и засмеялась.

— Да, так с ними и нужно поступать. Я должна сказать, что это...

— Было мерзко! Как это было отвратительно! — сказала старая мать.

Она выпрямилась и вышла в свою комнату. Оставшиеся молча смотрели ей вслед. Затем жена сердито сказала:

— Я думаю, что мама иногда уж слишком категорична.

— Да, да, — уклончиво ответил Мобекк, — Она стареет с каждым днем.

После того как дети ушли, пожелав спокойной ночи, Мобекк облегченно вздохнул. Он удобно уселся перед радиоприемником, покрутил настройку, и в комнате зазвучал веселый шлягер.

Приятный покой охватил Мобекка. Тут же был позабыт лодочник, позабыты слова о Том, Кто, ожидая, стоял за дверью. Он зажег дорогую сигарету. Какое это все же благословение — сделать свою жизнь более приятной.

Лина улыбалась над открытой книгой, слушая веселую болтовню по радио.

Ах да, им жилось хорошо, им действительно нечего жаловаться!

Примерно через час программа подошла к концу. Мобекк выключил радио.

— Пора спать, Лина, — зевнул он.

Они пошли в спальню, молча легли, так как очень устали. Со вздохом удовлетворения жена потянулась в кровати. Она хорошо укрылась, затем сложила под одеялом руки и в полусонном состоянии пробормотала молитву.

Через несколько минут она уже спала.

Мобекк еще немного ворочался. Наконец и он захотел спать. Он взял Новый Завет и, борясь со сном, немного почитал. Затем отложил книгу и сложил руки на груди, но заснул во время молитвы.

Спустя некоторое время стало слышно его спокойное дыхание, которое вскоре перешло в храп.

Среди ночи он вдруг вскочил, включил свет и огляделся вокруг широко открытыми глазами.

Он прислушался, жена спала, ее голова спокойно лежала на подушке.

Нет, никто не стучал.

Он снова лег и потушил свет.

IV

Стиан Рост был работником бюро фирмы Мобекка. Он уже много лет работал на фирме, но с трудом одолел несколько ступенек должностной лестницы. Мобекк не давал людям быстро подниматься вверх. Часто он по-дружески притормаживал их в этом отношении, так как считал, что молодым людям вредно иметь много денег — это вело только к транжирству, легкой жизни и многим безобразиям. Если у людей немного денег, они научатся жить экономно.

Стиану Росту было около тридцати лет, и уже восемь лет он был помолвлен. Он мог бы давно быть женатым и тосковал о собственном доме, однако сомневался, что сможет своим заработком прокормить семью.

За время своей работы он не раз стучал в контору своего шефа, и каждый раз его приветливо приглашали. Если же он просил добавить денег, то получал менее приветливый ответ. Шеф мог очень долго говорить о плохих временах или очень коротко сказать «нет» — есть достаточно людей, которые получают еще меньше. Пусть он будет доволен, что вообще работает.

Вечерами, когда Рост подсчитывал кассу и банкноты шуршали в его пальцах, его иногда посещали греховные мысли. Пара таких стопочек — ах, если бы они принадлежали ему! Пальцы приобретали особенную нежность, поглаживая купюры... Но он резко бросал их в стол, они жгли ему руки — желтые, красные и зеленые дьявольские деньги! Он склонял голову, и горькая линия вокруг рта обозначалась более резко, чем всегда.

Вообще он был симпатичным человеком, Стиан Рост, хотя работа за письменным столом немного согнула его спину и спертый воздух, смешанный с запахами различных товаров, не придавал свежести его лицу. Его осанка могла бы быть более мужской, но это было едва ли возможным для человека, который всю жизнь

должен был приветливо кланяться шефу и клиентам.

У него было красивое лицо, но мягкая линия подбородка указывала на слабый характер.

Рост был приезжим в этом городке, и у него не было здесь родных. Чердачная комната, в которой он жил, была неудобной и почти пустой. Он мог в ней только лежать и сидеть. Там стояла и печка, но Рост не мог вспомнить, чтобы когда-нибудь чувствовал тепло от нее. Дома он бывал только по ночам. Когда было очень холодно, он ложился спать в одежде, и постель быстро нагревалась. Затем, лежа под одеялом, он постепенно раздевался. Это занятие тоже немного согревало его. Когда же, немного дрожа, он лежал в постели, тоска по собственному дому звучала в нем все сильнее.

Его свободное время принадлежало церкви и Зигрид Ранг, его возлюбленной. При этом Зигрид принадлежала большая часть времени, хотя Стиан Рост чаще был в церкви, чем у нее. Но он никогда не ходил на богослужение без нее. За эти годы его труд в церкви стал беспорядочным: ослепленный любовью к девушке, он продолжал участвовать в служении в церкви.

То, что Лингейд сказал на праздничном богослужении, как молния озарила его и большинство молодых людей. Как прав был Лингейд! В какую круговерть они попали! Каждый вечер было что-то: библейский час, лекции, братские вечера, деловые обсуждения для специальных общений. Кто хорошо пел, того принимали в хор, и он должен был быть на каждой певке. Редко какой вечер люди были дома. Каждый привлекался к работе в церкви. При этом обращали внимание и на жителей окраин, которых определенным методом рабочей терапии привязывали к церкви. При этом в христианской любви не замечали нехристианские тени повседневной жизни любимых братьев и сестер. Но церкви они все были нужны, если она хотела устоять в конкуренции с другими церквями города.

Когда Рост сидел сегодня на церковной скамейке и слушал проповедь Лингейда, ему на мгновение

показалось, что он находится в пустыне, над которой одиноко раздается голос лодочника.

И вдруг этот голос был заглушен пением.

И говорящий умолк.

Они все вместе должны были бы плакать, но они пели.

Может, на него так подействовала картина пустыни, что вдруг вся его жизнь предстала перед ним в ярком свете. Запутанный клубок чувств и веры.

Рост молчал, провожая домой Зигрид, а на ее вопросы отвечал очень скупно.

— Мне, собственно, хочется сразу пойти домой, — сказал он, когда они подошли к ее дому.

— Ну зайди, хоть ненадолго...

Она открыла дверь ключом и зашла в дом, не ожидая от него ответа. Он последовал за ней.

Открыв дверь в комнату, они увидели небрежно одетую пожилую женщину.

— Ах, мама, ты все еще не пошла спать?

— Еще совсем рано, Зигрид. Добрый вечер, Стиан! Раздевайся!

Но Рост зашел в комнату, не сняв плаща, в то время как Зигрид повесила свою накидку на крючок.

Комната была очень маленькой, и ему ударил в нос знакомый запах с кухни. Ему страшно не нравился этот запах, и он не желал иметь его впоследствии в собственном доме.

Стол был накрыт как всегда — без всякого вкуса и бедно. На нем лежал кусок козьего сыра, и лежала зубцами вниз одна вилка.

Зашла Зигрид. Она была маленькой и нежной, стройная как тополек. У нее была короткая стрижка и поэтому она была похожа на вытянувшегося подростка.

Но ее лицо! Оно принадлежало к тем лицам, которые похожи на глубокий тихий пруд, из которого можно пить, но можно и утонуть. Она была прекрасна, как светящаяся картина.

В часы трезвых рассуждений Рост спрашивал себя,

сможет ли такая куколка взять на себя все тяготы супруги и матери. Но очаровательная нежность и сияющая улыбка тут же рассеивали всякие заботы.

— Садитесь же за стол, — приветливо сказала фрау Ранг.

Ее лицо обрамляли седые пряди волос, но, к сожалению, оно имело неопрятный вид. Ах, в этом доме выглядело все неопрятно, только не Зигрид. Она была совсем другой.

— Спасибо, я не голоден, — отказался Рост. — Я на празднике хорошо поел.

— Я тоже, мама.

Зигрид села рядом со Стианом на кушетку, а мать стала есть одна.

— Ну, как дела с домом? — спросила мать, намазывая новый кусок хлеба.

— Пока ничего определенного, но я узнал, что недалеко от верфи есть свободный домик, — ответил Рост, — Зигрид, завтра мы посмотрим его.

— На самой окраине, так далеко? — заметила мать.

— Да, но на окраине и цены на аренду более низкие.

— Стиан, как ты думаешь, если мы поженимся, тебе добавят зарплату?

— Нет, не думаю, — ответил он устало и с горечью в голосе, — У шефа снова убытки, у него всегда убытки, бедный человек — всю жизнь одни убытки.

Рост засмеялся, но этот смех не был радостным.

Мать кончила ужинать и, пожелав молодым людям спокойной ночи, ушла спать. Еду и посуду она оставила на столе. Смешанные запахи козьего сыра и сильно копченой селедки наполнили комнату. Зигрид не торопилась вынести остатки пищи. Она прислонилась к Стиану и доверчиво прошептала:

— Ах, теперь мы скоро поженимся! Я так рада, Стиан!

Она положила голову ему на плечо. Он провел рукой по ее волосам, но в его ласке не было особой теплоты.

— Фу, ты все еще в плаще, Стиан!

— Да, я уже должен идти.

— Иди же!

Ее голос неожиданно стал жестким. Она рывком отодвинулась от него. Он ничего не делал, чтобы унять ее раздражительность; сидел неподвижно, задумчиво уставившись перед собой.

— Ты сегодня действительно очень внимателен, — поддела она.

— Зигрид, не сердись, пожалуйста, на меня, — попросил он.

— Хорошо, — примирительно сказала она. — О чем ты думаешь, Стиан?

Он испуганно поднял голову, от смущения не зная, куда деть руки. Затем он робко сказал:

— Я думаю о Том, Кто стоит за дверью.

Краска покрыла его лицо. Рядом с ними вдруг появился третий, третья личность, требовательно стучащая в дверь.

Его слова вывели ее из себя.

— Ну все, теперь иди! Ты понял меня? Одно мучение с тобой! Иди!

Она вскочила. Он тоже медленно поднялся и застегнул плащ.

— Спокойной ночи, — сказал он и протянул ей руку.

Она повернулась к нему спиной.

Стиан пошел было к двери, но на пороге остановился и долгим взглядом посмотрел на нее.

Зигрид бросилась к нему на грудь. Он ответил ей поцелуем, но потом осторожно отодвинул ее от себя и вышел. Она проводила его и смотрела ему вслед, а он шел, еще больше согнувшись, и вскоре исчез в темноте улицы. Она пошла в спальню.

Стол она так и не убрала. Сыр и селедка могли в тишине продолжать свою рекламу.

V

— Нам нужно немного передохнуть, так как Севрин должен прочистить нос, — смеясь, сказал Лингейд.

И на самом деле: Севрин Ли крепко высморкался и тоже засмеялся. Всем мужчинам эта маленькая пауза пришлась по душе. Лингейд отошел на пару шагов, пока другие немного передохнули.

Лодочный ангар был почти заполнен лодками. Их нужно было убрать под крышу, пока не начались осенние штормы. Теперь они стояли по обе стороны дорожки. Маленькие лежали на стеллажах, которые стояли вдоль стен ангара, большие стояли на полу, и подножки их днищ топорщились как ноги невиданных зверей.

— Ну как, снова возьмемся? — спросил Лингейд, возвратившись. — И — подняли — и — покрутили — и — пошло!

Мастер командовал, а потолок ангара отражал эхо его слов. Мужчины в одном ритме склонялись над крутящимся тросом вперед и назад.

В открытую дверь Лингейд мог видеть возвышающиеся острова на фьорде, которые, казалось, плавали на гладкой темно-синей воде. Смеркалось, надвигающаяся темнота размывала контуры.

Перед дверью из воды медленно поднимался лодочный вагон. Плескаясь, вода сбегала с лодочного чулка, облепленного ракушками и зелеными водорослями.

— И — стой! Остановите!

Скрип прекратился.

— Нужно, чтобы кто-то сходил вниз и посмотрел, правильно ли закреплена лодка.

Один из рабочих пошел. Сумерки скрыли его, так как одинокая лампочка висела только над лебедкой. Но его фигура хорошо отражалась в воде, когда он вышел через дверь и пошел по направлению к берегу фьорда. Другие следили за его движениями, когда он проверял крепление. На одно мгновение он исчез за

кормой, но снова появился на другой стороне, и немного погода уже спокойно шел между рельсами рядом с натянутым тросом.

— Все в порядке! — сказал он.

— Хорошо! Мы должны затащить его до конца рабочего дня. Вперед, мальчики!

Снова раздавались команды мастера. На этот раз прошло много времени, пока, наконец, и лодка и вагон были в ангаре.

— Севрин, положи что-нибудь под колеса и сразу закрой двери. На сегодня работа закончена.

Мужчины убрали инструмент и привели в порядок рабочее место. Один за другим они брали бутылки из-под кофе, сказав «спокойной ночи», уходили домой.

Лингейд стоял один в большом ангаре. На улице было уже почти темно, только через окно на западной стороне еще проникал слабый свет. Одинокая лампочка над лебедкой не могла осветить все помещение. В углах и за лодками была крошечная тьма. В мертвой тишине, царящей после ухода рабочих, он мог слышать слабый шорох едва заметной волны, омывающей берег. Она была живой, дышащей — тихий вздох творения.

Лингейд оперся на лебедку и слушал. Пахло смолой со слабой примесью сгнивших водорослей и свежим сосновым лесом. Лингейд слышал легкое далекое потрескивание ломающихся стружек. Он огляделся, и неожиданно ему стало неприятно в большом пустом ангаре с удивительными тенями.

Он выключил свет и вышел.

Лодочный ангар граничил с мастерской, к которой от ангара шел широкий проход. Там тоже горела одинокая лампа, освещающая машины, занимавшие одну сторону большого помещения, а другая половина служила стройплощадкой для лодок.

В темноте возле пилорамы стоял человек.

Вначале Лингейд испуганно остановился.

На свет лампы вышел Севрин и натянуто улыбнулся:

— Ты испугался?

Хотя Севрин был еще совсем мальчиком, он, по старым обычаям, обращался к мастеру на «ты», что не вредило уважению.

— Почему же ты не пошел домой? — спросил Лингейд и внимательно посмотрел на него.

Мальчик отвернулся от света и не сразу ответил. Наконец он медленно проговорил:

— Я пришел спросить о двери.

Лингейд удивленно посмотрел на него.

— Разве ты не закрыл ее? — спросил он.

Теперь удивился Севрин. Улыбка озарила его лицо, но только на мгновение.

— Нет, я не про дверь в будке, я имею в виду дверь, о которой ты говорил в прошедшее воскресенье, когда...

— Понятно... И что же дальше, Севрин?

— Я боюсь, что Он стоит у меня за дверью, — тихо ответил Севрин и блестящими глазами посмотрел на своего мастера.

— Иисус стучит к тебе?

— Да, Он уже давно стучит.

— Тогда ты должен Его впустить!

— В том-то и дело, что я не знаю, как это сделать, — с печалью проговорил Севрин.

Лингейд сел на край подставки, стоящей в середине помещения, а Севрин сел на другой край. Они тихо разговаривали. Казалось, что они сидели в церкви, где машины и станки представляли людей. Прямо и спокойно висели на гвоздях ремни. Между окон при слабом свете поблескивала пилорама. Шаблоны и модели располагались на стенах или лежали на балках под потолком. Остатки дров были собраны в углу.

Они помолились и вдруг услышали на улице шаги и приглушенные детские голоса. Через короткое время отворилась дверь и послышался звонкий голосок:

— Да, свет горит, Дорди. Значит, папа точно здесь.

Дверь захлопнулась. Стало совсем тихо. Вошедшие остановились, так как увидели, что мужчины поднимаются с колен.

— Это ты, маленькая Торди? — спросил Лингейд в темноту. — Заходи!

Из-за пилорамы вышли Дорди и Торди. Малышка тут же побежала и бросилась на руки отца.

— Папа, ты должен идти домой, там ждут тебя двое дядей.

— В самом деле, малышка? — спросил отец и погладил ее по головке.

— Они послали нас за тобой, — сказала Дорди, бросив при этом на Севрина любопытный взгляд, — Ты сегодня так долго заставляешь себя ждать.

— Дорди, меня действительно кто-то ждет?

— Да, пастор Борнас и Бакке.

Его лицо помрачнело. Он остановился и долго смотрел прямо перед собой. Но тут его взгляд упал на Севрина, который со счастливым лицом бегал вокруг с малышкой и не хотел уходить — он чувствовал себя таким свободным!

Он посадил маленькую Торди себе на плечи и несколько раз подпрыгнул так, что она испуганно и радостно вскрикнула. Затем она крепко ухватилась руками за его шею, чувствуя себя теперь в полной безопасности.

Лингейд взял свою маленькую дочь и поставил ее на пилораму.

— Спокойно стой здесь, пока я не выключу свет, а затем я на спине понесу тебя на гору. А вы идите к выходу, пока я не выключу свет, — обратился он к Севрину и Дорди.

Молодые люди пошли к выходу, но Торди со страхом посмотрела вслед отцу.

— Возьми же меня сразу с собой, — сказала она.

— Я тебя найду, моя малышка, — рассмеялся отец. И свет потух.

— Папа!

— Я здесь!

— Я тебя не вижу!

— Возмись за меня, я же здесь!

Отец взял руку ребенка и положил себе на спину.

Нежными ручонками она обхватила его шею, а лицом доверчиво прижалась к уху.

— Папа, теперь ты должен быть осторожным!

Он прижал ее ножки к бокам и пошел. Его шаги эхом отдавались в мастерской, как будто еще кто-то шагал в темноте.

Когда Лингейд закрыл дверь, то увидел, что молодые люди стоят на возвышенности, где дорога сворачивала к последним домам города. Они хорошо были видны на фоне светлого звездного неба. Оттуда оставалось несколько шагов до дома.

VI

Лингейд с Торди на спине так и зашел в комнату, где его ждали братья. Он дал девочке соскользнуть со спины и со смехом сказал:

— Уф-ф! Бедной лошадке приходится нелегко!

Посетители сидели на простых, но удобных стульях. Лингейд держал дочку на коленях. Из кухни раздавался негромкий звон посуды — фрау Лингейд готовила ужин.

— Гм... мы пришли по поводу случившегося в воскресенье.

Пастор сделал серьезное лицо и наклонился вперед, глядя на Лингейда твердым взглядом.

— Хорошо, — сказал лодочник.

— Разумеется, такое не должно больше повториться!

— Рад слышать это! А то я уж подумал, что это случилось с твоего одобрения.

Пастору стало ясно, что Лингейд неправильно понял его и поэтому он быстро повторил:

— Нет, речь идет о тебе. Я не одобряю твою проповедь.

— И то, что меня остановили пением?

— Гм! — Борнас помедлил несколько секунд и с твердостью в голосе сказал: — Ты ничего лучшего и не заслужил!

Лингейд задумался. Бакке видел, что внутри него идет борьба. Маленькая Торди прижалась к отцу.

— А если бы тебя остановили пением?

Спокойно произнесенный вопрос подействовал, как шило, которое медленно толкают в живое мясо.

— Что? — Борнас рывком выпрямился.

Эта мысль была непостижима.

— Если бы ты был на моем месте?

Пастор коротко рассмеялся. Он снова обрел твердую почву под ногами.

— Ну, я думаю, что я замкнулся бы в себе.

— Возможно! Но я — мне показалось, как будто меня распинают...

— Лингейд! — прервал его пастор. — Это слишком дерзкое сравнение!

— Мне казалось, что меня распинают, — повторил лодочник, — как будто меня раздетым повесили между небом и землею.

Борнас посмотрел на Бакке, ища у него помощи. Но Бакке твердо ответил:

— Я благодарю своего Творца, что этого не случилось со мной. Это должно быть ужасно — быть распятым своими же братьями.

— Своими же братьями, Бакке?

— Да, теми, которых бы очень хотелось спасти.

Борнас ничего не мог понять.

— Ты говоришь об Иисусе? — спросил он.

— Да, об Иисусе и Лингейде.

Лодочник закрыл лицо руками.

— Бакке, ты не должен так говорить, — попросил Лингейд, — но я благодарю тебя за твое расположение.

— Я думал, что мы с тобой единоклюшны в этом вопросе, — сказал пастор, обращаясь к Бакке.

— Разве я давал тебе повод так думать?

— Нет, но...

Смущенная пауза.

— Скажите, что вы, собственно, хотите? — спросил Лингейд.

— Я уже не могу точно сказать, — ответил Борнас, бросая укоризненный взгляд на Бакке. — Может быть, это только мое мнение по поводу случившегося. Но ты должен прекратить то и дело провоцировать церковь!

— Провоцировать?

— Да, это слово означает...

— Я знаю его значение, — сказал Лингейд. — Я только не понимаю, насколько, каким образом...

— Да твои замечания — это вызов совету церкви, проповедникам, хору и отдельным членам. Ты слишком усложняешь Слово Божье и учишь христианству, кото-

рое не может существовать в наше время. И к тому же ты делаешь это ненадлежащим образом и сеешь недовольство в наших рядах.

— Неужели это так ужасно? Разве Слово Божье опасно?

— Слово Божье там и Слово Божье здесь, — сказал Борнас недовольно. — Ты применяешь Слово Божье к одежде людей, к их пище и к их окружению, к их делам...

— К их покаянию, — сказал Лингейд.

— Да, правильно! Но если оно не идет по обычной схеме, то ты не веришь в покаяние. Об этом ты и говоришь с кафедры. И в результате — многие наши молодые члены становятся беспокойными.

— Неужели, правда? — радостно воскликнул лодочник.

— Было бы лучше, если бы ты не радовался этому, — возмутился Борнас. — Ты сердишь людей и отягчаешь их совесть! Мы недавно приняли молодежь и привлекаем их в наши рабочие кружки, чтобы найти возможность привести их ко Христу. А тебе это не подходит. Ты бы лучше подумал о своей дочери!

Борнас бросил быстрый взгляд в соседнюю комнату, где находилась дверь в кухню. Она была закрыта. За ней все еще слышался шум посуды.

— О дочери? — спросил Лингейд и крепче прижал Торди к себе.

— Да, я имею в виду Дорди!

— А-а!..

— Мы пробовали привлечь ее в какой-нибудь рабочий кружок, но она не хочет. Ты не желаешь этого, и поэтому девочка бежит нераскаянной. Как ты можешь рисковать этим?!

Наступила пауза.

— Ответственность за это я беру на себя, — спокойно ответил Лингейд.

— Ты ставишь человеческую душу под удар, — сказал Борнас.

— Нет, хочу отразить опасность.

— Опасность?.. — Пастор устало покачал головой.

— Да, нет большей опасности, чем...

— Папа, может, пойдем к маме? — прошептала Торди.

— Сейчас, моя милая.

Бакке кашлянул.

— Продолжай, — сказал Борнас.

— Нет большей опасности, чем смешивать покаяние и служение, — закончил Лингейд.

Бакке молча кивнул.

— Это теории, которые бы ты лучше оставил при себе, — Ответ пастора звучал немного приветливее.

— У меня нет никакого желания, чтобы меня еще раз распяли, но в остальном...

— Итак, Лингейд! Ты должен понять, что все это прибавляет мне много работы. Некоторые члены церкви дали мне понять, что, если их не оставят в покое, они оставят церковь — так они выражаются. А этого мы не можем позволить себе...

— Речь идет о богатых людях?

— Гм-м, ну да. Я понимаю, что Мобекк чувствует себя слишком оскорбленным. Было бы не очень хорошо, если бы он перестал свой...

— Свой корван и дальше отдавать, — продолжил Лингейд.

— Корван?

Бакке и Борнас вопросительно посмотрели на него.

— Да, корван! Говорят же «корван», если сын отдает Богу то, что он должен был отдать родителям. Иисус сказал об этом фарисеям.

— Но какую связь это имеет с Мобекком? — спросил Борнас, затаив дыхание.

— Ну, он отдает Богу то, что удерживает со своих рабочих.

Бакке задумался, а пастор возмущенно всплеснул руками.

Тут в дверях появилась фрау Лингейд и пригласила всех ужинать.

VII

Стоял пасмурный декабрьский день, время приближалось к обеду.

Несколько дней назад похолодало, и восточный ветер пригнал много снега. Теперь дул легкий южный ветерок. Природа была как черно-белый этюд. По течению плыли несколько покрытых снегом льдин.

Медленно взмахивая крыльями, от одного берега к другому через фьорд летела одинокая ворона, исчезая на другой стороне в черном ельнике. Небо казалось тяжелым и низким. Горизонт касался устья фьорда, перед которым стояла серая стена облаков.

Стаан Рост шел по дороге в новый дом. Широкими шагами он медленно поднимался по улице. Как молодой муж, он должен был бы торопиться! Но, к сожалению, его подгоняла необходимость. Он сгибался еще больше, чем раньше, так как внимательно смотрел на скользкую дорогу. К калитке соседнего дома подбежала собака и долго лаяла ему вслед. Рост вздрогнул, и его охватило чувство холода. Эта собака лаяла почти всегда, когда он шел мимо. Ему казалось, что она злится на него. Что же он ей сделал? В первый раз, проходя мимо, он сказал ей несколько успокаивающих льстивых слов, но они страшно вывели ее из себя. Может, она чувствовала страх, который пытался скрыть Рост? Это была злая собака, и чем больше Рост ее боялся, тем злее она становилась.

— Несчастный пес! — проскрипел он, когда стал согреваться.

Он проходил мимо дома Лингейда.

Петя и Торди катались на санках, они ехали вниз по холму к лодочной верфи.

Петя стоял на санках и кричал: «Дорогу!», хотя кругом не было ни одного человека. Но ему хотелось немного покомандовать. Это нравилось и Торди, которая вторила Пете: «Дорогу!»

Да, там наверху царило веселье!

Стиан Рост забыл про собаку. На его лице появилась слабая улыбка. Он думал о том, что когда-то тоже услышит голоса своих детей.

С лодочной верфи был слышен стук молотков. Рост знал, что здесь трудились над двумя спасательными лодками.

Он остановился и прислушался. Звуки здесь были намного живее, чем вечный стук пишущей машинки у Мобекка.

В будке внизу о чем-то разговаривали, голоса слышались несмотря на стук молотков — мужчины со здоровыми легкими. Его же рабочий день был наполнен вежливым шепотом, поклонами из года в год.

Но зато в фирме было тепло.

Вдруг он почувствовал, что мерзнет, и пошел дальше.

Они жили несколькими домами дальше, у пожилой женщины, которая перешла в чердачную комнату.

Скверный воздух ударил ему навстречу из кухни — тяжелый, испорченный воздух. Зигрид принесла его из дому, и он причинял страдания его носу. На кухонном столе рядом со стопкой грязной посуды лежали две колбаски и стояла чашка для мытья посуды, на краю которой лежала тряпка.

На печке стояла небольшая кастрюля с картошкой, наполовину закрытая крышкой. Выкипевшая вода оставила пятна на печке. Но теперь вода была спокойна, так как огонь под плитой почти потух.

Навстречу ему выбежала Зигрид.

— Ах, Стиан, ты пришел?.. Неужели уже так поздно?

— Посмотри на часы! — сердито ответил он.

Когда он зашел в спальню, где не были заправлены кровати, она сделала болезненное лицо. Он повесил пальто на крючок. В зале, служившем столовой, не было никаких признаков, что здесь должны обедать. На столе лежал открытый роман — это было все.

Он тяжело упал на стул. В комнате было очень жарко.

Зигрид выглянула в щель кухонной двери. Раздражение уже улетело с ее лица, оно было вновь приятным, как и голос, которым она жалобно попросила:

— Ах, Стиан, мой милый, принеси молока!

— Нет, — недовольно проговорил он.

— Ну, и не надо! Тогда будем есть кашу без молока. Она захлопнула дверь.

Через мгновение он был уже рядом с ней.

— Ну, ладно, давай банку! Вообще-то ты могла бы сама сходить за молоком.

— Разве ты не видишь, что я не одета?

Он глянул на свою маленькую жену, которая была полуодета, скривился и пошел.

Когда он вернулся, во всей квартире пахло горелым маслом. Колбаса с треском лопалась на сковородке, картошка перекипала, и перебежавшая вода шипела на плите.

Зигрид избегала его взгляда. Она выглядела несколько небрежно. Рядом с открытой книгой лежала скатерть. Значит, она начала накрывать стол. Она пришла с тарелками, чтобы поставить их на стол.

Она взяла со стола книгу — и перед тем, как закрыть ее, посмотрела номер страницы; при этом увидела, что глава почти кончается. Она уперлась о стул коленкой и стала читать. На одной ноге у нее висел стоптанный тапочек.

— Что-то пахнет горелым! — взволнованно воскликнул Стиан.

Она оставила книгу и бросилась к двери. Тапочек остался лежать под стулом.

У Роста все внутри кипело. Как тяжело сохранить хладнокровие, когда так ужасно пахнет и ему не хватает воздуха. Казалось, что сегодня придется уйти из дома голодным. Усилием воли он придал лицу спокойное и мирное выражение. Если бы Зигрид больше следила за порядком! Если бы она лучше варила! Но это ей было совсем неинтересно.

Рост со злостью так отфутболил одинокий тапочек, что он полетел над полом. Чувствуя, что этим оскорбил Зигрид, он поднял тапочек и осторожно поставил его под печку, при этом тяжело вздохнув. Для него же наступила прекрасная жизнь! Он вдруг вспомнил о собаке за калиткой. Да, это жизнь лаяла на него, необузданно и зло. По его спине пополз страх, страх перед жизнью.

— Колбаса, к сожалению, немного подгорела, Стиан. Это звучало наполовину упрямо и жалобно.

— Ах, пойдет, — сказал он.

Она подарила ему любящий взгляд, и после этого они сели за стол.

— Приди, Господь Иисус, и будь нашим гостем...

Он совершил молитву. Она звучала немного нерешительно. Зигрид развела руками, беспокожно оглядываясь. Когда он сказал «Аминь», она нашла тапочек и одела его.

Стиан обслуживал себя сам. Колбаса внизу была черной. Запах усилился, когда он перевернул ее.

Тут дьявол начал стучать в дверь его сердца ясно и настойчиво. Его лицо стало бордовым, когда он попробовал отделить от колбасы черную корку.

— Свиная похлебка! — с горечью проворчал он.

— Свиная похлебка? — Ее миловидное лицо приняло возмущенное, почти враждебное выражение. — Тогда я как раз правильно приготовила — для тебя!

Он бросил нож и вилку на стол, пошел в спальню, и протянул руку, чтобы снять пальто, но остановился. Он уперся рукой в стену, положил на нее голову, и простоял так некоторое время.

Он слышал, как Зигрид стучала ножом и вилкой, делая вид, что ест. Но потом она пошла к нему в спальню в своих стоптанных тапочках.

Через пару секунд она втиснулась между ним и пальто.

— Стиан, ты не должен сейчас так относиться ко мне, слышишь? Ты же знаешь, в каком я положении!

Он попытался оправдаться:

— Даже если ты ожидаешь ребенка, тебе нужно следить за колбасой, чтобы она не подгорела, не так ли?

Но когда он это сказал, он совершенно ясно понял случившееся. И когда его жена начала плакать, то все его зло улетело.

— Ну, хорошо, малышка, я не хотел огорчить тебя.

Их примирение пришло так же незаметно, как разразилась ссора. Каждый старался превзойти другого в нежности.

Чуть позже они снова сидели за столом, доедали съедобные части колбасы и пили жидкий сливовый компот, беззаботно разговаривая и смеясь.

Этот случай как будто придал им энергии.

Быстро были заправлены кровати. Они пригладили перину, сложили одеяла, и при этом любовно смотрели друг другу в глаза.

Мытье посуды тоже прошло быстро: она мыла, а он вытирал. Но при этой работе их хорошее настроение омрачилось легкой печалью. Он глянул на часы. Какая-то мысль мучила его.

— Неужели ты уже хочешь уйти? — спросила она.

— Да, сегодня я должен пойти немного раньше.

— Случилось что-то особенное?

— Гм, да... но это не так важно.

Он отложил полотенце и заторопился. Через несколько минут он был готов идти, на бегу сказал «до свидания!» и закрыл за собой дверь. Едва он вышел за калитку и пошел вниз по улице, как услышал голос Зигрид, которая звала его через кухонное окно:

— Стиан! Стиан!

Он сердито остановился и пошел назад.

— Пришел счет на постельное белье!

Его лицо приняло раздраженное выражение.

— Ты могла бы это мне раньше сказать, когда я был дома, или когда приду домой!

— Я только сейчас вспомнила и поэтому я хотела тебе это сразу сказать. Счет пришел уже несколько дней назад.

— Да, это похоже на тебя, — язвительно ответил он.
— Я все равно не могу в этом году заплатить.

Начал моросить дождь. Короткий день подходил к концу. Тяжело и неумолимо вторгались в город сумерки. Здесь, на окраине, уличные лампы еще не зажглись, а в городе лампы уже горели. Когда Рост проходил мимо калитки, собака не лаяла. Ее нигде не было видно. Да и какое удовольствие — стоять под дождем и лаять. Видно, и в собаке есть что-то человеческое.

Рост быстрыми шагами шел в город. Его подгоняла внутренняя сила: он был голоден. Во время мытья посуды он не мог избавиться от соблазнительной мысли: вот бы съесть пару бутербродов с холодным шницелем и луком! Как это будет вкусно!

Вот он дошел до ресторана, о котором думал, и уже поставил одну ногу на ступеньку, но тут его охватила нерешительность, и он пошел дальше. Но в следующее мгновение он круто повернул назад и зашел.

Да, это было вкусно! И было бы еще вкуснее, если бы он мог все это есть с доброй совестью... Но ему было ясно, что такое блюдо он просто не мог себе позволить.

VIII

Пастор Томас Борнас был в хорошем настроении. Он даже сделал несколько шуточных замечаний, которые у многих вызвали улыбку. Все члены совета были разумными, и ими легко было руководить, так что пункты распорядка дня были быстро приняты. Он применял при этом старую тактику, состоящую в том, что все тяжелые вопросы оставались на конец, — таким образом хороший настрой сохранялся дольше.

Нашлось много членов церкви, которые принадлежали к оппозиции — так называл это Борнас. Они симпатизировали взглядам Лингейда и охотно поддерживали его. Сам Лингейд сидел тихо, уйдя в себя, но по опыту Борнас знал, что для него ничто не остается незамеченным. В середине зала сидел Мобекк — не высоко, но широко — добрый, внушающий доверие Мобекк.

— Теперь у нас еще один вопрос. Речь идет о ряде евангелизационных собраний.

Пастор сделал паузу и дал время, чтобы сказанное им постепенно проникло в сознание членов церкви.

Многих обьял легкий трепет. Кто-то украдкой переглянулся. Лингейд выпрямился. Мобекк сидел, как маленькая крепкая скала. Он всегда был сильным, когда не было шторма. Перед ним, на несколько рядов ближе к кафедре, сидел Стиан Рост с женой, недавно женившийся и счастливый. Вообще-то Росту не подобает сидеть впереди своего шефа.

— Совет, — продолжал пастор, — принял решение предложить церкви пригласить на один месяц поработать у нас пастора Линга. Пожалуйста, выскажите ваше мнение по этому решению!

Беспорядочный шепот голосов мгновенно наполнил зал. Некоторые голоса можно было ясно понять:

— Линг — он не оттуда...

— Нет, не оттуда, — он только долго был там.

— Он должен быть блестящим оратором!

Борнас с улыбкой наблюдал за церковью. Это был лакомый кусочек — этот Линг. Пастор дал своим членам время порассуждать, так как знал, что тишину можно установить в любой момент. Короткий диалог помог закончить паузу.

— Ты же слышал его, Лингейд?

— Да, несколько месяцев назад, на юге.

— И что?

— Гм-м... Да, Линг — человек с идеями и методами...

— Пожалуйста, кто хочет сказать? У тебя что-то на сердце, Лингейд?

Вопрос был задан немного строго, и это произвело мгновенную тишину.

— Я не просил слова, — спокойно ответил Лингейд.

— Ах так, я только думал... Пожалуйста!

Мобекк откашлялся — это был сдержанный кашель, как он обычно делал в конторе: требующий внимания легкий кашель, в котором ясно звучало предостережение: «я, Мобекк, здесь».

Пастор выждал всего одно мгновение и сказал:

— Пожалуйста, Мобекк!

Торговец положил свою руку на спинку впереди стоящего стула, он охотно пользовался такой опорой, когда ему нужно было подняться.

— Я прошу церковь принять предложение совета церкви, — сказал он с нажимом и достоинством.

Это было все. Он сел и огляделся. Пусть теперь другие скажут свое мнение.

Но зачем же? Они же были едины с Мобекком, во всяком случае, большинство.

Все единодушно проголосовали за предложение совета.

Но потом все же произошел небольшой диалог.

Пастор сказал, что нужно мобилизовать все силы. Хор должен активно участвовать. Музыка — каждый вечер. Трактаты с приглашением на евангелизацию нужно напечатать и раздать. За полчаса до собраний в маленьком зале будут проводиться молитвенные часы.

Каждый должен отложить все свои домашние дела

и участвовать в мероприятиях церкви. Молодежь нужно привести в движение — привести в движение...

Борнас начал немного заикаться, так как он неожиданно встретился с глазами Лингейда и заметил, что под легко опущенными ресницами они начали гореть. Поэтому он старался не прерывать своей речи, из страха, что Лингейд возьмет слово. Так оно и случилось!

— Только пару слов, — сказал Лингейд, когда пастор остановился.

Его голос был спокоен, но исполнен силой.

— Дело уже почти закончено, — сказал пастор в надежде, что сможет продолжать.

— Я знаю, — сказал Лингейд. — Я даже и не пытаюсь что-то решительно изменить.

— Ну, и что ты хочешь нам сказать? — спросил пастор с явным облегчением.

— Некоторое время назад нас посетил один брат и проповедовал у нас Евангелие, — простой скромный человек. Я имею в виду евангелиста Элвегарда. Его евангелизационные собрания проходили без музыки и хора, без молитвенных общений. Я не помню, чтобы мы что-то отставляли в сторону, чтобы послушать. Печальным и бедным он уехал от нас. Наш церковный совет должен был решить вопрос о помощи ему. Мы должны были помочь ему, так как Элвегард нуждается в этом. Этот Линг...

Никто не услышал, что было с этим Лингом, так как Мобекк откашлялся и сказал, покраснев при этом:

— Мы слишком много говорим о том, что не относится к делу.

— Да, мы должны идти дальше, — заметил пастор, приветливым взглядом поблагодарив Мобекка за помощь.

— Итак...

— Простите!

— Подождите, Бакке хочет что-то сказать.

— Гм, мы несправедливо поступаем с братом Лингейдом. Он должен высказать свое мнение. Он не говорил о чем-то постороннем — по крайней мере, это мое мнение.

— Ну конечно, конечно! — с нетерпением проговорил пастор. — Итак, пожалуйста, Лингейд!

— Собственно, я уже сказал почти все, что хотел, — сказал Лингейд. — Хочу только сказать, что мы опираемся на плотское и возлагаем свою надежду на человека вместо Бога.

Он сел.

Пастор не посмел возразить ему, чтобы не вызвать новых высказываний.

— Значит, решено: мы на один месяц приглашаем к нам Линга, — продолжал свою речь Борнас, — Остается вопрос гонорара. Что мы можем ему дать? Я слушаю ваши предложения.

— Двести крон!

Все вздрогнули, так как эта сумма была названа решительно и без колебаний.

Пастор сморщил лоб.

— Но Лингейд! — сказал он с упреком. — Мы же не можем так мало предложить этому человеку!

Лингейд спокойно выдержал взгляд пастора.

— Столько же получил тот человек, который проповедовал нам и затем печальный...

Мобекк прервал его сердитым смехом:

— Ну, ты сравнил! Неужели ты не видишь здесь никаких различий?

— Этого я не знал, — сказал Лингейд. — Может, у Линга больше семья. У Элвегарда на иждивении пятеро детей и старая мать.

— Откуда мне знать, сколько у них детей! — резко проговорил Мобекк.

— Этого от тебя никто и не требует, — добродушно проговорил Лингейд. — Только из-за того, что ты сказал о различиях, я подумал...

— Я имел в виду различия в способностях. Теперь ты понял меня?

Лингейд выпустил воздух между губ, и получилось что-то вроде свиста.

— Ага! Значит, гонорар нужно давать за способности?

Он осознавал, что его тон стал немного насмешливым. Но за этой иронией была глубокая серьезность. Не сказать, чтобы это словопрение было назидательным, но вся церковь напряженно следила за ним. По их мнению, Мобекк был немного тяжелее телом и душой, чтобы состязаться с Лингейдом.

— А за что же еще? — с горячностью спросил Мобекк.

— Я считаю это ужасным, — сказал Лингейд, — за дары благодати платить кронами.

— Так же делают везде.

— Но не в Церкви Божьей.

— А как же нужно делать?

Лингейд ответил местом из Писания.

— «Даром получили, даром давайте».

— Значит, проповедник не должен получать зарплату?

— Он должен получать плату, но по нужде, а не по мере даров благодати и занятости.

— Споем один куплет, прежде чем пойдем дальше, — прервал диалог Борнас. — Немного разнообразия нам не повредит.

Лингейд и Бакке быстро переглянулись. Это несомненно значило, что Лингейда уже второй раз остановили пением. Лингейд склонил голову и медленно ушел в себя, но тут же выпрямился и стал громко петь. Ему вдруг понравилось участвовать в собственном похоронном пении.

— Вопрос так и остался открытым, — сказал Борнас, когда закончили петь. — Сколько?..

Мобекк быстро поднялся.

— Я предлагаю четыреста крон, — сказал он, вызываясь посмотрев на Лингейда.

По залу снова прошелестел шепот.

— Человек должен получать столько, чтобы во время работы он мог жить у нас, ни в чем не ограничивая себя, — продолжал Мобекк. — Его гонорар окупится, если подумать, сколько он сделает для людей в церкви. Сборы будут богатые. Это дело с гарантией. Будет даже

излишек, — пожалуйста, будь спокоен, Лингейд! Я имею слово! Что же я хотел сказать? — Слово выпало у меня из памяти. Ты сбил меня с толку твоим вечным смехом, Лингейд. Но теперь пусть другие бьются с этим лодочником, если у них есть желание. Я пошел! — Непросто было Мобекку выбраться из ряда стульев из-за его полноты.

Лицо Лингейда озаряла улыбка.

Наконец за Мобекком захлопнулась дверь, не совсем беззвучно. Стук его тросточки становился все слабее, пока совсем не стих.

Так было принято решение, что Линг должен получить четыреста крон.

— А теперь мы должны решить еще один вопрос, — объяснил пастор, и люди тут же поняли, в чем он состоял.

Некоторые члены церкви совсем согнулись, сделались маленькими.

— Кто-нибудь из вас готов принять к себе брата Линга?

Борнас задал этот вопрос самым приветливым тоном и осмотрел весь зал.

— К сожалению, на этот раз я не могу, — сказал один из членов, на котором остановился взгляд пастора.

— Моя жена тоже не совсем в форме, — заметил другой и с сожалением покачал головой.

— Надо заказать ему комнату в гостинице.

— Нет, это действует так отталкивающе.

Они не сдавались.

— Да, тогда мне, видно, придется самому...

Лингейд внимательно следил за ходом рассуждений. Пастор избегал его взгляда.

Не глядя на него, Лингейд неожиданно сказал:

— Я охотно приму его у себя, ему должно быть удобно у меня. У меня есть диван, если он...

У пастора был такой вид, как будто он не знал, что делать.

— Диван? Гм, я вообще не знаю, может... И к тебе

так далеко идти, Лингейд. Мы должны об этом еще подумать. Я думаю, что мне позволят возвратиться к этому вопросу, не правда ли?

— Как хочешь, — коротко сказал Лингейд.

IX

Внутри у Мобекка бушевал шторм, когда он в понедельник поздно вечером пришел домой с членского собрания.

— Этот Лингейд! — зашумел он, когда вошел в дом. — Он любого выведет из терпения! Он должен...

Но канонада его оскорбительных слов тут же закончилась, когда он встретился с взглядом жены. Только теперь он увидел, что и его старая мать, и Эмли выглядят очень печальными. С полуоткрытым ртом он смотрел то на одного, то на другого.

— Ты теперь меньше всего должен думать о лодочнике, — сказала Лина со слезами в голосе.

— Что — что случилось? — заикаясь, проговорил он.

— Хелге пришел больной с лыжных соревнований, он лежит в кровати с температурой.

Боевой настрой Мобекка мгновенно исчез. Лодочник был забыт. Мобекк притих и обмяк.

— С температурой? — тихо простонал он. — Ты послала за доктором?

— Да, он должен вот-вот прийти.

Мобекк производил впечатление беспомощного ребенка. Его голос дрожал, и он был готов заплакать. И вдруг он почувствовал, что нуждается в Божьей помощи. Это чувство наполнило его теплотой и трепетом.

«Как хорошо, что мы имеем такого Бога, Который знает наши нужды», — вздыхал он с влажными глазами.

Тут пришел врач.

Хелге лежал в своей комнате, весь в жару, с блестящими глазами. Врач молча проверил пульс, прослушал грудь и спину, а Хелге в это время дрожал от холода.

Врач нарисовал несколько непонятных каракулей на листе бумаги, дал несколько коротких указаний и был уже готов уйти.

— Господин доктор, что ему нужно? — попытался остановить его Мобекк.

Но врач торопился.

— Завтра снова приду в обед, — бросил он в передней через плечо, и его след простыл.

— Удивительные создания, эти врачи! Кажется, у них привилегия — быть не такими, как обыкновенные люди. Они даже не считают нужным быть вежливыми, если не хотят.

Эти слова были отражением глубоких, невысказанных мыслей, посетивших голову Мобекка, когда он снова вошел в комнату Хелге.

Там он дал волю своим чувствам. Он похлопывал и гладил Хелге, и без конца говорил, так что больной наконец отвернулся от него и от усталости закрыл глаза.

Старая мать предложила всю ночь сидеть у постели Хелге.

После этого все пошли спать.

На этот раз Мобекк с женой, перед тем как идти спать, нашли время для вечерней молитвы. Он еще некоторое время лежал после того, как жена его уснула. У него было удивительно на душе. Кротость, охватившая его, действовала успокаивающе, как будто он чувствовал близость Божью. Он был чувствителен к действиям свыше, и это могло означать только то, что Иисус живет в его сердце.

И с этим надежным чувством он заснул.

* * *

Это было на следующий день, почти в двенадцать.

Мать Мобекка сидела перед радио и ждала начала христианской передачи. В ожидании она сидела и вязала. Вид у нее был бодрый, так как ночью она неплохо спала. Хелге был спокоен. Он большее время оцепенелый лежал в кровати и только несколько раз просил пить.

Теперь она хотела иметь тихие часы у радиоприемника, как всегда до обеда. В комнате Хелге была его мать.

— Вы слушаете радиопередачи...

В комнате раздалась христианская музыка. Хотя она не могла нарушить покой Хелге, так как он лежал далеко от радиоприемника, все-таки громкость передачи сделали тихой.

Тут дверь тихо отворилась, и вошел Мобекк. Сначала он заглянул к Хелге, а затем тихо сел в удобное кресло, напротив своей матери.

Она удивленно посмотрела на него.

— Ну и ну, ты пришел в такое время?

— Да, — тихо ответил он.

— В рабочее время?

— Да, — повторил он, не без торжественности. — Нельзя, чтобы работа выросла выше головы.

Мать задумчиво посмотрела на него, на лице ее появилась печальная улыбка.

Но тут началась проповедь.

«Что пользы человеку, если он приобретет весь мир, а душе своей повредит?»

Мобекк слушал проповедь с благоговейным покачиванием головы, при этом то и дело вздыхая.

— Да, да, — бормотал он. — Правдивое слово!

Когда проповедь закончилась, он встал и тихо вышел.

После обеда пришел врач. На этот раз он был более говорливым.

— Все признаки воспаления легких, — сказал он с серьезным лицом. — Сегодня вечером я еще раз обследую его, значит, я еще раз зайду.

* * *

Во время работы после обеда Стиан Рост появился незванным в конторе своего шефа. Хотя его лицо выражало большую решимость, вид его был почтительным еще до того, как Мобекк посмотрел на него. Но когда Мобекк взглянул на него, то Рост вздрогнул и почти выпрямился во весь рост, так как в лице шефа было что-то кроткое, а во взгляде — доброе.

— Ну, дорогой Рост?

Стиан вздрогнул еще больше. Значит, он пришел в очень хороший момент!

— Речь идет о... гм-м... есть ли возможность... гм-м... да, могу ли я прямо сказать: есть ли возможность повысить мой заработок?

Мобекк задумчиво барабанил пальцами по столу.

— Добавку к зарплате, мой дорогой?

— Да, при условии, что господин шеф не сердится на меня.

— Сохрани Бог! Совсем нет! Добавка к зарплате! Совсем не исключено. Вы уже давно работаете здесь, Рост?

— Да, примерно двенадцать лет.

— Да, да. Вы хороший работник, я это открыто признаю.

Такая похвала была для Роста очень неожиданной. Это было слишком хорошо, чтобы быть правдой!

— Да, да, Рост. Сейчас сразу я, естественно, не могу решить, но, может быть, через пару дней. Значит, через пару дней вы зайдете опять. Перед этим я бы охотно посмотрел годовой отчет.

Рост увидел, что звезда его надежды угасает, но угасающая звезда все же оставила на его лице блеск надежды, когда он с поклоном оставил контору.

Похожий блеск освещал в вечерние часы и личную жизнь Мобекка. Врач снова был у них. У Хелге оказалось не воспаление легких, а тяжелая форма гриппа.

Медленно исчезало давление, которое обременяло всех последние двадцать четыре часа. Они стали надеяться, что больной выздоровеет.

Мобекк вечерами часто углублялся в Библию, которая стала для него источником утешения. Когда его мать видела его читающим, лицо ее принимало иногда выражение неверия или печали.

«Ничего ей не нравится! Все было бы хорошо и мирно, если бы не болезнь Хелге. Разве поймешь этих старых людей!»

Он долго смотрел на радиоприемник, когда проходил

мимо него по пути в спальню. Сегодня вечером он охотно послушал бы что-то хорошее. Но он должен отказаться от этого, ведь Хелге еще так сильно болеет!

В спальне его охватило странное чувство недовольства, причины которого он не мог понять. Это было так удивительно, что же случилось? Он сидел на кровати, держа в руке носок. Сегодня он спит один, жена захотела остаться на ночь в комнате Хелге. Он чувствовал себя таким пустым — такое чувство бывает у человека, который целый день ничего не ел.

Сигарета!

Да, точно! Конечно!

Он вздохнул и снял второй носок. Через короткое время заскрипела кровать. Мобекк лег. Он взял Новый Завет и прочитал одну главу, затем сложил руки и долго лежал. Потом он выключил лампу не без глубокого вздоха.

Через некоторое время он начал шарить в ящике стола, загорелась спичка, и в темной спальне запахло дымом. С кровати светила красная точка, как горящий глаз, который каждый раз вспыхивал в темноте, когда он затягивался сигаретой.

* * *

После трех-четырёх дней напряжение в доме спало. Хелге выздоравливал. Эмли снова начала заниматься музыкой, а Мобекк сидел вечерами перед радио и с удовольствием курил сигарету. В доме все возвращалось на старые рельсы. Только одно изменилось: бабушка стала еще молчаливее, чем раньше, много сидела в своей комнате. Эмли испуганно сообщила, что, проходя мимо ее комнаты, она как-то слышала, что бабушка плачет.

— Я боюсь, что она стареет, — ответила мать.

Как-то после обеда Рост постучал в дверь конторы Мобекка.

— Зайдите!

Это прозвучало резко и не очень громко. Рост тут же все понял, и ему захотелось куда-то исчезнуть. Но ничего не оставалось, как только зайти.

На этот раз прошло много времени, пока Мобекк оторвался от своей работы.

— Что вы желаете? — спросил он резко.

— Да, извините, но я пришел из-за добавки к зарплате, о которой мы на днях говорили.

— Вы опять пришли с этим — это же ужасно!

— Вы же сами сказали, чтобы я пришел через пару дней.

— Да, правильно, я говорил. Я все это дело обдумал. Вы будете получать...

Мобекк тщательно высморкался. Рост весь превратился в слух. Незаконченная фраза: «Вы будете получать...» обещало многое.

— Вы будете получать ту же зарплату, что и раньше, — закончил Мобекк.

Рост несколько раз беспомощно вздрогнул и облизал губы, чтобы что-то сказать, но Мобекк опередил его:

— Годовой доход был не таким хорошим, как я думал. Гм-м, возможно, мне придется распустить часть своих рабочих. Если вы останетесь, то в следующем году мы вернемся к этому разговору. Что я еще хотел спросить: у вас готов счет на апельсины? Пришлите его мне, пожалуйста, сюда.

Аудиенция закончилась.

Х

В автобусе, шедшем по улице Фьорда, сидели Борнас и Линг. Борнас специально отнес багаж гостя подальше в салон, и сами они сели далеко от водителя. Там, сзади, они приглушенно разговаривали.

Эти двое были очень разными. Борнас был высоким, худым и хорошо одетым. У него было тщательно выбритое лицо и заботливо завязанный галстук, аккуратно лежащий под белоснежным воротником.

Линг был крепким, небольшого роста. У него был широкий подбородок и лицо волевого человека. Бесстрашно и пытливо смотрели в мир карие глаза.

Обоим было около сорока лет.

— Я хочу дать тебе небольшой ориентир, прежде чем ты попадешь в этот дом, — сказал Борнас сдержанным голосом.

— Я хотел бы сам сориентироваться, — немного уклончиво ответил Линг. — Но, если хочешь, говори.

— Да, знаешь, вообще ты должен был жить у торговца Мобекка. Но, к сожалению, там был кто-то болен, и поэтому я провожу тебя к Лингейду, лодочнику.

— Бедные люди, или что?

— Нет, здесь другая причина... У них безукоризненный дом, небольшой, но очень чистый. Главное — хозяин дома, он...

— Ну-ну, что там?

— ...в определенном отношении идет своим путем.

— Ворчливый?

— Нет-нет! Но у него есть что-то от мечтателя или фанатика. — Борнас снисходительно рассмеялся.

— Это же прекрасно звучит, — с улыбкой сказал Линг. — Могу себе представить: самоправедный дом, или?..

— Нет! Это нельзя назвать самоправедностью. В определенном смысле он кроток, но все же гордый как — мне не хватает слов...

— Гордый, как пастор, — предложил Линг.

Борнас смерил его сбоку быстрым взглядом. Может, он считает его лучше меня? Но нет, — это не бралось в расчет — ведь Линг сам был пастором! И к тому же он вел себя так свободно и спокойно. Самым разумным было рассмеяться, конечно, — это самый лучший выход.

— Ха-ха — забавное сравнение!

— И к тому же подходящее, — улыбаясь, поддержал Линг. — Так-так, значит, он фанатик?

— О, да, но особенно реформатор.

Линг вдруг стал очень серьезным, и при этом Борнас будто бы увидел, что он многозначительно мигнул глазами, когда ответил:

— Реформаторы всегда выступают против папства.

Борнас не знал, что и думать о Линге.

— Против папства? — спросил он.

— Да, это же пастор из Рима стал папой, тебе это разве неизвестно? Пасторы легко становятся папами.

Борнас уставился на него. Видно, Линг немного разыгрывает его, как это принято между руководящими братьями. Он должен заплатить ему той же монетой.

— Может, ты сам такой папа?

— В большинстве это касается духовных работников, они наживаются за счет церкви. Они жиреют на теле овцы и одеваются их шерстью. Овцы худеют, а пасторы поправляются. Так образуется папство. И чем больше растет папство, тем больше угасает духовная жизнь.

— Наша церковь...

— Нуждается в реформации, — закончил Линг.

— Господин водитель! Пожалуйста, остановите! Я совсем забыл, что нужно остановиться — мы уже проехали несколько лишних метров!

Заскрипели тормоза, и автобус остановился. Они вышли и, пока Борнас платил, поставили вещи на тротуар. Автобус поехал дальше.

Было около семи часов вечера. Снег и сияющие звезды рассеивали темноту. Далеко внизу на западе над цепью гор низко висела Венера.

— Мы должны торопиться, Линг! В восемь начинается собрание!

Они уже собрались идти, когда увидели согбенную фигуру. Борнас снова поставил чемодан на тротуар.

— Добрый вечер, Рост. Ты идешь домой? Можешь сразу поприветствовать брата Линга.

Борнас познакомил их. Линг бросил испытующий взгляд на Роста, который смотрел в сторону фьорда.

— Что-то я давно не видел тебя, — сказал Борнас.

— Да, мы в последнее время не встречались. — Его голос звучал устало.

— Извини, нам нужно дальше идти. До встречи, Рост! Передай привет твоей жене!

— Это член церкви? — спросил Линг, когда Рост уже не мог услышать его.

— Да.

— Что-то он не выглядит слишком счастливым.

— Ты не прав, — рассмеялся Борнас, — он недавно женился.

Оба пастора прошли еще немного и позвонили в дом Лингейда.

Открыла жена Лингейда. Борнас представил:

— Пастор Линг — фрау Лингейд, твоя хозяйка на месяц.

— Добро пожаловать! — скромно сказала она.

В комнатах было светло и тепло. Лингейд пришел из кухни с Торди. Открыто и сердечно он принял Линга.

— Не будем терять время, потому что уже поздно. Можно вас сразу пригласить к столу?

Он пошел вперед в кухню, но дал время всем занять места, после того как Линг поздоровался с Дорди и Петей. Никто не извинялся, что гостей пригласили не в столовую, а в кухню. Но в этом и не было необходимости. Кухня была большой, светлой и чистой. На окнах висели красивые шторы, в стеклянных шкафчиках на белых выбитых салфетках стояла сияющая чистотой посуда. Ужин не был роскошным, но питательным и здоровым, и всего было в достатке.

Линг обратил внимание на то, что Лингейд не

старался показать гостю, как красиво молятся перед едой его дети. Он сам коротко помолился, попросив Господа благословить пищу.

Линг обменялся взглядом с Борнасом.

«Это действительно немного похоже на мечтателя», — означал этот взгляд.

«Погоди, еще не то увидишь», — также взглядом ответил Борнас.

* * *

Настрой в церкви был с самого начала таким, как будто что-то должно было случиться. Слава опередила Линга, и молитвенный дом был наполнен до отказа.

Хор был в полном составе. В ряд лежали настроенные инструменты. Молодые люди сидели в ожидании и нетерпеливо смотрели со своего возвышения на заполненную людьми церковь. Внизу перед дверью образовалась очередь. Сидячих мест больше не было. И тут открылись двери маленького зала — пришел к концу молитвенный час. Не очень многие приняли в нем участие, но, когда открылись двери, зал мгновенно заполнился.

В это время зашли пасторы.

Борнас радостно кивал во все стороны. Линг, напротив, шел прямо быстрыми решительными шагами. Он снял шляпу и пальто и зашел на возвышение. С этого момента вся церковь была в его власти, став единым организмом.

Человек наверху не выказывал преувеличенной приветливости — он ни с кем не поздоровался, только обвел взглядом хористов. Большинство с трепетом почувствовали поток силы, струящейся из его карих глаз.

— Пожалуйста, начинайте! — бросил он коротко.

Хор пел ритмично и громко, сопровождаемый скрипками.

Линг одобрительно кивнул.

— Друзья, еще одну! Пожалуйста, еще одну!

Пелось легко, голоса хорошо гармонировали с инструментами. Певцы пели вдохновенно, их пение захватило всех. Церковь, хор и все присутствующие соединились в великолепном ритме.

Во время пения Линг вступил на кафедру. По сути он был регентом, дирижируя силой своего духа. Это почувствовали и певцы и церковь — они были послушны в его руках.

Пение закончилось. Линг предложил для общего пения простую известную песню. Заиграл орган. Церковь пела. Когда допели четвертый куплет, он поднял руки.

— Громче, друзья! Громче! Пойте все! Орган — немного тише!

И они пели. И хотя при этом с улыбкой поглядывали друг на друга, но пели. Волна поющих голосов! Как шум водопада. Даже звуки органа заглушались этим пением.

— А теперь еще раз споет хор!

Хор повторил последний куплет. На мгновение показалось, что теперь все готово, но тут все запели еще раз без всякого требования. Линг улыбнулся. Он увлек их.

Но тут же он сказал:

— А теперь встанем для молитвы.

Все люди встали, и громкий шорох на мгновение наполнил церковь.

— Борнас, Бакке и Лингейд помолятся с нами.

Он назвал этих троих, так как знал их имена.

Борнас помолился. Бакке спокойно продолжил простыми словами.

Пауза.

— Лингейд!

Тишина.

Казалось, Линг теряет власть над людьми. Стали проявляться признаки беспокойства. Но тут он спас положение — он сам помолился.

Это была замечательная молитва. Каждое слово было

исполнено силой, которая приводила в легкую дрожь всех присутствующих. В конце молитвы он упомянул о духе противника и просил Бога угасить его.

Послушные вздохи дали ему понять, что церковь поддерживает его.

Лингейд вновь переносил душевные страдания. Он чувствовал себя так, будто его снова остановили пением: снова он был исключен.

Снова спел хор, сопровождаемый инструментами. Наконец началась проповедь. Да, это на самом деле была проповедь!

Легко понимаемые меткие выражения преподносились с силой убеждения. Он ясно представлял взору людей все аспекты жизни. Все было естественно и понятно, это было обращение к здоровому человеческому разуму. При этом речь была наполнена трогательными рассказами, так что люди чуть не плакали. Другие рассказы были эпизодами из жизни, где тот или другой смело свидетельствовал о Христе, что успокаивало людей, и они тоже хотели быть смелыми и сильными. Речь закончилась призывом — решиться следовать за Христом. Каждый может сделать это, если только сильно захочет!

Линг был тактиком. Он попросил спеть пламенный хорал, вследствие чего еще больше возросло возбуждение. Затем пел хор, и присутствующие вместе с хором пели припев. Настроение ни на одно мгновение не должно было спадать.

Всем было ясно, что евангелизационное собрание еще не закончилось.

— Склонимся в тихой молитве. Я попрошу всех верующих закрыть глаза, когда я буду приглашать сюда вперед неверующих. Им легче будет решиться, если на них не будет смотреть столько глаз. Итак...

По всей церкви пролетел шорох — люди склонялись на молитву.

В следующее мгновение снова зазвучал голос Линга, увещающий и призывающий.

В большом зале внизу сидело много молодых людей

с высоко поднятой головой. Большинство из них были как будто загнипнотизированы сильной волей говорящего. Под возвышением стояла группа молодых людей, они молчали.

— Есть ли здесь те, кто хочет покаяться? Сделайте это сейчас — сейчас, сегодня же вечером!

— Я хочу, — шепнула молодая девушка своей подруге. — Ты тоже?

— Нет, нет, — не сегодня вечером. Но ты же можешь это сделать!

— Тогда я тоже подожду.

— Серьезно испытайте себя, молодые люди! Подумайте о вечности! Разве ты не хочешь принадлежать Богу? Решись теперь!

Голос Линга стал монотонным и напористым.

— Вот один. Брат, да благословит тебя Бог! Еще кто-то? Кто еще хочет решиться?

Один подросток что-то шепнул другому. Тот кивнул.

— Еще двое! Бог благословит вас, молодые братья! Еще кто-то? Есть ли еще кто-то здесь, на этой стороне, или внизу, под возвышением? Кто-то на этой стороне? Подумайте о смерти. Время уходит. Возможностей будет все меньше. Именно сейчас Иисус проходит мимо.

Одна девушка бросила долгий беспомощный взгляд на сидящую сзади группу и подняла руку.

— Еще одна, слава Богу! Больше никто? Подумай, твоя поднятая рука может решить твою вечную участь!

Голос Линга звучал непрерывно. Он заставлял людей внутренне содрогаться. Он ослаблял и захватывал. Заставлял поднимать руки.

— Подними руку, не дай сатане связать себя! Вот это правильно! Еще кто-то? Может, на возвышении? Да, там еще двое — нет, трое. Молись, народ Божий, молись!

Дорди Лингейд сидела рядом с отцом. Он закрыл лицо руками. Она не знала, плачет ли он, но его спина временами странно подергивалась. Она сама была только испугана, так как видела себя твердой и бесчувственной. Может, в это мгновение как раз

подошло ее время, ведь она больше всего на свете хотела покаяться? Но на сердце у нее так холодно при всей теплоте вокруг. Что творится на сердце у Севрина Ли? Он сидел перед ней и казался таким спокойным. Она посмотрела на Бакке, который сидел впереди.

А Линг говорил без передышки, он задавал вопросы и сам отвечал на них.

— Вот там один, два! Значит, больше нет никого? Тогда склонимся на колени.

Кто-то начал молиться. Борнас и Линг пошли по рядам и останавливались рядом с теми, которые сидели или стояли. Те, кто поднимал руку, исчезли среди коленопреклоненных. С ними никто не говорил. У них было все в порядке. Кто-то молился громким голосом, так что слова отдавались эхом с потолка, некоторых было еле слышно.

— Покайтесь сейчас! — слышался призывный голос Линга.

Ответом ему был шепот.

Тут его голос зазвучал посреди одной молитвы:

— Господи, Ты видишь здесь одного человека, который отдается тебе...

Несколько простых членов церкви также ходили от одного необращенного к другому. Некоторых посещали многие: один за другим они подходили к ним и настойчиво приглашали покаяться.

Наконец уже ничего нельзя было сделать. Воодушевление начало спадать. Линг предложил спеть песню, и церковь стоя пела.

Линг опять обратился к новообращенным:

— Теперь вам нужно сохранить верность вашему решению. В вашей жизни будут встречаться искушения. «Держи, что имеешь, дабы кто не восхитил венца твоего».

Мягко и с любовью падали его наставления на открытые сердца, и в них зрели твердые решения — жить теперь для Господа.

Целая группа людей из церкви поехала на автобусе вниз по улице Фьорда.

В нем ехали Рост с молодой женой. В его глазах было необыкновенное сияние, как у угасающего костра, когда он получает новое питание. Его уставшая душа вновь получила силу, чтобы дальше бороться с трудностями жизни. Лицо его жены было бледным, видно, это было связано с ее состоянием. Он ободряюще улыбнулся ей.

Севрин Ли получил место рядом с Дорди. Им не хотелось разговаривать, но Севрин то и дело должен был смотреть на Дорди. Ее милое лицо притягивало его взор. Когда их взгляды встречались, он делал вид, что смотрит в окно.

Лингейд и Линг сидели рядом и молчали. На лице Линга все еще светилось отражение огня святого усердия, которое зажгло его. Мечтательные глаза Лингейда показывали, что он витает где-то далеко.

Первым вышел Севрин. Быстро и немного смущенно он протянул Дорди руку и попрощался с ней коротким, но крепким рукопожатием. Мягкая краска ее свежего лица стала немного ярче. Остальным Севрин громко сказал «спокойной ночи» и вышел.

Затем автобус остановился возле дома Лингейда. Рост и его жена должны были проехать немного дальше.

Линг все еще был под впечатлением прошедшего вечера. Он ходил взад и вперед по комнате, когда другие сели, и тер себе руки, как будто они замерзли. Фрау Лингейд очень хотелось узнать, как прошло собрание, но она перестала спрашивать, после того, как ее муж сказал что-то непонятное — она читала ответ на его лице.

Линг, который был чужим здесь, неправильно понял его, так как был занят своими мыслями.

— Сестра, было просто чудесно! Пятьдесят человек покаялись сегодня вечером! Божья милость велика!

Он схватил Лингейда за плечи, дружески и немного возбужденно встряхнул его.

— Лингейд, пятьдесят душ спасено! Пятьдесят...

Но тот печально смотрел на него, не избегая его взгляда.

— Это было замечательно! — сказал Линг и отпустил его плечи.

Вдруг он ощутил, что не так уж и замечательно покаяние этих пятидесяти.

— Как ты успел их посчитать?

Вопрос Лингейда вернул Лингу хорошее настроение. Он коротко и облегченно рассмеялся.

— Ты должен знать, что мне это очень хорошо знакомо.

Но следующий вопрос Лингейда снова заставил его переживать.

— Веришь ли ты, что и на небе было пятьдесят?

— На небе?

— Да, подумай о Том, Кто считает на небе!

«С этим человеком просто невозможно разговаривать», — подумал Линг. Он в некоторой степени чувствовал себя загнанным в угол и судорожно искал выхода. И он нашел его. Его тон был строгим, когда он спросил:

— Почему ты не захотел сегодня вечером молиться?

Глаза Лингейда потемнели. На его лице отразилось страдание.

— Я не привык слушать повеления в духовных вещах, — спокойно ответил он.

— Но я же только попросил тебя!

— Повеление или просьба — мне нельзя было молиться — я и не хотел.

— Мне это непонятно, — проговорил Линг.

Лингейд устало улыбнулся с выражением страдания на лице.

— Линг, тебя когда-нибудь останавливали пением?

— Н-нет, — протянул он, с удивлением приоткрыв рот.

— Поэтому ты не сможешь этого понять, — сказал Лингейд.

XI

Стоял февраль. С утра было пасмурно, дул сильный юго-восточный ветер и гнал перед собой маленькие снеговые облака. Но снег не шел. Ветер только играл с лежащим снегом, стараясь разбросать его, но это ему плохо удавалось. В остальном все выглядело так, будто скоро будет перемена погоды. Казалось, что должен пойти снег и мороз станет меньше.

Жена Роста еще лежала в постели. На одеяле и на столе была разбросана стопка иллюстрированных журналов и романов. Несколько из них соскользнули на пол. Абажур ночной лампы был поднят до отказа, чтобы лампа лучше светила.

В печи потрескивали дрова. Стиан перед работой затопил печь и положил перед ней стопку дров. Его жена то и дело вставала, подбрасывая в печь дрова, и каждый раз снова залезала под одеяло.

Она потянулась и положила руку под голову, в то время как глаза пробегали страницу. На лице была напряженная, но довольная улыбка. Несколько раз она меняла свое положение, чтобы было удобнее лежать ей или существу, жившему внутри нее. При этом она счастливо улыбалась.

Вдруг она встрепенулась, услышав стук. Кто-то постучал в дверь кухни. Вигрид отложила книгу.

«Видно, принесли счет», — подумала она.

Лучше всего сделать вид, что никого нет дома.

Снова постучали.

Она осталась лежать и долго слушала, но не слышала, чтобы кто-то ушел.

Наконец она тихо встала, накинула на себя одежду, сунула босые ноги в стоптанные тапочки. Как можно тише подошла к двери в кухню и открыла ее. Но это не получилось беззвучно, так как дверь заскрипела.

Постучали в третий раз.

— Кто там? — спросила фрау Рост.

— Это я — Агна Лингейд.

Фрау Рост еще подумала — открыть или нет.

— Я еще толком не оделась.

— Это не страшно! Открой только, а то здесь на улице холодно.

Зигрид повернула ключ и тут же исчезла в комнате.

— Заходи! — крикнула она, не оглядываясь.

Фрау Лингейд только увидела ее голые ноги, когда та поспешила в комнату и закрыла дверь.

Фрау Лингейд уже не первый раз посещала Зигрид. Ее взгляд скользнул по грязной посуде со вчерашнего дня: так было здесь всегда. Когда она зашла, то почувствовала, что воздух в комнате был душный и тяжелый, и еще она увидела, как под одеялом исчезла стопка журналов. Остались лежать только те, которые были на полу.

Фрау Рост вышла из спальни и закрыла за собой дверь.

— Я сейчас немного боюсь сквозняка, — извиняющимся тоном сказала она и, полностью одевшись, вышла в комнату к фрау Лингейд.

— Ты готовишься, как я вижу, — сказала фрау Лингейд и показала на стопку рубашечек и кофточек, лежавшую на кушетке.

— Да. Они красивые, не правда ли?

Женщины открыли шторы и тщательно осмотрели детскую одежду. Все было высшего качества.

— Я совсем не знала, Зигрид, что ты такая хорошая швея!

— Ха-ха-ха! — Зигрид смущенно рассмеялась. — Эти вещи я заказала в детском магазине.

Агна Лингейд удивленно посмотрела на Зигрид.

— Но там же все в три раза дороже!

— Не знаю, счет еще не пришел. Но ведь они действительно красивые! Посмотри на эти пеленки!

Фрау Лингейд все еще выглядела испуганно. Ей казалось, что эти прекрасные вещи вообще не подходят к этому беспорядку.

— Неужели ты совсем не умеешь шить, Зигрид?

Фрау Рост пожала плечами.

— Не очень, — с легкостью проговорила она. — Это так надоедает...

— Но необходимо!

Выражение лица и голос фрау Лингейд были серьезны, когда она сочувственно смотрела на молодую женщину, так похожую на мальчика.

— Неужели нужно обязательно уметь шить? Дома мы все готовое покупали.

— Да, но твоя мама в лучшем положении, так как получает хорошую пенсию за мужа. Зигрид, это все может плохо кончиться!

— Плохо кончиться?

Фрау Лингейд тяжело боролась сама с собой, она боролась и молилась. Уже не раз она хотела поговорить с этой молодой неопытной женщиной, но каждый раз ей было тяжело начать. Собственно, это и не должно ее касаться!

— Ты разоришь свой дом! — не выдержала она.

Зигрид обиделась.

— Неужели ты так спешила, чтобы сказать мне это сегодня? Ты так стучала, как будто что-то случилось!

— Я просто хотела узнать, как ты себя чувствуешь. Когда я видела дым из трубы, а на свой стук не получила ответа, то я подумала, что ты заболела. Поэтому и не переставала стучать. Но я уже давно хотела сказать тебе, что у вас все пойдет вкривь и вкось, если ты не изменишься. Мы, женщины...

Зигрид прервала ее, громко рассмеявшись.

— Мы, женщины — ха-ха-ха! Какое потешное выражение! Мы, женщины!

«Как может замужняя женщина рассуждать так подетски?» — удивленно подумала фрау Лингейд.

— Мы женщины, — продолжила она, — должны заботиться о том, чтобы сохранить любовь наших мужей. Это не только... — Она понизила голос и прошептала несколько стыдливых слов.

Зигрид легко покраснела, но, улыбнувшись, нежно и убежденно сказала:

— Ах, Стиан так любит меня!

— Ты думаешь, что так будет всегда?

— Он же в церкви пообещал мне!

— Любовь не связана с обещанием. Любовь своего мужа можно убить подгорелым супом, полусырой картошкой и неприятными запахами.

— Ну, такой муж, видно, мало любит, — вырвалось у Зигрид.

— Не знаю, — задумчиво проговорила фрау Лингейд.

— Я думаю, что надо иметь очень большую любовь, чтобы целый год выдержать в грязи и беспорядке.

Фрау Рост украдкой оглядела комнату.

— Ты не должна думать, что у меня всегда такой беспорядок, — с обидой сказала она.

— Не всегда, но почти всегда! — твердо ответила фрау Лингейд.

— Мне кажется, ты слишком любопытна! В конце концов, это моя квартира!

Глаза Зигрид извергали молнии.

— Ну, хорошо, пусть я любопытна, но я думаю, что имею полное основание для этого.

— Так-так! И что же это?

— Я люблю тебя, Зигрид!

Не понадобилось больше слов, чтобы смягчить Зигрид.

— Я никогда не думала, что так тяжело быть домохозяйкой, — примиряюще сказала она.

— Это самое тяжелое, что есть на свете, — убежденно сказала фрау Лингейд, — но еще тяжелее быть матерью.

— Я представляла себе это чем-то прекрасным.

Она сказала эти слова мечтательным голосом, полным надежды.

— Ты уже почти мамочка. Быть матерью — это дарить жизнь.

— Агна, как красиво это звучит.

— Разве ты не понимаешь, что это серьезное дело? Ты даешь ребенку что-то от своей жизни...

— Я стараюсь, чтобы мы хорошо жили и хорошо питались, — со знанием дела прервала ее Зигрид.

— Ты думаешь только о теле, а душа?

— Душа? Что ты имеешь в виду?

— Да ты даешь ребенку что-то от всего твоего существа.

Лицо Зигрид приняло безразличное выражение, и Агна заметила это. Она подумала, что Зигрид наконец что-то поняла, и, чтобы продолжить этот важный разговор, сказала:

— Я знаю, что у тебя под одеялом целая стопка журналов.

Зигрид с комическим ужасом посмотрела на нее.

— Но они же не могут повредить ребенку? — спросила она.

Фрау Лингейд ответила не сразу, но, подумав, сказала:

— Все, что вредно для тебя, вредно и для ребенка.

— Но что мне сделают эти листы? — возмутилась Зигрид.

— Как? Ты думаешь, ничего?

— Нет, я только убиваю время за чтением.

— Бедное дитя! У меня никогда не было достаточно времени, Зигрид.

Казалось, что разговору нет конца. Фрау Лингейд заметила, что хозяйке хочется остаться одной.

— Могу ли я тебе чем-то помочь? — спросила она.

— Ну, не знаю! Ты не знаешь, есть ли здесь вблизи портниха? Ха-ха-ха — мои юбки становятся узкими, мне нужно расширять их.

— Я бы не делала это на твоём месте, потому что позднее тебе опять придется перешивать их!

— И что ты думаешь?

— Будет дешевле, если ты купишь простой материал. И Дорди, я думаю, поможет тебе сшить. Она недавно научилась шить юбки.

Фрау Рост была безмерно благодарна. Они тут же обговорили материал и фасон.

— У тебя же есть швейная машина?

— Да. Одна тетя из Осло подарила ее мне на свадьбу. Но я еще никогда не шила на ней.

Фрау Лингейд ушла.

Зигрид стояла посреди комнаты. Она получила новый толчок, и ей захотелось что-то изменить в своей жизни, в своем доме. Но откуда начать? Она решила начать со спальни и сняла с кровати одеяло. Там лежали журналы.

Она нерешительно остановилась. Какой из них она читала? Да, вот он! Еще далеко до конца? Она полистала. Потом посмотрела на часы. Было одиннадцать часов. Стиан придет в два.

Она решительно легла одетой в кровать, накрылась одеялом — и стала читать.

В этот же день в обед Стиан Рост получил письмо от адвоката, которое содержало счет. Чтобы избежать дополнительных расходов и неприятностей, нужно было в течение восьми дней оплатить счет. Речь шла о полученной детской одежде.

Письмо не имело ни малейшего влияния на любовь Стиана и Зигрид, во всяком случае не в течение нескольких часов, что он был дома.

XII

Погода менялась. Дул теплый южный ветер, на крышах начал таять снег. Везде капало и журчало. На фьорде, где обычно было тихо и спокойно, слышалось журчание воды, стекающей по стенам.

Из-за перемены погоды в домах было холодно. Внизу, на верфи, среди мужчин не было никого, кто бы хотел отдохнуть. Если не хочешь мерзнуть, то принимайся за работу.

В наступающем весеннем сезоне работы было много. Две весельные яхты были почти готовы. Только что они установили фальшборт. Выступающие концы дубовых затяжек окружали всю лодку.

Ремонтировался паром — это была работа для одного человека. Паромщик обстукивал его молотком, стараясь избежать тех мест, где капало с крыши, что не всегда было легко.

Гудел и визжал строгальный станок. Несколько мужчин толкали по нему доски. На этой работе можно было быстро замерзнуть, так как нужно было стоять и наблюдать, как машина выполняет свою работу. Вокруг мужчин росла гора стружек, особенно около того, кто убирал доски.

В одной лодке работал Севрин. Он хотел заняться заклепкой. До этого лодка выглядела внутри, как еж, так как отовсюду торчали сотни гвоздей. Опасно было находиться в этом месте, особенно для брюк. А Севрин особенно заботился о своих рабочих брюках, которые уже были полны заплат и новых дыр.

В первую очередь нужно посадить концевые головки на все заклепки. Паренек, немного младше Севрина, сидел рядом с лодкой на полу и держал держатель напротив головки заклепки.

— Ну, Ола, сейчас как ударю! — со смехом сказал Севрин.

В руках у него был молоток, кусок железной трубы и банка, полная головок для заклепок.

— Мы начнем внизу, у кия, и будем подниматься наверх до руля.

Ола подлез под лодку и лег на спину.

— Ты там, Ола?

— Да!

Ола стукнул держателем, чтобы дать знать, что он на месте. Севрин начал стучать молотком по железной трубе, и головка медленно заскользила по гвоздю вниз, пока не оказалась на месте. После этого Севрин еще раз легко стукнул молотком, что было знаком, что с этим гвоздем они закончили. Ола стукнул по следующему, так они понимали друг друга при помощи молотка и держателя.

Они двигались вокруг лодки, пока не достигли носа лодки с другой стороны.

— Ола, тебе холодно? Ты, наверное, замерз, ведь лежишь на полу. Иди-ка в рабочую будку и подкинь дров в печку. Можешь там погреться, пока я отщипну все гвозди. А потом продолжим работу.

Ола исчез.

Через некоторое время пришел Лингейд. Он осмотрел лодку.

— Хорошо выглядит, — сказал он.

Севрин оперся рукой с кусачками о фальшборт лодки.

— Мне нужно кое о чем спросить тебя.

— Ну, давай, начинай!

— Речь идет о моем друге Элине. Сможешь ли ты с ним поговорить? Ему так плохо. Я сказал ему, что спрошу у тебя, можно ли ему прийти к тебе.

Лингейд задумался только на мгновение. Он был благодарен, что Бог и ему давал работу.

— Да, но лучше всего будет, если он придет сюда, в рабочую будку. У меня дома трудно найти место, чтобы поговорить наедине, так как у нас теперь живет Линг. Ты подложи вечером дров, чтобы мы могли там немного посидеть.

— Благодарю, все будет в порядке. Я в обед найду Элина и...

Лингейд пошел сбоку лодки к носу.

— Смотри, Севрин, тебе надо забить еще один гвоздь через фальшбот. Планка может оторваться, видишь?

— Хорошо.

Вечером ветер усилился. Начинался маленький южный шторм. Когда в ангаре на мгновение становилось тихо, мужчины могли слышать, как о берег бились волны, хотя здесь, в бухте, защищенной от ветра, никогда не было сильных шквалов. Но все же шума было много! Большой ангар был закреплен многими канатами, так как однажды осенью его чуть не унесло.

Теперь в мастерской стало теплее, хотя сильно сквозило. Обе лодки были заклепаны, и Севрин с Олой занимались их устройством: на очереди был фальшборт, затем проход и бак, а потом рамы, но это они уже сегодня не успеют.

Спускались сумерки, и в мастерской включили лампы.

Лингейд стоял у строгального станка и рвал ленты для спасательных лодок, которые предстояло отремонтировать, как только две другие лодки снимутся с эллинга. Ола помогал ему, держа кривой шаблон.

— Ну, Ола, как дела? — вдруг спросил Лингейд.

Он прислонился к строгальному станку и сложил линейку. Ола стоял прямо перед ним. Он знал, что интересуется Лингейда, и на какое-то мгновение растерялся. Но затем доверчиво сказал:

— Да не очень!

— Не очень?

— Так просто не получается. Но так, видно, бывает у всех покаявшихся.

— А что у тебя не получается, Ола?

Ола победно улыбнулся. Мастер, видно, хочет его испытать.

— Если решился стать христианином, то нужно попытаться быть не таким, как раньше.

— И тебе это удастся?

— Да-а! Но иногда я чувствую, что не идет...

— Тогда ты ругаешься, правда? Раньше ты очень много ругался.

Ола задумался.

— О да, но я постараюсь взять себя в руки, чтобы мне не упасть.

Лингейд с печалью посмотрел на него.

— И ты все равно упадешь, Ола!

Ола уставился на него, весь красный. Затем, заикаясь, проговорил:

— Ты не веришь — не веришь, что я смогу?

— Нет, — уверенно ответил Лингейд.

Сердце Олы все больше наполнялось страхом.

— Почему же нет, — умоляюще спросил он, — когда я так твердо решил?

Лингейд смотрел на него мягко и с любовью.

— Нет, Ола, ты не справишься с этим, потому что ты начал жить до того, как стал живым.

Лингейд повернулся и пошел. Он вздохнул. Ветер с силой прошел через ангар и тоже вздохнул.

Ола остался стоять, вконец озадаченный. Ему было не по себе. Он еще немного поработал. Ему очень хотелось, чтобы мастер вернулся, но тот не пришел.

Потом он пошел в темный угол и там быстро вытер глаза, возможно, это были его первые слезы о своих грехах.

Севрин понес в будку дрова и стружки, так как приближался вечер.

— Зачем ты снова разжигаете печку, скоро же конец работы? — спросил один из рабочих, проходя мимо.

— Мастеру должно быть тепло в операционной!

— Что значит — в операционной?

А Севрин уже исчез.

Вот и конец рабочего дня.

Рабочие смели весь мусор в угол и ушли домой. Когда Ола проходил мимо Лингейда, он долгим взглядом посмотрел на него. Лингейд увидел это и улыбнулся про себя.

Севрин ушел домой последним.

В мастерской стало тихо. Ветер со свистом пронёсся между стенами и блоками по обе стороны верфи. Казалось, что дышит усталый великан — бесперывно и тяжело.

Лингейд делал то, что делал часто, когда оставался один, — он молился. При этом он вспомнил и Олу. Он стал размышлять: «Что в последнее время занимало меня? — Мое личное отношение к Богу и мое отношение к вопросам веры. Неужели правда, что я действительно окостеневший пиетист, который считает грехом естественные проявления человеческой жизни?» Он не мог поверить этому, он любил жизнь и в полной мере наслаждался красотой природы. Был ли он рабом, усердствующим в том, чтобы освобождающая сила Евангелия коснулась сердца людей? Было ли это рабством — вести святую жизнь перед лицом Божиим?

Разве это не Божье намерение, чтобы Его искупление было запечатлено в жизни? И разве мы не имеем права говорить Ему о жизни другого человека? Они смеялись над ним, христиане смеялись над ним, церковь смеялась над ним. «Прогресс, — говорили они, — прогресс, Лингейд! Он обогнал тебя. Ты, так сказать, музейная редкость с твоими старомодными взглядами на христианство!»

«Да, так говорят они. Даже пасторы.»

Лингейд уперся руками в фальшборт полуготовой лодки и тихо проговорил:

— «Испытай меня, Боже, и узнай сердце мое...»

Тут он услышал шорох и обернулся. Перед ним стоял Элин.

— Ах, это ты?

Лингейд протянул ему руку.

Элину было примерно двадцать четыре года. Он был высоким и худым. Его бледное лицо было вялым, а под глазами лежали темные круги. Лингейд попытался заглянуть ему в глаза, но ему это не удалось.

— Ты хотел говорить со мной?

— Да, хотел, если не... — Он смущенно остановился.

— Пойдем, зайдем туда.

По пути в будку Лингейд выключил все лампы, кроме одной.

Эта будка служила для рабочих столовой. Она была маленькой и низкой. Легкий запах пищи еще висел в воздухе. А вообще пахло деревом. В одном углу стоял складной стол, за ним находилась крепкая скамейка. Маленькое окно отделяло скамейку от печки в противоположном углу.

Печка была небольшой, но на ней можно было согреть кофе. Сейчас в ней трещали сосновые чурки.

— Садись, Элин! Здесь нет света, как видишь. Я думаю, мы обойдемся!

Элин уперся локтями о стол. Свет печки отбрасывал на заднюю стену темные тени.

— Ну, Элин?

Элин все еще смотрел на стену. На его лице отразилось страдание, как будто ему было больно отвечать.

— Я так несчастен, — сорвалось с его губ.

— И в чем ты нуждаешься?

Элин хотел что-то ответить. Он уже открыл рот, но снова закрыл его. Лингейд ждал. И вдруг у Элина вырвалось:

— Я не могу иметь спасение!

Судя по тому, с какой болью это было сказано, Лингейд ожидал, что после этих слов последуют потоки слез. Но этого не случилось.

— Это серьезное дело, — спокойно сказал Лингейд. — Впрочем, это что-то новое.

— Новое?

Элин бросил на него быстрый взгляд, но тут же отвернулся к стене.

— Да, это что-то новое для меня — встретить человека, который не может иметь спасение, — спокойно, без всякой иронии, сказал Лингейд, — Я всегда думал, что такого человека вообще не может быть.

— Есть — и я один из них.

Лингейд с интересом посмотрел на него.

— Ты выглядишь так же, как и все другие — грешник!

— Нет, снаружи этого нельзя увидеть.

Лингейд остановился. Молодой человек понимает намного глубже, чем он думал.

— Значит, это у тебя внутри? Да, обычно грех гнездится там.

— Но я уже больше не могу терпеть, я не могу больше оставаться таким несчастным!

— Но я видел, как ты покаялся в один из вечеров.

— Да, я это делал уже несколько раз.

— И не помогает?

— Нет, во всяком случае, я этого не заметил. — Он отвечал с горечью и каким-то упрямством. Но в следующих словах уже слышен был гнев: — Они воображают, что нужно только поднять руку, и грех убежит!

Он долгим взглядом посмотрел на Лингейда. Его глаза казались красными, но, скорее всего, в них отражался огонь из печки. Лингейд осторожно продолжал.

— Человек должен освободиться от грехов, — сказал он.

— Это как раз то, что для меня невозможно!

— Да, для тебя это невозможно, но не для Бога.

— Ах, Бог тоже не может этого сделать!

Лингейд уже много знал об этом молодом человеке. Хотя они и раньше несколько раз встречались на улице, однако в тот момент, когда Элин вошел в будку, Лингейд тут же понял, в чем дело.

В печке бушевал огонь. Снаружи сквозь щели доносился вой ветра и иногда с берега был слышен шум прибора.

У Элина была внутренняя борьба. Его лицо стало еще бледнее. Он безотрывно смотрел на огонь.

Лингейд стал помогать ему.

— Но если Бог не может спасти нас, тогда...

И тут молодой человек со стоном выдохнул:

— Я раб ужасного греха...

По лицу Лингейда незаметно было, что это признание сильно удивило его. Элин испытующе посмотрел на него, ожидая увидеть презрение, но вместо этого увидел сострадание.

Это вывело его из оцепенения. Неожиданно он закрыл лицо руками и зарыдал так, что слезы текли между пальцев. Огонь сверкал, отражаясь в его слезах.

Лингейд не мешал ему. Не торопясь, он подложил чурок в печь, и снова сел. В помещении стало темнее, так как дрова загорелись не сразу, но через несколько минут пламя охватило их, и на стенах и потолке заплясали тени.

Элин стал успокаиваться. Он иногда еще всхлипывал, как ребенок, перестающий плакать.

— Вся моя жизнь исковеркана, — тихо проговорил он с горечью. — Уже много лет у меня не было счастливых дней.

— Это чувство стыда, что...

— Это стыд и ненависть!

— Ненависть?

— Да, ненависть к тем, кто научил меня этому греху. Во мне все горит и кипит. Я бы убил их! — Лицо Элина стало белым. — Знает Бог, может, я это когда-нибудь сделаю, — добавил он, содрогнувшись.

— Элин, это не спасет тебя, — спокойно сказал Лингейд.

— Нет, меня ничто не может спасти, — в отчаянии простонал он.

— Нет, Элин! Иисус!

— Нет, Он тоже не может. Лингейд, есть много людей, которые страдают так же, как и я. Мы несчастны. Мы склоняем голову и плачем. Нам дают новый толчок, и мы боремся, а затем снова падаем. Ах, мы падаем без конца. Но мы не можем освободиться из сетей греха, Лингейд!

Лингейду казалось, что он еще никогда не видел такого несчастного человека. Сила греха живо стояла перед его взором.

— Элин, Иисус может освободить тебя.

— Как Он сможет освободить меня от такого ужасного греха? Я уже не раз пытался...

— В этом и состоит твоя ошибка!

Элин вдруг остановил на нем взгляд, умоляющий и в то же время удивленный.

— В чем моя ошибка?

— В том, что ты свои старания считаешь Божьим делом спасения.

— Но что же мне делать?

— Оставить свои старания, отказаться от собственной силы. Искупление дается как подарок, это не плод твоих собственных усилий!

Элин удивленно встряхнул головой.

— Оставить? Это то же самое, как вниз головой броситься в пропасть.

— Элин, ты не упадешь глубоко.

— Ах, Лингейд, я все падаю и падаю...

— В спасающие руки Божьи, Элин!

— Спасти от такого? Ты, видно, не знаешь, о каком грехе я говорю. Грязный, отвратительный, ужасный...

— На его лице отобразилась брезгливость.

— Элин, я знаю одно: Иисус — освободитель от любых грехов.

Свет из печки осветил двух склоненных людей, которые предстали перед лицом милосердного Бога с бременами, которые сами они не в силах были нести.

Ты сегодня так поздно пришел, — сказала жена Лингейду.

Стол был накрыт, они ждали его к ужину. Линг, размышляя, ходил по комнате.

Да, сегодня у меня было важное дело, — спокойно сказал Лингейд.

Он склонился над умывальником, и они не могли видеть сияние радости на его лице. Вода хлюпала и стекала по его рукам.

— Я радуюсь ужину, милая жена, — спокойным голосом сказал он.

XIII

Работа Линга вызвала в городе значительное движение. Эти четырнадцать дней принесли выдающиеся результаты. Многие люди свидетельствовали, что привели в порядок свои отношения с Богом. Каждый вечер церковь была набита битком. Были задействованы все силы церкви. Как бы долго ни длились собрания, об усталости не было и речи.

Борнас сиял. У него не было и малейшего следа ревности по отношению к этому человеку, который штурмом захватил город и церковь. Наоборот! Все это означало огромный прирост в церкви. Он мог радоваться этому! Он занялся организацией новых групп и рабочих кружков. Считалось, что молодых людей нужно чем-то занять. Нужно вызвать у них интерес, а то они уйдут — в лучшем случае, в другую христианскую организацию.

И с хозяйственной точки зрения дело продвигалось безупречно. Добровольные сборы были высокими. Да, Мобекк был прав: это стало хорошим предприятием, если здесь можно применить это слово.

Мобекк и сам не ударил в грязь лицом! Только в воскресенье после обеда он дал Борнасу бумажку в 50 крон, когда тот стоял в кругу членов церкви. Он так смущенно выглядел, бедный парень, когда сказал: «Вот, Борнас, положи эту мелочь к остальным. К сожалению, я сегодня утром забыл взять с собой».

Да, это очень понравилось руководителю общины — почувствовать христианский дух общения, которым все они были оживлены, ну, почти все.

И все же оставалась еще пара темных пунктов. Первым из них был Лингейд. Да что можно, собственно, сделать с такой упрямой головой? Они обсуждали это в совете. Но выяснилось, что есть еще один темный пункт, и им оказался почтовый работник Клас Бакке.

Зла не хватает на этого Бакке! Опытный, спокойный,

солидный мужчина попал под влияние Лингейда, который со своей женой жил так, что не за что было зацепиться. Они жили, как праведники, но верили, как заблудшие грешники. Эту фразу придумал не Борнас, он ее где-то услышал.

Теперь и Бакке грозил стать проблемой. Все чаще он был как тормоз на ноге совета. Он не поддерживал никаких действий против Лингейда. Стоит только вспомнить скандал в первый вечер пребывания Линга! Лодочник наотрез отказался помолиться.

Когда они говорили об этом в совете, Бакке заметил:

— Но ведь это было единственно правильным решением!

— Бакке, как ты можешь так говорить? — возмущенно воскликнул Борнас.

Но Бакке продолжал:

— Ты не должен забывать, что мы несколько раз останавливали его пением!

— Мы? Это же не мы сделали! Может, это несколько людей из зала...

— Никто иной, как мы! Ведущий брат не остановил это дело. И мы были соучастниками в нем. Лингейд имеет...

— Право быть гордым! — прервал его Борнас язвительным тоном.

— Пусть даже так, — сказал Бакке. — Он имеет на это такое же право, как и каждый из нас. Кроме того я думаю, что Иисус поступил бы так же.

— Иисус?

— Да. Он же сказал Своим ученикам, чтобы они отряхнули пыль от ног своих во свидетельство тем, которые не принимали их.

— Значит, это свидетельство против нас, Бакке?

— Совершенно правильно. И мы не можем обходить молчанием этот вопрос, мы должны решить его.

— И как же это должно произойти?

— Мы должны снова поднять его пением!

— Ха-ха-ха! Поднять его пением?

— Да, мы должны оправдать его!

Вот в такие крайности мог впадать Бакке. Было плохо, что даже в совете существовали такие различные мнения.

Борнасу приходилось действовать осторожно и дипломатично, так, чтобы не было разделения. Лингейда нельзя было трогать. Собственно, он и не играл большой роли в жизни церкви.

Борнас рассказывал Лингу об эпизодах с Лингейдом. Линг смеялся.

— На его месте я бы тоже не помолился вслух, — сказал он.

Это был, без сомнения, очень своевольный тип пастора, этот Линг!

Но у него были и хорошие стороны, а какой у него темп и размах! Борнас охотно хотел бы иметь немного от его огня. Но нельзя же иметь все дары благодати! У него был хороший организаторский талант, и к тому же он считал себя неплохим проповедником.

Руководство церковью обратило внимание на его административные способности и доверило ему высшие посты. Уже много лет он был председателем объединения. Это доставляло ему много хлопот, но приносило и много радости.

Он получал много приглашений от других церковей, но считал, что действует по воле Божьей, оставаясь в своей церкви, особенно, если принимать во внимание воспитание своих детей.

У него теперь была возможность подготовить одного из своих мальчиков к богословскому кандидатскому испытанию. Скорее всего он будет когда-нибудь работать сельским пастором в государственной церкви, впрочем, мальчик волен сам выбирать себе дорогу. Одна из его дочерей училась в музыкальной школе. А другой мальчик, видно, будет инженером. В общем, Борнас был благодарен за свое место в церкви.

Если бы основатели церкви знали, какие методы и средства применялись, чтобы вызвать рост церкви! «Но

ведь они были дети своего времени и не знали ничего лучшего», — думал Борнас. Слава Богу, церковь шла в ногу со временем, хотя и была немного тяжелой на подъем.

Только Лингейд и его союзники слишком поздно пришли в мир. Они бы хорошо подошли к временам отцов церкви.

Христианство имело раньше мрачную окраску. Сегодня она была светлее, свободнее и великодушнее. Например, воскресенье отцов было тихим, если не сказать — скучным днем с богослужением и покоем. Сегодня воскресенье для молодежи — веселый и радостный день. И это касается не только воскресенья, так обстоит дело почти со всеми вещами. Ах, насколько это прекраснее — применять свою силу и продвигать дело, чем извлекать жизнь из савана стариков.

Борнас всегда придавал значение пробуждению. Пробуждение должно быть иногда, чтобы жизнь церкви расцветала. Поэтому он всегда искал евангелистов, так как сам не имел этой способности. Его обвиняли в том, что он «делает пробуждение», как коммерсант действует по своей специальности, чтобы его предприятие расцвело. Но служитель Господа должен с терпением принимать такие обвинения!

Самой большой проблемой времени, без сомнения, является молодежь. Ее нужно привлечь и заинтересовать. Что за церковь без молодежи? В его церкви много молодых. Но при этом с кафедры не говорят постоянно о грехе, как это было принято раньше.

Милые мальчики и девочки! Это оттолкнуло бы их. Такое глубокое осознание грехов для них вообще не нужно, ведь они такие безобидные! Старики требовали от них, чтобы они плакали и вздыхали под бременем грехов, а потом должны были ликовать о спасении! Но наше культурное время поставило заслон сильным взрывам чувств. Христианство приняло более трезвый характер, во всяком случае в отношении осознания грехов! Может, молодежь сейчас лучше, чем раньше.

Конечно, они бьют друг друга и дружат между собой, курят и вместе купаются. Но не является ли это признаком их неиспорченности? Они немного украшают себя, но на это же нельзя смотреть так трагически. Он, Борнас, во всяком случае, не будет выгонять их из церкви своими преувеличенными требованиями.

Да, надо быть снисходительным к молодежи, тогда дело пойдет. Особенно нужно следить за тем, чтобы они не скучали. Они же ищут именно того, что их ободряет. Что может быть естественней, если церковь идет навстречу их здоровым желанием? Для пользы Царства Божьего надо придумывать игры и развлечения и этим призывать молодежь в церковь. Можно ли ожидать, чтобы жизнь молодых людей была заполнена только духовными вещами?..

Он много думал об основании нескольких гимнастических кружков и о том, чтобы раз в неделю устраивать вечер, где можно выпить чашку кофе, что-то прочесть и поиграть в игры. А в конце все это можно даже закончить коротким собранием.

Ну, осенью он посмотрит, что можно сделать. А теперь нужно пользоваться тем, что дует ветер пробуждения.

Так Борнас думал и говорил дома, где его жена во всем поддерживала его. И взрослые дети радовались своему либеральному и понятливому отцу. Они принимали участие в работе церкви, они сказали «да» Иисусу...

XIV

Пастору Лингу было бы в другом месте не так хорошо, как в семье Лингейда. Он жил в отдельной комнате. Ящик для дров был всегда полон. Об этом заботился Петя. Фрау Лингейд была хорошей поварихой. Они жили просто, но хорошо. Как Агна, так и Дорди были всегда приветливы с ним, эта приветливость никогда не ограничивалась только вежливостью. Дети были ни ангелами, ни разбойниками. Иногда у них появлялись проблемы, но их старались заботливо решить.

В основном хватало приветливых убедительных слов. В редких случаях приходилось применять более сильные средства. Но обычно достаточно было строгого слова. При Линге всего один раз пришлось применить ремень, но об этом никто, естественно, не говорил.

Такой хорошей атмосферы в семье он еще не встречал, кроме как у себя дома.

Но Лингейд позаботился о том, чтобы Линг имел несколько бессонных ночей. Первую ночь в доме он размышлял о вопросе: «Веришь ли ты, что и в небе было пятьдесят?».

В ту ночь он понял, что его земной путь проследживается на небе. Бог был так близок к нему в ту ночь, но при этом ему совсем не было хорошо! Да, ему было плохо в близости Божьей! А ведь он был дитем Божьим и служителем Господним.

Конечно, нельзя сказать, что эти бессонные ночи угасили его пыл и усердие в евангелизационных собраниях. Нет, он был полон энергии. Но когда он вечером приходил домой, то не мог уже больше так радоваться результатам.

Он не мог обвинить в этом Лингейда, потому что тот не делал ничего, что охладило бы его вдохновение.

Он, пастор, хотел вначале немного уменьшить в Лингейде пыл пастора. Но странно: он видел, что этот пыл становился все сильнее. Он дошел до того, что стал считать

Лингейда удивительным человеком. Временами он ловил себя на том, что его душа сильно тянется к этому человеку. Это были две родственные души, которые притягивались друг к другу. Хотя это притяжение, подобно отрицательным и положительным зарядам, иногда сопровождалось треском молний, а иногда и громовыми ударами, но обычно все заканчивалось благодатным дождем.

Линг потерял былую уверенность во многих вопросах, все в нем кипело и горело. Но на вечерних собраниях он был, как всегда, похож на цирковую лошадь, которая совершала свои привычные круги на манеже.

Как-то вечером его подняли на большую высоту — и глубоко унизили.

Из домашних Лингейда только Линг и Дорди пошли на собрание. Он один пришел домой. Дорди не видно было в автобусе, видно, она с Севрином пошла домой пешком.

После вечернего собрания они пили чай в теплой кухне. В этот вечер они были втроем: Линг и супруги Лингейд. Пастор рассказывал о собрании, осторожно подбирая умеренные слова (как он всегда это делал с определенного времени). Само собой разумеется, — молитвенный дом был полон. Многие отдались Богу (число не было указано). Кроме того, многие свидетельствовали — это было так трогательно слушать! Среди них был один, которого звали Элин. Если бы Лингейд его слышал! Конечно, у него были сильные переживания. Его свидетельство о Божьем спасении было исключительным.

— Бог имеет какие-то планы по отношению к нам в наших собраниях, — сказал Линг в заключение.

Лингейд задумчиво смотрел перед собою, но ничего не говорил.

— Элин, только подумать, — с радостью сказала фрау Лингейд.

— Бедный парень, он так долго страдал. Но теперь он спасен, — твердо установил Линг, видно, думая, что это случилось сегодня вечером.

Тут пришла Дорди.

Они слышали, как она ходит по прихожей, вешает пальто, кладет зонтик на полку. После этого она зашла.

— Добрый вечер, — поздоровалась она.

Лингейд и его жена вздрогнули. Они слышали не только сказанные слова. Открытый слух родителей почувствовал за словами биение сердца, настрой в гармонии со звуком.

Дорди улыбалась, как всегда, и все же не так, как всегда. Лицо было разгоряченным и красным после быстрой ходьбы на свежем воздухе. Прическа была ей к лицу. Но глаза, они приковали к себе взгляд родителей. В этих глазах светилось солнце.

Отец с матерью поднялись. Они только успели спросить:

— Что с тобой, Дорди?

Как она радостно воскликнула:

— Папа! Мама!

В четырех парах глаз заблестели слезы.

Сердце Линга ликовало. Теперь Лингейд наверняка выскажет одобрение всему, что сейчас происходит в церкви.

Он был так рад, что Бог хочет сделать его благословением для этого дома, который он так полюбил, как это было замечательно! В своем усердии и радости он вообще не замечал, что большую часть успеха он присваивает себе.

Переполненный чувствами, он пожал всем руки. С его стороны это было как бы актом примирения.

— С прошлой осени, папа, мне стало особенно тяжело, — сказала Дорди. — Ты помнишь тот вечер после Нового года?

— Тот вечер, когда... когда...

— Да, именно этот вечер, — улыбнулась она, — Ты спросил меня, живет ли Иисус во мне или стоит снаружи. Ты помнишь, пап?

— Да, Дорди.

— Этот вопрос доставил мне много переживаний, и с тех пор Иисус стучал в мою дверь — вообще это были громовые удары.

«Значит, Дорди не покаялась через его, Линга, слово. Ну да — один сеет, другой жнет».

Было уже поздно. Линг встал, чтобы пойти в свою комнату. Но еще один вопрос интересовал его:

— Дорди, что послужило для тебя толчком сегодня вечером? — Его голос звучал мягко.

Девушка тут же ответила:

— Вы помните старого человека, который сидел прямо под окном?

— Да, — напряженно ответил Линг, — у него еще очки были на носу.

— Это был сапожник Торилд, папа, — сказала Дорди, обращаясь к отцу.

— Он говорил свидетельство, — добавил Линг.

Его голос звучал слабо и немного устало.

— Да, — сказала Дорди, — он читал место из Писания, и я вдруг поняла.

— И что он читал? — спросил Лингейд.

— «Который возлюбил нас и омыл от грехов Своей Кровью».

Лингейд медленно повернулся к Лингу.

— Ты видишь, — сказал он с радостью, — Слово Божье дает жизнь!

Лингу показалось, что эти простые слова усеяны шипами. Он сказал «спокойной ночи» и пошел в свою комнату.

Но какая это была ночь!

«Я ранен сапожником на поле боя!» — Этот мрачный юмор он применил к себе.

Линг никогда не был снобом. Он не вкладывал никакого унижения в слово «сапожник», но самым страшным было то, что он, пастор Линг, искал славы в спасении одной души. А потом выяснилось, что Бог избрал своим орудием старого сапожника. Бог поставил его позади старого сапожника! А ведь он тогда подумал об этом сапожнике: «Хоть бы он быстрее сел, старый глупец!»

И его Бог смог употребить. Как он говорил, этот

старик! Да, собственно, он ничего и не сказал. Он только сказал, что Иисус имеет силу освобождать узников греха. Он так поступил с ним. И затем он прочитал место из Библии.

В эту ночь Линг плакал и молился. Он проснулся от страха за свою огромную ответственность душепопечителя.

XV

Линг ходил как оглушенный. Бессонная ночь и внутренняя борьба принесли ему много страданий.

— Тебе нездоровится? — с участием спросил Лингейд, когда он пришел на завтрак.

— У меня была плохая ночь, — только сказал Линг. — Может, она была и доброй, — добавил он таинственно. — Во всяком случае, я не спал.

Лингейд смущенно спросил его, может, ему неудобно лежать на диване или он мерз. Они охотно дадут ему еще одно одеяло.

— Нет, все в порядке, — торопливо ответил Линг. — Но это что-то, что... — Больше он не мог ничего сказать.

До обеда он пытался работать над текстом к вечернему собранию. Ему казалось, что он жует маленькие камни. Он тщетно просидел около часа, затем бросил все и пошел гулять. Но и это не помогло ему, хотя улицы были почти пусты и ярко сияло солнце. Он слишком устал.

За обедом Линг молчал. Он пытался поговорить с Торди, ставшей его любимицей, но разговор не клеился. Он часто поглядывал на Дорди, которая была тихой и счастливой. Лингейд не предпринимал никаких усилий, чтобы говорить с гостем. Его слова были приветливыми и скромными, порой радостными. Он подтрунивал над своей женой, говоря, что чем старше она становится, тем моложе выглядит. Она покраснела и засмеялась.

— Торди, не правда ли, у нас красивая мама?

— Во всяком случае, до сих пор она была самой лучшей, — ответила маленькая проказница и постаралась сделать безразличное лицо.

Все удивились. Где эта малышка могла услышать такое выражение? Но тут все не выдержали и рассмеялись, и особенно Торди, которая хорошо сыграла свою роль. Линг вытер глаза.

Это она, наверное, на улице услышала, — сказал Петя тоном взрослого, защищая свою маленькую сестренку.

Но девочка, хитро подмигнув, возразила:

— Ты же сам сказал это, когда катался на твоих санках, Петя!

— Петя, Петя! — смеялся Лингейд. — Вот ты какой! У тебя же никогда не было других санок.

— Да, не было, — сказал Петя, и подмигнул Лингу, — поэтому мои санки до сих пор самые лучшие!

Когда Лингейд после обеда пошел на работу, Линг вышел за ним. Лингейд обернулся и вопросительно посмотрел на него.

— Мне бы хотелось поговорить с тобой наедине, когда ты вечером придешь с работы, еще до собрания!

Двое мужчин стояли друг против друга, каждый был сильным на своем поприще. Но Лингейд заметил, что другому грозит крушение.

— Я приду домой немного раньше, — сказал он.

— Нет, нет, — попросил Линг, — из-за меня тебе не надо укорачивать рабочий день.

— Думаю, что мы успеем все сделать, — заметил Лингейд.

Он быстро пошел вниз по склону к верфи.

Линг пошел в свою комнату. Как он устал! Страшно болела голова. Он лег на диван, чтобы поспать. Но это было очень короткое забытие, и ему снова пришлось подняться. Он попытался работать, но не мог найти покоя. Всю ночь его не оставляла одна мысль, и в течение дня эта мысль приняла форму сильнодействующего решения.

Линг ходил по комнате взад и вперед. Вдруг он остановился и стал что-то считать на пальцах. Сколько дней он уже здесь? Шестнадцать. Нет, он не выдержит целый месяц!

Подходил вечер. Сияя красными лучами, заходило солнце и золотило фьорд и возвышенности, которые Линг видел из окна своей комнаты.

Сумерки медленно спускались над землей.

Тут он услышал, что пришел Лингейд. Он, видно, хочет помыться и переодеться, прежде чем сесть за стол.

Да, так и было. Когда фрау Лингейд пригласила всех

на ужин, Лингейд уже переоделся. Глубокая серьезность лежала на лицах обоих мужчин. Торди немного оживила атмосферу, рассказав, как хорошо она играла с детьми.

— Девочки же вообще не умеют играть, — сказал Петя.

— Мама, это правда? — спросила Торди.

Но мама толком не могла вспомнить, ведь она сама играла уже так давно. Немного подумав, она сказала, что это очень возможно.

— Ты спроси у Дорди. У нее с детства прошло еще немного времени.

— Наоборот, это мальчики не умеют играть, — шутливо сказала Дорди.

— Ну да! — воскликнул Петя.

Мужчины улыбнулись разговору детей, но все их мысли были о предстоящем разговоре. Они недолго оставались за столом. Лингейд кивнул своей жене, после чего они оба ушли в комнату и закрыли за собой дверь.

Комнату освещал только слабый свет одинокой лампочки в углу. Они сели по обе стороны теплой печки.

Несколько минут они сидели молча. Затем у Линга вырвалось:

— Скажи мне, что неправильно в моих проповедях?

Лингейд был подготовлен и спокойно принял вопрос.

— Разве там есть что-то неправильное? — спросил он. — Может, тебе это кажется?

— Да, но я не знаю, что это такое?

— Если я сейчас отвечу тебе, то не забудь, что ты сам попросил меня об этом.

— Не забуду.

Взгляд Лингейда был тверд, как сталь, но эта сталь поддавалась подогреву жаром любви.

— У тебя религиозное производство.

Эти слова падали с силой и немилосердно, и энергичное лицо Линга выглядело озадаченным.

— И что я произвожу? — спросил он резко.

— Неразумных дев!

В глазах Линга сверкали молнии, и его голос дрожал, когда он сказал:

— Горе мне, если это так!

— Да, горе тебе, если это правда!

Они смерили друг друга взглядами, как два борца.

— Ты знаешь, Лингейд, что ты этим сказал?

— Да!

— Ты понимаешь, что должен с этим словом устоять перед Богом?!

Лингейд помедлил одно мгновение, но потом твердо ответил:

— Я осмеливаюсь на этот шаг.

— Тогда ты должен и мне объяснить это!

— Да, если я смогу.

— Ты должен! Ты взял на себя слишком большую ответственность и не сможешь уклониться от этого. Твои слова и твое поведение в эти дни, что я провел в твоём доме, сделали меня беспокойным, и даже несчастным!

Лингейд молился в сердце.

— Неразумные девы характеризуются тем, — сказал он, — что они говорят свидетельство, в котором нет жизни. Люди сами могут на своих чувствах построить свидетельство. Жизнь может дать только Бог. Твои проповеди производят свидетелей, но человек не возрождается.

— И почему?

В своей горячности и ужасе Линг наклонился вперед к собеседнику. Лингейд снова помедлил, чтобы основательно ответить:

— В них нет Евангелия.

Линг вскочил со стула и стал взволнованно бегать по комнате.

— Ты сердись на меня? — спросил Лингейд.

— Нет, — возбужденно ответил Линг, — но ужасно тяжело оставаться сидеть, когда ты убиваешь меня.

Лингейд совсем не выглядел убийцей — его глаза были полны слез. Он спокойно дал Лингу походить, пока он не успокоился.

Линг сел и жестко спросил:

— Значит, я не проповедую Евангелие?

— Нет, так как твое начало неправильно!

— И с чего я начинаю?

— С того, что человек не находится в погибшем состоянии.

Линг выпустил воздух между губ, что послышалось как свист.

— Ах, значит, я слишком мало открываю греховность человеческой природы!

— Совершенно верно! Ты исходишь из того, что человек, по сути, совсем неплохой. Богу только нужно раскрыть в нем доброе и облагородить его, потом...

— Но необходимо же помочь поднять слабую волю человека, — горячо прервал его Линг.

И тут Лингейд вдруг как бы приставил нож к его горлу:

— Линг, ты сам возрожден?

— Да-а! Я так думаю!

— А как это произошло у тебя? Посредством усилий собственной воли или это совершил Бог?

— Ты говоришь глупости, Лингейд, — возмутился Линг, — это же одно и то же. Бог привел в действие мою волю — это и есть дело Божье!

— Рожденный волей человека,.. — тяжело проговорил Лингейд.

— Может, неразумная дева? — спросил Линг, у него тряслись руки.

— Вероятно. Во всяком случае, теперь я лучше понимаю, чем раньше, как работает производство.

— Производство! — воскликнул Линг. — Но ты же видишь, что с человеком что-то происходит. Они рождаются...

— Раб тоже рождается!

— Что?

— Раб тоже рождается. Авраам, рассуждая по-человечески, родил сына от молодой женщины, рабыни. И в результате получился раб.

— Но я не понимаю...

— Именно в этом твоя ошибка. Ты соскребаешь последние остатки человеческого «я». Затем ты вдыхаешь дух гипноза или внушения в кучу мусора. И вот в ветхом человеке появляется религиозная жизнь. Рождается раб...

Линг застонал.

— И это, значит, случилось со всеми теми, кто склонился перед Богом в этих собраниях?

— Этого я не знаю, — спокойно ответил Лингейд. — Может, кто-то и спасается, вопреки твоей проповеди, больше руководимый Богом.

Линг снова принялся ходить по комнате, опустив голову и заложив руки за спину. Через некоторое время он остановился у окна и долго смотрел в темноту. Он вытащил платочек из кармана и высморкался, но Лингейд видел, что он вытирал и глаза.

Прошло много времени, пока Линг повернулся, опять пришел к печке и сел:

— Объясни мне, как происходит возрождение.

— Смотри, Линг, — голос Лингейда снова звучал мягко, — ты говоришь, что в первую очередь нужно привести в действие волю человека и закалить. Но Бог не хочет нашей доброй воли.

— Что ты говоришь?

— Да, Бог не хочет доброй воли человека. У человека злое сердце, он погиб. Только тогда, когда человек под действием Духа Святого становится бессильным, даже мертвым, Бог может возродить его Своей силой. Потому что Бог никогда не смешивает Свою силу с человеческой силой. Бог творит нового человека. «Как возрожденные не от тленного семени, но от нетленного, от Слова Божия, живого и пребывающего вовек» (1 Петр. 1, 23). Ах, Линг, ты дал людям много импульсов для ветхого человека, но ты забыл проповедовать им Евангелие, что есть сила Божья, ко спасению всякому, кто поверит ему.

Линг закрыл лицо руками.

— Я упал в бездну, — вырвалось у него, — Боже, помоги мне.

И немного позднее:

— Это мой последний вечер у вас, Лингейд.

Тут пришла очередь Лингейда возмутиться.

— Почему ты так говоришь? — воскликнул он.

— Да, после последней ночи я твердо решил. Я больше не могу. Я должен ехать домой, чтобы вначале разобраться в самом себе.

— Разве тебе не ясно, Линг, что в этом обвинят меня? А для меня уже довольно бремени.

— Я знаю, Лингейд, но я не могу иначе. На тебе тоже лежит большая ответственность. Как разумный человек ты должен нести последствия своего учения. Ты ввел меня в беду. Теперь я нуждаюсь в свете и — спасении.

* * *

Перед самым началом собрания Линг со своими хозяевами пришел в собрание. Оркестр уже начал играть.

— Линг, ты заболел? — спросил Борнас сразу после приветствия.

— Да, я болен и телом, и душой, — ответил тот.

Борнас смотрел на него непонимающим и испуганным взглядом.

— Сегодня вечером ты должен взять руководство собранием на себя, — продолжал Линг, — я не могу.

— Что ты, в своем ли ты уме? — сказал Борнас. — Нет, нет, — возьми себя в руки — ты же хотел провести эти собрания как можно лучше.

— Я не буду делать этого, — коротко объяснил Линг.

Тогда Борнас стал руководить собранием. Он пытался идти по стопам Линга. Линг смотрел в сторону — он не мог смотреть на него. Но слушать его он должен был. «Боже великий, как поверхностно все это звучит!» Это был непрерывный призыв к хорошему настроению людей. Как они пели! Но это собственно не было пением. Ни одного слова нельзя было понять — одни бурные аккорды и гармонии. Неужели они действительно так пели каждый вечер? Это же настоящее оглушение душ!

Но потом Лингу все-таки нужно было идти на кафедру.

Он боролся со слезами, когда говорил. Ему нечего было им сказать. Он выжал из себя только несколько фраз. Через пятнадцать минут он был готов, он весь обливался потом.

Борнас вышел на кафедру и сказал, что Линг не совсем здоров. Будем думать, что завтра ему будет лучше. Но мы все же надеемся, что вечер не пройдет даром.

А теперь послушаем еще две песни.

Борнас опять сошел вниз и сел рядом с Лингом, когда начала играть музыка.

Тогда Линг что-то шепнул ему. Борнас вздрогнул и чуть привстал со своего места, испуганно глядя на Линга. Затем он энергично покачал головой. Линг опять что-то шепнул ему. Борнас запротестовал. Но Линг оставался непреклонным. Борнас поговорил с советом, но и они были в недоумении. Собрание продолжалось в том же звуковом диапазоне, когда музыка вдруг прекратилась.

Сыграйте еще что-то, — нервно попросил Борнас.

Совет окружил Линга, что привлекло внимание церкви. Многие вытягивали шею, чтобы узнать, что там происходит.

Потом началась вторая часть собрания, но из него ничего не вышло. Настрой людей упал. Еще одну песню!

— Да, да, это ты должен им сам сказать, Линг!

Борнас был так раздражен, что сказал это почти грубо.

— Хорошо, — ответил Линг и пошел на кафедру.

Он хотел сказать, какое у него состояние. Он попал в тяжелый духовный кризис, который требует разрешения. Поэтому он находит, что неправильно говорить другим о вещах, которые ему самому непонятны. Короче: он сердечно просит церковь о прощении, но это был его последний вечер у них. Он со своей стороны благодарит церковь за внимание.

На одно мгновение церковь была как бушующее море. Все шептались, кивали и беспокойно двигались туда и сюда.

Спели еще один куплет, и молитвенный дом постепенно опустел.

Около двери стоял Лингейд и ждал своего гостя.

Борнас бросился на него, как будто хотел обогнать его.

— Лингейд, это твоя работа! — Он почти крикнул это.

— Или Божья работа, — ответил тот, но углы его рта вздрагивали.

В эту ночь Лингейд не мог спать. Его трясло, он плакал и беспокойно ходил взад и вперед, пока не начало светать. Его жена бодрствовала вместе с ним и пыталась утешить его.

XVI

В дом Стиана Роста на короткое время заглянуло солнышко. Он уладил дело с юристом, ряд маленьких долгов был тоже покрыт. Было оплачено постельное белье, а также одежда для ожидаемого маленького жителя. Сияя, Рост сообщил, что Мобекк наконец-то прозрел, он понял наконец-то, какой Рост хороший работник. Он согласился на значительную добавку к зарплате, но она будет только после Нового года. Теперь у него будет хорошая зарплата. Как чудесно! Но Зигрид никому не должна об этом рассказывать! Мобекк не хочет, чтобы кто-то знал об этом. Он не хочет ссориться с другими работниками. В общем, ей нужно молчать.

Они решили отпраздновать это радостное событие маленьким пиром. Рост хотел вечером принести что-то вкусное.

После работы он нес в руках большой пакет — бутерброды, коробка с тортом и несколько бутылок лимонада. В магазине он также купил немного шоколада и яблок.

По дороге домой Стиан, как обычно, столкнулся с противной собакой. По обыкновению собака начала ужасно лаять. Но вдруг она обнаружила пакет, который нес Рост, возможно, она учуяла его содержимое. Во всяком случае, лаять она перестала и завиляла хвостом. Она вела себя почти по-человечески, пыхтя и радуясь Росту. Но Рост боялся хвоста не меньше, чем морды. Он никак не мог отвязаться от этого несчастного пса и все же хотел эти вкусные вещи принести домой. В своем страхе он наконец осмелился, подошел к собаке и ударил ее в морду. Собака взвизгнула и быстро убежала, поджав хвост. Но и Рост побежал. У обоих был один и тот же страх.

Дома ради праздника было немного убрано, но тяжелый воздух уже пропитал всю комнату. За последнее время Рост привык к этому воздуху, видно, он был неотъемлемой частью его жизни. В общем, он подходил к притупленному и запутанному внутреннему состоянию духа.

Фрау Рост сияла, как ребенок, когда увидела эти вкусные вещи. Она мимоходом обнимала Роста, в спешке заваривая чай.

Зигрид показала себя сегодня вечером с лучшей стороны. Она полностью убрала стол и накрыла его белой скатертью, которая была почти чистой.

Затем они занялись кулинарными деликатесами. Упаковка с продуктами, к сожалению, была не слишком большой.

— Ах, как хорошо, Стиан, когда у нас есть деньги!

По его лицу пробежала почти незаметная тень. Он засмеялся, но его смех не подходил к их маленькому празднику, он звучал с иронией и насмешливо.

— Да, он теперь в порядке, этот Мобекк, ха-ха-ха...

Они наслаждались деликатесами. Паузы между одним бутербродом и другим были очень короткими.

— Да, завтра придет мама, — напомнила она ему.

— Мама? — вспыхнул он.

Гастрономическая идиллия мгновенно исчезла.

Ну, Стиан, ты ни о чем не думаешь! Я же не могу остаться одна, когда дело движется к концу! Это может случиться в любое мгновение!

— Да, да, — разочарованно заметил он. — Мы могли бы лучше взять кого-нибудь, пока все не пройдет.

— Молодую, красивую, — насмешливо спросила она.

— Фу, Зигрид! Как у тебя язык поворачивается такое говорить. Постыдись! Ты слишком часто стала так шутить. Смотри, чтобы эти шутки не свили гнездо в твоей голове! И не стыдно тебе!

— Действительно? — сказала она и надула губы.

Солнышко пропало. Их обволакивал плотный и сырой семейный туман, который в течение вечера перешел в морозящий дождь, а затем — в преувеличенную нежность.

На следующий день пришла фрау Ранг. А через четыре дня родился маленький наследник. Это был здоровый мальчик, хотя и родился всего через полгода после свадьбы.

После рождения ребенка Рост взял один день отпуска:

ему не работалось. В каком-то отношении это было и правильно, так как ночь была беспокойной. Но настоящая причина была в том, что он хотел порадоваться своему счастью дома. Для Роста как-то разом и жизнь стала легче. Он не мог наглядеться на своего мальчику и, хотя теща мучила его своими увещаниями, он почти целый день сидел возле кровати. Пищу он должен был сам себе искать, но сегодня это ему не мешало. Он и не хотел кушать, и ничто не могло его сегодня рассердить.

Какое-то стыдливое чувство удерживало Роста от того, чтобы рассказать в фирме о счастливом событии в его доме. Но как-то после обеда все стали его поздравлять. Сотрудники по конторе и из склада были так удивительно приветливы. Рост с улыбкой и достоинством принимал поздравления. Вдруг он заметил, что они много шутят по этому поводу. Он перестал улыбаться и сник. Немного позднее кто-то задал как бы случайный вопрос, а когда они собственно поженились? Ему пришлось дать ответ, и можно было видеть, как они приблизительно считали — но этот счет не имел никакого отношения к делам фирмы.

Очень редко появлялось солнышко в жизни Стиана Роста. Он уже склонялся к тому, что его жизнь прошла бесполезно. Он сел в поезд не на той станции, и поезд его жизни должен был идти по тем рельсам, которые шли от этой станции. По мнению Роста, изменить направление уже было нельзя.

Он так радовался этому малышу! Но одна капля дегтя за другой капала в бокал его радости. Но, в сущности, все имеет горький вкус! Вся жизнь была горькой!

Как-то после обеда он постучал в контору шефа. Нужно было подписать несколько бумаг. Мобекк прочитал их и подписал, пока Рост ждал в нескольких шагах от стола. Сегодня он боялся шефа, глаза которого имели злорадное выражение, как будто он внутренне смеялся.

Мобекк поднял голову и посмотрел на Роста, который почтительно стоял перед ним. Он сказал ему резко и прямо в лоб:

— Рост, это же настоящий скандал!

Рост вздрогнул как от удара.

— Что вы имеет в виду, господин шеф? — спросил он.

— У вас родился ребенок, не так ли?

— Да, но это же неплохо.

— Нет, но ведь дитя родилось намного раньше срока на три месяца, как я слышал.

Рост был возмущен. Он готов был ударить этого толстого человека в лицо. Но этого он сделать не мог еще не мог!

— Вы, мой работник, делаете такое! Моя фирма теряет через это свое достоинство, это же вам ясно! Я всегда старался, чтобы мои люди были всегда морально чистыми. А вы, от которого я меньше всего ожидал, перечеркнули всю чистоту морали. Вы бросаете пятно на мою фирму, и возможно, являетесь причиной производственных потерь!

Рост внутренне посмеивался по поводу этих глупых замечаний. Но Мобекк еще не закончил, и теперь его голос имел необычное звучание:

— Рост, а что скажет церковь? Мне стыдно быть с вами в одной церкви! Вы должны соединиться с этим лодочником и создать свою образцовую церковь!

Голос Мобекка постепенно терял свое печальное выражение. Теперь он звучал резко и гневно.

— И после этого вы приходите ко мне и требуете добавки к зарплате, а я, глупый осел, так добр, что еще рассуждаю об этом деле. А вы подстраиваете мне такое! Нет, мой милый, вы не получите добавки! Может, вы вообще поищите себе другую работу. Это не значит, что я рассчитываю вас, я хочу вас только предупредить.

Мобекк тяжело дышал. Рост ничего не говорил, ему было безразлично.

— Да, да, Рост, — сказал Мобекк немного мягче. — Такое действительно нельзя допускать!

Рост постарался как можно быстрее уйти. На улице в этот момент как раз никого не было.

Рост еще раз обернулся и потряс кулаком в сторону двери, за которой был шеф.

XVII

Ансгар Лингейд чувствовал, что приближается тяжелое время, — и оно пришло. Он подобно Илии провел горькое время под можжевельным кустом. Темнота нависла над его душой. Сомнение охватило его и повергло на колени. Было ли его сердце правым перед Богом? Не было ли это чистой, неприкрытой самоправедностью, которая вынуждала его к оппозиции против всего, что он называл поверхностным, мирским? Какое ему дело, если они все были неразумными девами! Может, он и сам один из них...

У него были периоды, которые побуждали Петю внимательно наблюдать за ним, переживать и заботиться о нем. Маленькая Торди тоже льнула к отцу. Мать со старшей дочерью оставались спокойными, так как знали по опыту, что эту борьбу он должен пройти один.

Когда Линг уехал, собрания по пробуждению закончились. Новая группа членов церкви посещала собрание, но уже было видно, что это не продлится долго. Их человеческая сила стала иссякать. Но Борнас очень умело мог их привязывать к церкви различными занятиями.

Против Лингейда пошла волна недовольства. Собственно, это он был причиной того, что остановился благословенный поток, омывающий церковь. И надо же было допустить, что Линг должен был жить именно у него! Но кто мог подумать, что этот сильный проповедник так быстро подпадет под влияние Лингейда и будет побежден! Но здесь Борнас мог авторитетно добавить, что Линг уже до этого был заражен. Он почувствовал это при разговоре в автобусе, когда встречал Линга. Поэтому вдвойне плохо, что Линг жил у лодочника. Но, в конце концов, никто другой не был готов принять его...

Лингейд не принадлежал к тем людям, которые

привязываются к своему окружению. Если Бог не с ним, то не помогут и окружающие, а если Он с ним, то он не нуждался в людях. В каком-то смысле он был одиноким человеком. Поэтому он и был сильным в сражении, так как не находился ни под чьим влиянием. Поэтому он был слабым в беде, так как у него не было никого, кто бы помог ему.

Через восемь дней он был приглашен на совет. На этом настоял Мобекк. Этой подстрекательской работе — так он называл оппозицию Лингейда — надо положить конец. Иначе пусть он поищет другую церковь.

Борнас требовал, чтобы Лингейд изменил свои взгляды, потому что при данном положении вещей он является постоянной причиной беспокойства и осложнений, которые не дают церкви нормально развиваться.

Лингейд печально ответил, что он не может сделать этого. Конечно, прискорбно, что он причиняет церкви столько беспокойства, хотя он, как они знают, не настаивает на своем мнении.

Клас Бакке задумчиво кивал, когда Лингейд так кротко защищался.

Борнас считал необходимым, чтобы совет исключил Лингейда на время, пока тот не уйдет в себя, то есть пока совсем не замолчит.

Лингейд вздохнул, но ничего больше не сказал.

В этот момент всех поразил Бакке.

— Прежде чем совет примет такое решение, — сказал он, и глаза его при этом извергали молнии, — я оставляю свое место в совете. С этого момента я больше не считаю себя членом совета этой церкви.

Пока они ошеломленно смотрели друг на друга, еще один заявил:

— Я также считаю себя свободным от обязанностей в совете.

Борнас нервно провел рукой по волосам.

— Но, дорогие братья, не волнуйтесь! Мы же можем

все спокойно решить. Мы можем вынести Лингейду порицание, и делу конец.

Лингейд не мог иначе: он должен был улыбнуться неожиданной перемене решения пастора. Мир — любой ценой!

Но Бакке не отступал:

— Никакого порицания Лингейду! — коротко произнес он.

Лингейд вышел обремененный еще больше, чем раньше. И все же с печальной радостью он думал о том, как трудно будет совету убедить Мобекка, чтобы он остался в церкви.

Первый настоящий луч света, осветивший его темноту, он увидел как-то на работе.

Обе спасательные лодки были уже почти готовы. Мужчины работали по внутреннему устройству. Герметические баки для горючего были приделаны по бокам в шкотах. Севрин Ли работал на палубе, а Ола ползал по полу, трудясь над жилой палубой. Тут подошел Лингейд. Машина гудела, и Ола не слышал, как он подошел. Мастер остановился, оглядывая лодку.

Тут Ола вскочил как мячик. Его лицо расплылось в улыбке.

— Большое спасибо, что вы меня свалили, — сказал он, сияя.

Лингейд задумчиво посмотрел на него. Он никак не мог понять, что Ола хотел этим сказать.

— Тебя свалил?

— Да, вы, наверно, забыли тот вечер, когда мы сидели там, на скамейке, — когда я был таким сильным? Я тогда говорил, что переделаю себя сам, своими усилиями.

— Ага, — вспомнил Лингейд.

— Я после этого упал, как пустой мешок.

— А потом? — спросил мастер, иссохшее сердце которого жаждало хотя бы капли радости.

— И тогда Иисус достиг меня, — сказал Ола, показав пальцем вверх.

Это было в один из первых дней апреля. Несколько минут назад прошел дождь. Во всех канавках и углублениях журчала вода или текли ручейки. Все меньше капало с крыш.

Тут солнце прорвалось через облака, и вдруг все вокруг засверкало.

Двери мастерской были открыты, и люди с радостью принимали первое дыхание весны. Большие ворота ангара были сдвинуты в сторону. Дверь, где проходили рельсы, также была открыта. А на улице так сверкал фьорд, что глазам было больно смотреть. При такой погоде работа не так спорилась, во всяком случае, так думали люди. То и дело они поглядывали на улицу.

В ангаре строили лодки. Сейчас, в начале сезона, Лингейд принял новых рабочих. Но были и такие, кто занимался внизу личными делами.

Ритч! Ритч! — визжал лодочный скребок.

Многие жители города закатали рукава и синие рабочие брюки и принялись заделывать протекающие места любимых лодок, а в это время мысли их витали по золотой поверхности озера. Люди не могли понять, как осенью им могла прийти в голову мысль продать лодку. Как жить без нее, когда волны смеются в солнечном свете и так влекут за собой? Когда чайки кричат под шхерами, где свили гнезда, и маленькие рыбки превращают бухту в кипящую массу?

Нет, лодку человек должен иметь, даже если он не может уплатить налоги. Ах, да! — эти несчастные налоги!

Пахло краской и смолой, и всех наполняло чувство радости.

Как приветливы были люди!

Если кто-то нуждался в помощи, чтобы перевернуть лодку, ему нужно было только кашлянуть, другие тут же бросали все, что держали в руках, и помогали. И когда по такому случаю собиралась целая группа, то начинались рассказы о том, какой доход принесла эта лодка последним летом. В этом году хотели...

Нет, нужно приниматься за работу! Работа еще и до половины не сделана!

Ритч! Ритч!

Вверху на верфи начали строить большую моторную лодку. Вовсю кипела работа. Севрин Ли стоял у строгального станка и обтачивал края половых планок. Доски нужно было еще до конца работы положить на киле, а время уже было послеобеденное.

Тут он увидел Дорди, спускающуюся вниз. Севрин остановился. Легкая краска покрыла лицо юноши.

Она подошла к нему.

— Севрин, где папа?

— Ты знаешь, тяжело сказать, — заметил Севрин. — Только что он был здесь, но теперь он может быть на фьорде. Может, мне поискать его?

— Да нет, это не так уж срочно. Я подожду здесь и посмотрю, как ты работаешь, а он придет.

Ей не пришлось много увидеть, потому что он не работал, хотя они почти не разговаривали. Они просто были счастливы рядом, то и дело глядя друг на друга.

— Дорди, ты что тут стоишь и задерживаешь работу?

Это был Лингейд. Удивительно, но они не слышали и не видели, как он подошел.

Лингейд хотел показаться строгим, но глаза его смеялись.

— Стой, папа! — воскликнула Дорди, — Он даже немного испугался. — Вот так! Ах, в твоих глазах отражается фьорд. Они сияют! Из них исходит поток огня.

— Слушай, — сказал Лингейд, — ты что, пришла сюда, чтобы посмотреть мне в глаза?

— Нет, я только хотела отдать тебе вот это.

Дорди вынула из кармана фартука письмо и поднесла к его глазам.

Он безразлично посмотрел на него. Письмо для него мало что значило.

— Загляни-ка на обратную сторону, — сказала она.

Он повернул письмо.

— От Линга!

Лингейд сел на табуретку и принялся усердно читать. Теперь Севрину пришлось что-то делать, так как рядом был мастер.

— Посмотри-ка на отца, — Дорди потянула Севрина за рукав. — Он как будто солнце получил по почте.

Да, так оно и выглядело, его лицо сияло, в то время как глаза были влажными — влажными и большими.

Вдруг он поднялся и пошел в столовую, закрыв за собой дверь.

Дорди хотела побежать вслед за ним, но Севрин удержал ее.

— Нет, нет, — сказал он, — я думаю, что он хочет сейчас побыть один.

Дорди осталась с Севрином.

Через некоторое время Лингейд вышел. Он помахал дочери. Дорди с улыбкой попрощалась с Севрином, после чего его лицо выглядело так, как будто он тоже получил солнце по почте.

Быстрым шагом Лингейд с Дорди пошли наверх домой.

— Ты уже пришел? — спросила фрау Лингейд. — Мне кажется, что ты говорил, что вы сегодня должны варить доски?

— Это рабочие и сами сделают, — отмахнулся он. — Нет, теперь ты должна что-то послушать, моя дорогая!

Лучи весеннего солнца падали на кухонный стол, а Лингейд громко читал письмо Линга:

«Благословенный брат!

Не пугайся этого высокопарного обращения!

Я должен поделиться с тобой своей большой радостью. Уехав от тебя, я был очень несчастным, во всяком случае, мне так казалось. Вся моя жизнь и духовное состояние были под вопросом.

Когда я оказался дома, мои страдания усилились. Я понял: мои религиозные убеждения были неправильными, не говоря уже о служении проповедника. Я считал это единственным тяжким грехом. Отчаяние мое было безмерным. Я чувствовал себя как приговоренный

к смерти. Но Бог уже подумал о моем спасении. Я пробыл дома четырнадцать дней, и к нам приехал евангелист Элвегард. Ты же знаешь его. Он рассказывал, что он незадолго до меня был у вас. Теперь он должен был немного поработать в нашей церкви. Я рассказал ему о своей беде. Он спокойно изложил мне Писание, и Бог озарил светом мою темноту. Я стал свободным через слово Господа о прощении грехов.

Я теперь вижу, Лингейд, что я действительно не был возрожден. Я только пережил психологическое покаяние. Настроение и усилие воли наложили печать на мою душевную жизнь. И я считал это возрождением. Но теперь Бог возродил меня посредством Слова правды. Да! Евангелие благодати для погибающих наполнило мою душу солнечным светом и миром.

И подумай, Лингейд, я снова начал работать. Но мое цирковое искусство я отложил и даю место Евангелию действовать собственной силой. Люди освобождаются — как это прекрасно! Я больше не считаю покаявшихся, так как посчитаны будут только те, имена которых записаны в книге жизни, а об этом заботится Бог.

Теперь у меня есть большое желание: побыть там, где я посеял дух несвободы. Может быть, с помощью Божьей благодати я смогу поправить то, что я разрушил.

Я написал пастору Борнасу, что я снова хочу посетить вас. Ответ, к сожалению, был немного сдержанным. Но он хочет попытаться осенью что-то найти для меня. Я буду рад, если смогу жить у тебя.

Расскажу больше, когда увидимся.

До свидания, мои дорогие друзья!

Твой счастливый Борис Линг!»

— Сейчас, собственно, нужно было бы сварить доски,
— сказал Лингейд после короткого молчания.

— С этим справятся сами рабочие, — сказала его жена.

— Эх, — воскликнул Лингейд и обнял жену. — Поверь мне, теперь я построю моторную лодку, покупатель которой будет иметь большую радость!

XVIII

Эмли Мобекк была разбужена на одном из собраний Линга. Она обратилась за советом к бабушке, а не к родителям, — это казалось ей естественным. С тех пор они часто были вместе в комнате бабушки, и та была счастлива, что может открыть внучке путь спасения. Когда наступила весна, Эмли нашла мир во Христе.

Отец и мать восприняли это спокойно, даже немного сдержанно. Они не любили разговоры на религиозные темы, и прибегали к ним в крайнем случае. Хелге тоже остался к этому безразличен. Он вежливо улыбался, когда Эмли рассказывала ему, и был рад, что следующей осенью освободится от всего этого хлама, сдаст экзамены и поступит в университет. А они пусть дома играют роли истинных и поддельных христиан.

В первые дни мая как-то после обеда по городу прошел слух, который сильно занимал всех.

— Ты уже слышал? — спрашивали люди друг друга.

Все снова и снова рассказывали об этом событии. Настойчиво спрашивали, чтобы больше узнать подробностей о нем.

Настоящих свидетелей, к сожалению, трудно было найти.

В домах доставали запыленные Библии и песенники. Радио и магнитофоны молчали в этот день. Люди были приветливее и вежливее, чем обычно.

Анштайн Мобекк пришел домой раньше. Его мать и жена сидели в зале за ручной работой. Только Эмли вышла, чтобы немного погулять перед тем, как идти на спевку. Хелге мучился в своей комнате со школьными уроками.

Обе женщины подняли головы, и работа выпала из их рук, так как Мобекк был бледен и кроток.

— Ты заболел? — спросила жена.

Он подошел ближе и благоговейно сел, как будто он был в церкви.

— Нет, Лина, я не болен, — ответил он и вздохнул.

Обе женщины опять взялись за работу. Но Лина тут же прекратила ее, когда Мобекк продолжил:

— Мы живем в серьезное время. Хорошо, если мы готовы.

Мать взглянула на него тем печальным улыбающимся взглядом, которым она часто смотрела на сына. Ей было любопытно, что же опять случилось. Но жена Мобекка опередила ее:

— Анштайн, что нового?

— Рассказывают, что люди, живущие на фьорде, видели сегодня видение.

— Видение? Что за видение? Где?

Лина тут же разволновалась.

— Говорят, что сегодня после обеда они увидели Иисуса на облаках.

Мобекк говорил тихим благоговейным голосом. Бледность покрыла лицо его жены. Старая мать продолжала работу, но с интересом переспросила:

— Видели Иисуса?

— Да, такой слух идет по городу.

— О Боже! Мама, ты слышала об этом? Они видели Иисуса!

Улыбка старой женщины стала ясной и немного иронической.

— Ну, было бы хорошо, если бы это оказалось правдой, — спокойно сказала она.

— Но, мама! О Боже, это же так серьезно! Рассказывай же, Анштайн!

Он сложил руки и покачал головой.

— Да, ты знаешь, сегодня было очень облачно, и солнце нечасто пробивалось через это облачное одеяло. Во время такого промежутка в устье фьорда образовалось удивительное свечение.

— О Боже, Анштайн!

— Оно находилось прямо над вытянувшейся облачной чредой. Это было как луч света на светлом небе.

— О Анштайн! Ты слышишь, мама? Луч света на светлом небе!

— Успокойся, Лина. Я тоже немного взволнован. И затем луч света принял образ.

— Он принял образ? О Боже! А я сегодня до обеда читала такую книгу! Анштайн!

— Да, Лина. Я тоже обдумываю. Может, я был немного скупым по отношению к Росту. Надо еще раз продумать все, может, всем рабочим добавить зарп-лату.

— Ах, милый! Почему ты это не сделал сразу? Ты сказал, что луч принял образ?..

— Да, это было прямо над облаками.

— Но, Анштайн...

— Потом этот образ увеличился и стал вверху яснее, пока полностью не показалось лицо. Так он стоял на облаках, освещенный солнцем, сияющий...

— О Анштайн! Ты веришь, что Он придет?

Лина прижала руки к груди. Мобекк испуганно покачал головой.

— Я не знаю, — медленно и с трепетом сказал он. — Дело серьезное. Может, все-таки лучше сегодня поговорить с персоналом?

Он нервно достал из кармана часы, взглянул на них и положил обратно.

— Сегодня уже поздно, — вздохнул он, но его вздох звучал облегченно. — И я думаю, что мне надо снова налаживать отношения с Лингейдом...

Голос Мобекка вдруг стал мягким, когда он спросил:

— Как вы думаете: может, откроем Библию и почитаем что-нибудь?

— О да, Анштайн, давай почитаем, — сказала жена и устроилась в кресле поудобнее, вытирая при этом глаза платочком, — Мама, да оставь ты свое вязание!

Ответ матери совсем сбил ее с толку.

— Я должна закончить этот носок, — сказала она.

— Но подумай же, а если Иисус сейчас придет?

— Тогда Он найдет меня с двумя носками в руках, Лина. Я протяну Ему руки с носками и скажу: «Вот я, Господь Иисус! Я благодарю Тебя, что Ты пришел!»

— Ах, мама! — воскликнула Лина.

— Лина, тот, кто принадлежит Ему, радуется Его приходу.

— Но мы тоже входим в это число, мама, — хором сказали супруги.

Старая женщина вначале посмотрела на сына, потом на невестку. Слезы выступили у нее на глазах.

— Вы не Его, — коротко сказала она.

Одно мгновение они были как будто парализованы, бледный цвет их лиц сменился на темно-красный.

Мобекк смог заговорить первым.

— Я должен сказать, ты для меня хорошая мать, — проговорил он чуть не плача. — Из года в год я забочусь о тебе.

Дальше он не смог говорить, так как его жена стала изливать свои чувства в истерическом плаче.

Старая женщина продолжала спокойно вязать свой носок, не обращая внимания на поднявшуюся в доме бурю. Ее доброе лицо сияло больше, чем обычно, и печальный взгляд ее покоился на детях.

— Вы должны постараться получить мир Божий в сердце, пока еще есть время, — спокойно сказала она, как будто она и не слышала слов упрека, — А то вы останетесь стоять у дверей зала, где будет брачный пир, как те неразумные девы, у которых не было масла в лампах.

После этого она собрала свои вещи и пошла в свою комнату. Супруги остались.

— Ты когда-нибудь слышал такое!— простонала жена. — Такие намеки были уже не раз! Но теперь уже хватит! Мы должны серьезно обдумать, может, нам все же послать ее в дом для престарелых.

— Это нужно хорошо обдумать, Лина. Видение сегодня было слишком серьезным. А если вдруг что-то случится?

— О Боже, Анштайн! Что я говорю!? Мы должны в терпении переносить ее, наверное, уже недолго.

Они постепенно снова вошли в сентиментальное настроение, в котором они перед этим находились, но были уже спокойнее. Все отошло немного на задний план.

Мобекк прошелся по комнате. Пепельница стояла на столике. Но Мобекк на этот раз даже не посмотрел в ту сторону.

Прошел час. Мобекк использовал этот час для чтения Библии. Легкий след страха все еще был виден на лице Лины.

Тут пришла домой Эмли.

Они увидели по ее свежему лицу, что у нее есть что-то рассказать.

— Вы уже слышали об удивительном событии?

— Да, дитя мое. Но что было на спевке? Ты так рано пришла.

— Ее сегодня вообще не было, мама.

— У вас не было спевки?

— Нет, пришло очень мало людей. Многие, видно, боялись оставить свои дома.

— О Боже, Анштайн! Ты видишь!

Фрау Мобекк опять охватило волнение, но муж ее держал себя в руках.

— Эмли, а те, которые пришли?

— И с нами ничего не вышло, папа. Мы вообще пытались, но регент так нервничал. Мы все время неправильно пели. Некоторые были так бледны. Одной девушке стало плохо, и она вышла. Мы сидели и разговаривали. Обычно мы смеялись на спевках, а сегодня всем было не до смеха.

— Но в конце у вас, наверно, было собрание?

— Нет, видно, никто не посмел молиться.

— Ты видишь, Анштайн! Но рассказывай дальше, Эмли!

— Потом мы пошли домой. Казалось, что все с нетерпением ждали, когда они снова могут быть дома. Как будто им дома безопаснее.

— А у тебя не было так, Эмли?

Голос матери был необыкновенно нежен.

— Ах, я не знаю, мама. Если веришь, то чувствуешь себя безопасно везде. Я не понимаю, как верующий может бояться пришествия Господа?

Лицо матери исказилось.

— Ты еще слишком молода, чтобы рассуждать об этом, — резко сказала она. — Твой отец и я... ну ладно, все равно. Ты что-нибудь слышала, как долго было видение?

— Видно, не очень долго. Один мужчина упал на колени и кричал о спасении. Затем он с криком побежал домой. Когда он после этого посмотрел в окно, видение исчезло, и именно в тот момент, когда солнце пробилось сквозь тучи. Один рассказывал, что облака, на которых Он стоял, были в этот момент красны, как алая кровь. Последнее, что они видели, была рука, показывающая на наш город. Через мгновение весь образ был как в тумане, и вдруг неожиданно исчез.

— О Анштайн!

— Да, Лина, это серьезный признак. Может, мне сейчас же пойти к Лингейду?

— Вот видишь, Анштайн! Ты всегда торопишься к маленьким людям. Но сегодня уже поздно!

Они тихо ушли в свою спальню.

Открытую Библию Мобекк положил на свой ночной столик.

XIX

Казалось, как будто теща Роста собирается остаться жить у них. Рост приготовился к худшему. Со дня рождения ребенка прошло три месяца. Уже наступило солнечное лето, а Рост до сих пор не слышал, что фрау Ранг собирается переселиться в свою старую квартиру.

Впрочем, работы хватало всем троим, хотя на самом деле мало что делалось. Ребенка избаловали. Они день и ночь возились с ним, особенно женщины. Засыпал он только тогда, когда его брали на руки.

Если они укладывали его спать, царила могильная тишина. При незначительном звуке он просыпался. Если он хныкал, то все носили его на руках.

Еще никогда они так не боялись свежего воздуха, как теперь. Ребенок же мог простудиться! Маленькое худенькое личико имело светло-серую окраску. Красивое детское белье выглядело уже грязным, и новая коляска уже заржавела и была вся в царапинах, хотя она едва ли хоть раз была на улице.

Воздух в квартире немного изменился. Детские пеленки часто не стирали, а только сушили.

Росту тяжело было что-то сказать. Это удавалось ему, когда он сердился, что случалось теперь довольно часто. Тогда он говорил бесцеремонно. Таковы были и его выражения.

Фрау Ранг качала головой так, что разлетались седые пряди, и говорила только тогда, когда знала, что Рост не слышит:

— Зигрид, нет у тебя счастья. Никогда не думала, что Стиан может быть таким.

— Он только недавно стал таким, — печально говорила Зигрид. — Я не знаю, что с ним случилось.

В доме царил беспорядок. Все было предоставлено случаю. Если обед был готов, когда Рост приходил домой, то было хорошо. Если же он не был готов, то женщины считали, что он должен подождать, так как они ночью

мало спали. Ребенок был беспокойным, поэтому днем, когда мальчик спал, и им нужно было спать. Он сам должен понимать, что они не могут все тут же ему подать.

В последнее время они привыкли, что после ссоры Рост приносил домой готовый обед. Это сейчас можно было себе позволить, так как Рост получал больше. Во время еды у них было почти праздничное настроение, все трое любили хорошо покушать.

Рост был страшно переутомлен.

Он мало спал ночами. Ему часто приходилось нянчить мальчика. Его кровать заняла теща, а он спал на кушетке в зале. В весенние ночи он сильно мерз, так как ему почти нечем было укрываться. Если ребенок кричал в спальне, то он вставал и закрывал дверь. Но для женщин это казалось ужасным — подумать только, он не может слушать, когда его ребенок плачет!

Да, Рост был сильно переутомлен.

Он был изнурен как человек, являющийся пятым колесом в телеге. Болтовня опротивела ему, хотя он не был глубокой натурой. Мать и дочь успевали за день делать лишь повседневные мелочи. Однообразие и скука прерывались только случайной руганью. Но и это уже было скучно, в крайнем случае, если Рост задавал особенный тон. Они надоедали друг другу ничего не значащей болтовней, выматывающими ссорами и глупыми примирениями.

Малыш дышал тяжелым воздухом. Несмотря на нехватку сна, Рост, как всегда, выполнял свою работу на фирме. Но тайно от других он вел свою личную жизнь, и это тревожило его больше, чем все остальное.

В то же самое время он старался сохранять благопристойный вид в церкви. Не было никого усерднее его. Он был благодарен, что его не наказали в связи с преждевременным рождением ребенка.

Пастор Борнас дружески похлопал его по плечу и, улыбаясь, сказал:

— Появился немного раньше, дорогой Рост? Да, да, это действительно не совсем просто!

Он имел понимание, этот Борнас.

В день, когда на небе было видение, о котором многие говорили, но лишь немногие — может, и никто — видели, дома произошла сцена. Когда Рост пришел домой с работы, у Зигрид судорогой стянуло ногу. Она почти целый вечер висела у него на шее. Как будто он мог ее защитить. Мать бегала вокруг и как ребенок болтала без удержу.

Рост чувствовал себя одиноким, как никогда в жизни. В летние вечера он один ходил по лесу и окрестностям города и часто приходил домой уже ночью.

Почти всегда его одолевало странное тупое чувство — ему не хотелось жить, — которое прерывалось периодами горячей осмысленности жизни. Вместе с Лингейдом он несколько раз выезжал на лодке на шхеры. Но это бывало нечасто, хотя лодочник постоянно заботился о том, чтобы помочь этому изможденному человеку.

Рост мог бы радоваться в этих поездках. Небо, земля и море были чудесны в солнечные дни. Еда, которую он получал в этих поездках, была для него наслаждением. Но дух в семье доставлял ему жгучую боль. Естественная и свободная манера отношений с Богом и с ближними свидетельствовала против него.

Нет, он должен идти своими собственными путями!

Немногие посещали Роста. Подруг у Зигрид не было. Она изолировала себя от своих сверстниц тем, что так долго длилось время помолвки. Единственные, кто заглядывал к ним, были фрау Лингейд и ее дочь. Но ни они, ни другие — больше случайные посетители, не оставались долго. Там был слишком тяжелый воздух.

Часть своего свободного времени Рост проводил с молодежью церкви. Он вместе с подобными ему заполнял пустоту в своей так называемой христианской жизни развлечениями и прогулками, где они вволю могли насладиться шаловливыми проделками и шутками, которые часто граничили с непристойностью, а потом успокаивали свою совесть посредством собрания.

В кругу людей Рост забывал на время свое горе и свое тайное несчастье. На прибрежных камнях между купающимися молодыми людьми его посещали нечистые мысли. Приходя в себя, ему было стыдно. Он видел себя как в зеркале.

Зигрид в основном оставалась дома. Она была связана ребенком и воспринимала это как принуждение, что вызывало в ней горечь.

Когда муж приходил домой, она допытывала его вопросами, где он был, кого встретил. Он чувствовал, что в ней готова вспыхнуть ревность. И тогда он с дьявольским удовольствием дразнил ее. Это было причиной ссор, слез и горя — и примирения. Постоянно одна и та же картина.

Еще и мать стояла поперек дороги. Троим было тесно — и для троих было слишком мало любви. По своеволию старых людей мать считала, что ее присутствие здесь необходимо. Благополучие ребенка требовало этого, ведь она была во многом опытнее, чем ее дочь. Так она бегала вокруг и как клин углубляла пропасть между молодыми людьми, не понимая этого. Рост уже начинал ее ненавидеть.

Другой, может, начал бы пить, но Рост отдался религиозной работе.

Осенью намечалось празднование пятидесятилетнего юбилея церкви. В целом община была намного старше, но эта церковь была образована пятьдесят лет назад. В связи с этим планировался большой праздник, к которому уже давно готовилось много представлений различного рода. Должна была прозвучать прекрасно исполненная кантата. К счастью, в городе был поэт, который мог написать ее по заказу. Кульминацией праздника будет, наверное, открытие портрета Борнаса. Он каждый день позировал художнику города. Для этой цели был организован комитет по сбору средств, которым руководил Рост. Он улыбался, когда подходил к Мобекку, чтобы тот пожертвовал на портрет Борнаса. Шеф дал на это дело безоговорочно. От Бакке, Лингейда и многих других он ничего не получил —

принципиальные вожди! Они сказали, что не будут участвовать в обожествлении человека.

Рост поддерживал их. В сущности, это же отвратительное дело. Но он был так связан с отвратительными делами, что... Да, но как он мог возмущаться, набирая себе вещи за пазуху? Он, который по уши торчит в грязи! Он должен быть рад, что его оставляют в покое. В церкви все выглядело почти так же, как и у него дома: воздух был отравлен, во всем была неразбериха, все зарастало бурной травой. Мир, мир! «В Церкви Божьей должен царить мир», — так думал дипломат Борнас. Поэтому и Лингейд, возмутитель, мог свободно быть в церкви. Но, кроме Лингейда, там были и другие, о которых никто не говорил.

Летние каникулы хора были в этом году короче, чем обычно. Нужно было готовиться к празднику, чтобы поддержать на высоте добрые традиции хора. В таком деле нельзя было потерпеть фиаско.

Инструментальный ансамбль был пропитан тем же духом. Хор и ансамбль были в своем роде конкурентами, естественно, со всем братолюбием. Но все же они немного завидовали друг другу. Борнас был осторожен, чтобы не возвышать кого-то из них.

В июле Рост имел большую радость, которая длилась целый день: его теща снова перешла в свой дом. Она решила, что беспокойные ночи — слишком большая нагрузка для ее нервов.

XX

— Я никогда не думал, что этот вопрос может быть таким серьезным, — сказал Клас Бакке.

Стоял конец июля. Он и Лингейд со своими женами сидели в субботу после обеда на маленьком острове на фьорде.

Двое младших детей плескались внизу между камнями в воде.

Дорди и Севрин немного в стороне варили кофе. Они не торопились. Никто их не подгонял. У них были более серьезные дела, чем это, хотя в данный момент они не делали ничего другого. И все же: они брались за руки и, улыбаясь, смотрели друг на друга. Это казалось им достаточным. Глядя друг на друга, им казалось, что они видели что-то самое прекрасное в мире. Как светлорусый богатырь, сидел Севрин в отглаженной рубашке с длинным галстуком. Его загорелое лицо имело выражение человека, которому принадлежит весь мир. И эта девушка также принадлежала ему, так как Дорди была его невестой.

Она была темнее. Она выглядела очень мудрой, несмотря на детские черты лица! Ее глаза сияли тепло и открыто, когда она смотрела на своего возлюбленного.

Нет, речь здесь была совершенно лишней!

Севрин положил под чайник несколько палок, чтобы огонь слабо горел дальше.

Сегодня все было каким-то ленивым. Вечерний ветерок едва касался воды — во всяком случае не всей ее поверхности. Тут и там было несколько темных мест, которые затрагивал ветер, но в основном весь фьорд блестел. Немного дальше в воде иногда показывались спины морских свинок, но и они были ленивы. Немного подвижнее были несколько тунцов, которые резвились далеко в воде. Выпускаемая ими вода на синем горизонте казалась фонтанами. Моторные лодки в округе с монотонным гудением прокладывали себе

дорогу, оставляя после себя широкий шлейф. Далеко позади лежал город. Пароходы в порту посылали в небо столбы дыма, которые едва шевелились на ветру.

На островах в окружности то и дело мелькали люди в купальных костюмах или в белой одежде. Протяжные, радостные крики купающихся летели от берега к берегу.

Едва заметные длинные блестящие волны поднимались и опускались. У островов в слабом течении колыхались водоросли. Море дышало. На многих островах рос густой лес, а на его окраине был виден участок земли с домом. Над бухтой висели легкие красные домики рыбаков, и их жители могли разговаривать друг с другом через узкие перешейки.

Большая туча чаек устроила радостную встречу посреди широкого фьорда. Там плавали целые острова птиц, а издалека прилетали все новые. Видно, там собралось много молодой сельди, которую выгнали на поверхность воды желтая треска и другие рыбы, бедные — их гнали и снизу, и сверху!

Солнце торопилось к западу и пробиралось через пояс перистых белых облаков, имевших такой тонкий слой, что они почти не давали тени.

На маленьком острове пышно рос вереск, к которому и пристал Лингейд. На солнце краснели скалы с голыми вершинами. В тени скалы стояли коробки с пищей.

— Эй, Дорди! Смотри, чтобы чайник все-таки закипел, — улыбаясь, крикнул Лингейд, — Пусть Севрин один чем-нибудь займется, пока ты сварить кофе, — и, обращаясь к Бакке, сказал: — Да, Бакке, это будет тяжелым вопросом.

— Выйти, — коротко произнесла фрау Бакке.

Она на мгновение положила вязание на колени, обвела всех взглядом, и остановилась на муже. Он улыбнулся.

— Это было немного поспешно сказано, — сказал он.

Лингейд стал серьезным, и все с ожиданием посмотрели на него.

— Отделение — это не всегда верный выход, — задумчиво сказал он. — Многих детей Божьих семнадцать столетий вынуждали к выходу силой или их совесть не позволяла им оставаться. Но это не всегда было правильно.

— Но что же тогда правильно? — спросил Бакке.

— Выйти должны, естественно, безбожники!

— Но они же не делают этого!

— Нет, и поэтому Бог повелел, чтобы их отлучали.

— Это звучит так грубо, — заметила тихо фрау Лингейд.

— Да, именно! Это и имели в виду церкви, духовенство и пресвитеры. Они хотели быть приветливее, чем Бог, и они оставляли расти сорняки, так что они под конец заглушили добрый посев. Были времена, когда Божье поле заросло сорняками. Кое-где оставалось очень мало живых христиан. Они вышли и образовали новое вероучение. Они стали протестантами, они протестовали против морального разложения церкви. Но, когда рождалась новая чистая церковь, старая история начиналась сначала. Проходило время, и сорняки опять шли в рост.

Лингейд разгорячился. Его огонь зажег других. Жены оставили работу. Бакке задумчиво смотрел вдаль. Потом он спросил:

— Но почему так было?

Не отвечая прямо на вопрос, Лингейд сказал:

— Бог дал нам одно средство, чтобы сохранить церковь здоровой.

— Ты имеешь в виду церковную дисциплину?

— Да. Она относится к оздоровительным средствам Божьим.

Бакке непонимающе посмотрел на него.

— К оздоровительным средствам Божьим?

— Да, именно так. Мы привыкли думать, что церковная дисциплина — это средство, чтобы отторгать от нас людей. Но со стороны Божьей она предусмотрена как средство, чтобы спасти души, сохранить церковь...

— Извини, Лингейд! Ты говоришь — сохранить?

— Да, потому что человек, который остается в грехе, погибнет. И церковь, которая терпит грех, также погибнет. Для этого Бог и дал нам церковную дисциплину — как очищающее средство. Недостаток дисциплины или ее неправильное применение приводит к обмирщению церкви.

— Но у нас же есть церковная дисциплина, Лингейд!

— Да! На бумаге! Но результат церковной дисциплины, которую мы практикуем, говорит совсем о другом. На дереве нашей церкви полно сухих веток. В церкви беспрепятственно находятся люди, живущие в грехах. Мирское и номинальное христианство захватывает ее огромными темпами, а церковный совет не препятствует этому.

— Я член церковного совета, как ты знаешь.

— Да поможет тебе Бог! Ты несешь тяжелую ответственность!

— Я отказался быть членом совета, это тебе известно.

— Да, я знаю это.

— Но что же теперь я должен сделать?

Лингейд не сразу нашел что ответить, но жена Бакке опередила его:

— Выйти!

Казалось, Бакке был готов сделать острое замечание, но Лингейд опередил его и сказал печально:

— Такое, видно, приходилось переживать всем детям Божьим во все времена, когда они своими попытками реформ ничего не могли изменить! «Мы выходим», — говорили они, и с плачем выходили.

С берега послышались громкие голоса:

— Мама! Разложи еду. Папа и один может провести время, пока ты накроешь на стол. Кофе готов!

Смеясь, прибежали Севрин с Дорди. Петя и Торди следовали за ними.

Красно-золотистым шаром заходило солнце. Из легких перистых облаков остались одни ярко-красные лоскуты, свисающие с неба. Море отражало блеск неба. Как море расплавленного металла, лежало оно перед

ними, и маленькие спортивные лодки оставляли в нем следы. Барьер из низких, покрытых лесом холмов, как чертой, разделял небо и море. Но и над лесом лежал золотистый свет, отражение небесной славы. Окна маяка отражали свет солнца.

Лингейд стоял со своей женой на самом высоком месте острова, обняв ее за плечи. Они смотрели на запад. Золотой свет осветил их и отразился в их сияющих глазах. Он вздохнул, как будто ему тяжело было нести свое счастье. Она посмотрела ему в глаза.

— Ты плачешь, Ансгар?

— Не смотри на меня, Агна!

Она обняла его и доверчиво прислонилась к его плечу.

Они стояли наверху, пока блеск не погас и не принял желтую окраску.

Тут тишину разорвал сильный гул. В порт заходил пароход.

Лингейд вздрогнул. Идиллия была нарушена.

— Так, — сказал он, — теперь поедem домой, Агна.

В маленькой бухте на слабых волнах качалась моторная лодка — открытая лодка, спереди и сзади которой были палубы с поручнями. Лак блестел, вся отделка была никелирована и тоже блестела. Линии лодки были красивы и элегантны — это было лучшей рекламой для верфи Лингейда. С интересом мастера он скользнул взглядом по лодке, когда спускался вниз с корзиной в руке. Петя уже находился на борту и помогал Торди перелезть через поручни. Он был одновременно рулевым, машинистом и боцманом и с большим достоинством исполнял тройное служение.

Он подал руку женщинам, помогая им подняться на борт. Какой доброй и теплой была рука матери! Он довольно улыбался. А мужчины пусть сами думают, как попасть в лодку.

— Надо было не брать с собой маленьких детей, — сказал Петя и постарался быть серьезным, — Дорди, Севрин! Спокойной ночи! Мы уезжаем!

Тут молодые люди вышли из-за обломка скалы. Они не торопились. Они принесли с собой на борт немного золотого солнца, но это уже было отражение их сердец.

После этого лодка полетела навстречу земле.

* * *

Лингейд не мог заснуть. Он уже несколько часов лежал. Было так темно, как может быть только в поздние июльские ночи. От окон исходил слабый свет. Он сам не понимал, откуда пришло беспокойство. На верфи вроде бы все было спокойно. Необъяснимый страх слегка давил его.

Он встал. Проснулась его жена.

— Ансгар, ты заболел? — прошептала она.

— Нет, я только встану, чтобы немного отдохнуть, — попытался он шутить.

Он посмотрел в боковую дверь в комнату девочек, но и там все было тихо.

Он немного постоял посреди спальни, и вдруг начал одеваться.

— Ансгар, что случилось?

— Я не знаю, Агна. Я выйду немного на улицу.

В следующее мгновение Лингейд был уже внизу. Он стоял на вершине холма, у подножия которого лежала верфь. Нежные мягкие сумерки расстилались над морем и землей. Тишина. Несколько бледных звезд висели на небе и пытались отразиться в блестящей поверхности воды, которая едва отличалась от темноты, окружающей Лингейда.

Он спустился по склону вниз. Страх снова сильнее обьял его. Подойдя к двери мастерской, он остановился. Чего он вообще хочет? От угла дома он посмотрел вниз на узкий проход между домом и прибрежными камнями. Далеко внизу, в конце дороги, блестела черная поверхность воды.

Он пошел назад к двери, зашел в мастерскую и щелкнул выключателем. Когда зажглась лампа, ему стало немного легче. Здесь тоже было тихо. С потолка свисали

канаты. Одна лодка стояла на эллинге. На полу и на строгальной машине лежали доски. Все было как днем, когда они кончили работать.

Что он, собственно, делает здесь в эти ночные часы? Он решил обойти вокруг ангара. Когда он открыл дверь, навстречу ему зияла черная тьма. Постепенно он заметил серый свет, пробивавшийся через окно. Ему показалось, что на него смотрят большие мертвые рыбы глаза. Было немного тревожно. Лингейда охватил легкий трепет. Он поискал выключатель. Засветилась одинокая лампочка, но все еще было жутко. Таинственная серая тьма подстерегала во всех углах и под скамейками, и вдруг ему показалось, что все предметы вокруг ожили. Он сделал один шаг, как будто хотел убежать, но вместо этого снова остался стоять, сложил руки и помолился.

Затем он спокойно и быстро пошел по рельсам эллинга, вниз к воротам, которые были обращены к морю. В них была маленькая дверь. В тот момент, когда он открыл ее, он увидел, как на дорожке, ведущей налево, промелькнул слабый свет. Он был виден только долю секунды. Лингейд испугался и хотел вернуться. Но одумался, оставил дверь открытой и неуверенными шагами пошел по дорожке. Здесь, снаружи, было немного светлее. Маленький ангар для инструментов образовал угол со сходящими. Со стороны воды этот ангар был обнесен перилами, и они были связаны с дорожкой. Там Лингейд видел этот слабый свет.

Когда он переходил дорожку, то споткнулся обо что-то на земле. Он нагнулся, не выпуская из вида угол ангара, и поднял. Это была кофта.

Он начал понимать, что может найти за ангаром. Когда он пошел дальше и завернул за угол, кто-то стоял совсем близко от него на перилах. Вначале он увидел два белых лоскута. Но когда присмотрелся, то узнал, что это два рукава от рубашки мужчины, который прислонился к стене ангара.

— Кто там? — спросил Лингейд дрожащим голосом.

Никакого ответа. Мужчина стоял неподвижно, как мертвый.

— Отвечай! — громче воскликнул Лингейд.

Молчание.

Лингейд был слишком взволнован, чтобы идти дальше. Он остановился и стал обдумывать. Мужчина не мог идти дальше, так как дальше была вода.

— Пойдем к земле! — сказал Лингейд, — Я не уйду с этого места, пока ты не придешь, даже если мне придется стоять до рассвета!

Снова никакого ответа.

Но через короткое время человек начал двигаться. Одной рукой он медленно ощупывал стену ангара, а другой закрывал лицо.

Когда таинственная фигура приблизилась, Лингейд сделал шаг назад. Когда этот человек миновал угол, он вдруг приготовился к прыжку на дорожку, но тут Лингейд схватил его. Борьба была короткой, так как тот, кого он поймал, не был сильным человеком.

Лингейд держал его за руку. Оба тяжело дышали.

Вдруг Лингейд ослабил руку.

— Это ты, Рост? — спросил он, теперь по-настоящему взволнованный.

— Да. Отпусти меня!

— Что ты здесь делаешь? Сейчас час ночи!

Но он еще не закончил вопроса, как уже все понял.

— Рост! Что ты придумал?

Рост пытался говорить твердо, но в его голосе были дрожь и ужас.

— Я должен положить этому конец!

— Рост!

— Я не могу больше, Лингейд!

— Но Рост!.. — строго сорвалось с губ Лингейда.

Тут он услышал его плач.

Он прошел вперед и подал ему кофту.

— Вот твоя кофта, Рост. Пойдем.

Они зашли в дверь, которую Лингейд закрыл на защелку, и по рельсам поднялись наверх.

— Давай выключим свет, — сказал Лингейд и повернул выключатель.

Тут Рост тихо сказал:

— Этот свет удержал меня. Я увидел его через щели в стене, когда хотел сделать прыжок.

XXI

Это было во второй половине лета как-то после обеда. На улице было тихо — ни ветерка, жарко было, как в духовке, и солнце пекло немилосердно.

На востоке стояла черная стена облаков, которая медленно поднималась вверх. По всему было видно, что будет сильная гроза. Уже сейчас были слышны отдаленные раскаты грома.

Мобекк принадлежал к тем людям, которые обладали хорошим слухом, и то, что он слышал, привело его к мягкому настрою. Он был приветлив и расположен к своему персоналу и то и дело отпускал веселые замечания. Вдруг он испуганно замолчал, так как внизу на востоке начало сильнее гроыхать. Тут же его лицо исказилось, как будто у него заболел живот.

Мобекк отправился домой.

Его мать с сочувствием посмотрела на него. Он недавно вернулся из отпуска, загорел и поправился.

Теперь же его загорелое лицо стало серым.

— Я только хотел посмотреть, что вы делаете, — приветливо сказал он.

Тут гроыхнуло совсем близко.

— О Боже, Анштайн!

Еще светило солнце, но воздух окрасился в серо-желтый цвет. Черная стена, как одеяло, накрыла город. Через минуту она закроет солнце. Пучок света светил с края облачной стены над западной цепью холмов — занавес из света и теней. Потом исчезло и это.

Мобекк вытер пот со лба.

— Как темно стало, — жалобно проговорил он.

Как протест его словам — сверкнула молния. Это не было тонкой линией, — нет, казалось, как будто весь мир охвачен огнем.

Пылающий небесный жар исчез через мгновение тихо и беззвучно. Его отражение осветило лицо Мобекка и его жены — глаза были расширены и полны ужаса.

И после этого прогремел оглушительный гром — как будто небо хотело рухнуть. Раскаты грома были мощными и величественными. Они то увеличивались, то утихали. Но тут снова загремело...

Раскаты грома проносились в темноте, а земля и небо отбрасывали его назад как раскатистое эхо. На одно мгновение стало тихо, но только лишь для того, чтобы собрать силы для нового страшного удара.

Над городом столпились облака. Бешеный шторм гнал их в разные стороны. Они кружились и вспыхивали под разрывающимися молниями. Это было похоже на гигантскую игру с горящими копьями и крик великанов, сотрясающий небо и землю.

Тут по окнам застучал град, подхлестываемый гулом шторма. Большие белые градины катились и прыгали по стеклу. Там, где они оставались лежать, моментально становилось бело.

Все звуки в комнате потонули в грохоте.

Старая мать Мобекка сидела спокойно на своем месте, потрясенная неистовством природы.

Все громыхало и гудело, вспыхивало, грохотало и раскатывалось, а в паузах ревел шторм.

Потом пошел сильный дождь, казалось, что открылись все шлюзы на небе. Он слышался как шум водопада, через который иногда пробивался громкий плеск и журчание. На землю изливались каскады воды. Воздух был окрашен таинственным серо-желтым цветом.

Постепенно паузы между молниями и ударами грома становились все больше, казалось, что скоро снова станет светло.

Мобекк уже реже вздрагивал при блеске молнии или ударе грома. Дождь немного стих. Шторм стал слабее. Гроза уходила. На одно мгновение в небе показалась синяя щель. На востоке просветлело. Стена облаков почти ушла, утащив за собой обрывок облака.

Через некоторое время из-за туч выглянуло солнышко. Мокрые крыши блестели, а с ними и падающие капли дождя, которые, как блестящие нити,

висели в воздухе. Далеко позади через фату солнечного дождя показалась земля.

Прошло немного времени, и солнце снова сияло на безоблачном небе.

После страшного шторма дул легкий свежий ветерок. Духоту как рукой сняло. Солнце грело приятным теплом и больше не жгло.

* * *

На следующий день Мобекк слег в постель. Он дрожал, ему было тяжело дышать. Вызвали врача. Мобекк причитал как маленький ребенок:

— Ах, доктор!

— Будьте спокойны, — сказал врач, слушая сердце. — Гм, неужели это от страха перед вчерашней грозой? Я даже не знал, что у вас есть сердце, мой добрый Мобекк. Но у вас оно точно есть! Да, вы должны быть спокойны. Избегайте расстройств.

— Доктор, это что-то серьезное?

— Кто может это знать! Но, во всяком случае, вы должны остаться в кровати. Я выпишу вам кое-что.

Вскоре врач был уже на улице.

Мобекк стал таким маленьким и полным любви. Ему было так хорошо, когда жена гладила его лысую голову. Приятно было и сочувствие матери, также Эмли могла осторожно обнять его — только не сильно, ведь он был очень болен.

Хелге несерьезно смотрел на это дело, заметив, что несколько добавочных дней к отпуску отцу не повредят.

Рост с почтительностью стоял у постели Мобекка и принимал его указания для фирмы. Мобекк говорил как отец сыну. Росту разрешалось на время заменить шефа и за всем заботливо наблюдать. За это он получит награду. Мобекк не забыл его просьбы о повышении зарплаты, но постоянно взвешивал ее. Разумеется, они еще поговорят об этом, когда он снова поднимется.

Мобекк хотел иметь на ночном столике всю Библию,

а не только Новый Завет. Вся Библия — это было все же больше.

Борнас пришел посетить Мобекка, и ему было хорошо, что тот пришел. Он сидел у кровати, разговаривал тихо и с пониманием. Борнас жалел больного, который не принадлежал к тем, кто доставляет беспокойство.

Но было еще что-то, что не давало ему покоя. Это больше всего досаждало ему, когда ему становилось хуже. Да, он должен хотя бы постараться наладить хорошие отношения с Лингейдом. Может быть, нужно будет пригласить его сюда. Но ему еще нужно совершенно определенно понять, должен ли он сделать это обязательно — попросить у него прощения и за что. Да, но сейчас, в первую очередь, нужно поправиться от болезни.

И вдруг в один прекрасный день у его кровати оказался Лингейд. Мобекк улыбнулся влажными глазами.

— Пожалуйста, садись, брат, — прошептал он, задыхаясь.

Лингейд удивился, но не подал виду.

Он сел.

— Я хочу во всех вопросах иметь ясность, — с трудом продолжал Мобекк, — так как мне, возможно, придется умереть.

Лицо Лингейда посветлело.

— Это неплохо звучит, Мобекк.

— Мы же были врагами, мы двое.

— Мы — враги? — удивленно спросил Лингейд.

— Да, мы же сердились друг на друга.

— Я — нет, — коротко сказал Лингейд, — я только сердился на твое лицемерие.

Для больного сердцем Мобекк оставался удивительно спокойным.

— Ты слышишь из собственных уст, кто ты есть — неуступчивый и т. д. Но будь готов, Лингейд, давай попросим друг у друга прощения. Тогда мы с радостью встретимся в небе.

— Боюсь, что ты не попадешь туда.

Лингейд смотрел больному в глаза. Но на лице Мобекка не было и следа переживаний.

— Я не сержусь на тебя, Лингейд, так как врач запретил мне расстраиваться.

Лингейд хотел улыбнуться, но удержался. Вместо этого он серьезно сказал:

— Неужели ты не можешь понять, что играешь с собой в кошки-мышки? Ты копаешься в мелочах, чтобы успокоить свою совесть, а свои отношения с Богом ты не затрагиваешь. Мобекк, — он стал говорить медленней, убедительней, — живет ли Иисус в твоём сердце? Управляет ли Он твоим сердцем? Живешь ли ты в послушании Ему? Это признаки возрождения. Мобекк, ты не возрожден!

Больной скривился и устало отмахнулся.

— Лингейд, ты не должен так жестоко говорить со мной. Мое сердце не выдержит этого. И врач запретил мне. Ах! Как жаль, что ты не согласился на мое предложение. Хочу теперь попробовать немного поспать.

Лингейд ушел.

Через четыре дня Мобекк снова был на ногах.

XXII

Когда приготовления к юбилею шли полным ходом, в церкви словно разорвалась бомба: Линг сообщил о своем приезде!

— Теперь ты что-то увидишь, Агна, — радостно сказал Лингейд однажды за обедом, когда первый осенний туман опустился над фьордом.

— Что же я увижу? — спросила она, хотя предполагала, о чем он хочет сказать.

— Когда приедет Линг, ты увидишь дело Божье в нашей церкви.

— Ты веришь, что он приедет?

— Я знаю это!

Лингейд тер себе руки то ли от холода, то ли от радости.

— Удивительно, что его вообще приглашают, — удивилась Агна.

— Бакке настоял на этом, хотя у пастора было много возражений, как я слышал.

— Ансар, он опять будет жить у нас?

— Конечно! Где же еще? Нам будет хорошо вместе!

Так говорили в доме Лингейда и во многих семьях членов церкви. Другие семьи жили в напряженном ожидании. Вспоминая последний вечер евангелизации, который он проводил, люди думали о скандале. Помнили, что он бежал из-за своих нервов. Да, ведь именно так все было? Он буквально бежал из города. А теперь стало слышно, что у него изменились взгляды — он покаялся.

Мобекк сопел. Он сопел про себя и в церковном совете, на котором вынесли решение о приглашении Линга. Неужели церковь должна благодарить за человека, который допустил подобную неустойчивость! Он, Мобекк, во всяком случае, не будет бегать, чтобы послушать его. А что касается оплаты, ну...

И тогда появились боязливые. Да, в церкви было немало таких, которым тайная нужда приносила много переживаний. Посеянное Лингейдом готово было

взойти, хотя росток еще не пробил твердую почву. Но почва многих сердец была готова...

Пастор прекрасно выглядел и улыбался. Он был готов к любым ситуациям, и к этой тоже. Как в последний раз, так и на этот он объявит евангелизационные собрания Линга и сделает им хорошую рекламу. «...Знакомый проповедник пробуждения Линг, тот самый, что был у нас в прошлом году, и которому, к сожалению, пришлось уехать из-за плохого здоровья или чего-то подобного. Как хорошо, что наше общение продолжается. И поэтому я прошу вас... Думаю, что наши музыкальные силы и на этот раз не оставят нас».

Но дома пастор переживал. Он действительно не знал, поможет ли это посещение разрядить напряженность в церкви. А может, клин в церковь будет вбит еще глубже, тогда разделение неудержимо. Сплоченность и единомыслие являются условием для благополучия церкви. Мир — любой ценой!

Жаль, что Мобекк так расстроен. Это заметно даже сейчас, когда Линга еще вообще нет здесь. Это не шутка, если Мобекк серьезно недоволен!

Об этом пастор говорил дома.

В доме Мобекка грозовой тучей была старая мать, хотя она едва говорила. Дальше терпеть ее выходки уже было невозможно! Между старой женщиной и другими членами семьи зияла пропасть. Дочь Мобекка была на стороне бабушки, что совсем не нравилось Лине, и из-за этого она сердилась на Эмли. Но это помогло девушке еще крепче сдружиться с бабушкой. И это еще больше раздражало мать.

Мобекк очень тщательно оберегал свое сердце. Ему нельзя расстраиваться! Линг хватал его за сердце, хотя был еще далеко отсюда. Лингейд тоже был постоянным источником переживаний. И еще этот вопрос, которым мать постоянно действовала ему на нервы: действительно ли он возрожден. — Нет, его сердце не выдержит этого. На фирме все переживания кончились. Рост сдался. Ха-ха, этот Рост! Его он хорошо отчитал!

Человек, внимательно наблюдавший за настроением церкви, мог бы сказать, что ветер пробуждения уже повеял, даже когда Линга еще не было.

Наконец он приехал.

По его прибытии не звучали фанфары. Лингейд тихо встретил его на вокзале, и они на автобусе поехали домой. С первого рукопожатия братья почувствовали себя родными. Пропасть между ними исчезла.

Линг стал совсем другим. Он в какой-то степени стал меньше, чем раньше. Хотя в его глазах, как и прежде, горел огонь, но это не была твердая сталь его воли, которая метала искры. Это было отражение солнца благодати, которое взошло для него в спасающей силе своих лучей.

С наступлением вечера и приближением времени собрания Линг становился все серьезнее и боязливее.

— Как все получится, Лингейд? — вздыхал он. — Хотя я стал намного богаче, но чувствую себя намного беднее.

— Слава Богу, — мягко сказал Лингейд.

Линг, улыбаясь, смотрел на него.

— Ты остался таким же! Что-то я боюсь встречи с Борнасом.

— О да, — заметил Лингейд, — вы теперь не будете тянуть один и тот же канат, как в прошлый раз. Но у меня есть надежда, Линг.

— Какая?

— Что ты перетянешь его на свою сторону!

Линг на это ничего не ответил. Он только склонил в молитве голову.

Казалось, что в этот вечер в церкви собрались люди, жаждущие сенсаций. Во всяком случае, дом был полон.

Линг спокойно прошел вперед по среднему проходу, между заполненными рядами, в то время как Лингейд со своей женой сел сзади.

Сегодня пастор Линг вышел не как триумфатор. Он поздоровался с Бакке и другими знакомыми и посмотрел вокруг, ища Борнаса. Но его не было.

— Где же Борнас? — обратился он к Бакке.

Но в то время, когда он спрашивал, Бакке передали

записку. Он прочитал и подал Лингу. Борнас внезапно заболел и не мог прийти.

Пришлось начинать без него. Линг попросил Бакке руководить собранием, хотя бы в этот первый вечер. И Бакке дал знак оркестру начинать.

Наконец Линг встал за кафедру. Уже в начале проповеди люди почувствовали исходящую из него силу. Но знавшие его раньше увидели в нем перемену. Перед ними стоял человек в обновленной силе.

Линг не мог умолчать о том, что произошло с ним после последнего посещения. Его так называемое христианство развалилось. За это он будет и в вечности благодарить Бога. Он также не может умолчать, что должен благодарить за это и Лингейда. Это он сорвал повязку с его глаз, чтобы он мог увидеть себя бедным и несчастным, слепым и нагим. Лингейд заставил его задать себе вопрос, однажды обращенный к пророку Ионе и на который сегодня в собрании мы вместе будем искать ответ: «Из какого ты народа?»

Лингейд, сидевший в собрании, склонил голову, как будто он чувствовал, как сотни глаз обратились на него. Но после этих слов он не чувствовал себя уже так плохо. Это было своего рода оправдание, хотя оно и пришло не с той стороны, откуда должно было прийти.

Но Линг больше не говорил о нем. Он ставил каждому в отдельности вопрос: из какого ты народа? Прошло совсем немного времени, и Лингейд поднял голову. Он забыл про себя, забыл об унижении и оправдании, потому что сейчас нужно было внимательно слушать.

Линг провел ясную границу между двумя народами, между оправданными и нечестивыми — между теми, кто искуплен Кровью Христа, и теми, кто еще живет в грехе.

Церковь проснулась. Пятьсот человек стояли перед барьером, потому что решался их вопрос. Они с напряжением ждали приговора.

Линг говорил не так, как раньше. Он не жонглировал словами и не затрагивал струны чувств. Он давал право говорить Божьим словам и мыслям. Высказывания Господа совершали в сердце людей свое дело.

В конце своей проповеди он подчеркнул, что Бог знает только два народа, а нам кажется, что их три. К третьему народу принадлежат те, которые хотят быть между теми двумя. Хромающие. Религиозные. Те, которые думают иметь свет страха Божьего, но отрицающие Его силу. Которые жили полухристианской жизнью, не имея возрождения. Те, которые принимали участие в христианской работе, не имея духовной жизни. Которые были так похожи на духовного человека, что их трудно было отличить, но оставались только подражателями. Это неразумные девы!

Лингейду казалось, что он сидит в этот вечер среди стонущих людей. Казалось, что людям не хватает воздуха. Вялый и бледный, с опущенным подбородком сидел на своей скамейке Рост и, не отрываясь, смотрел на проповедника. Хористы и члены церкви выглядели так, как будто они сгибались под ударами. «Если еще никогда до сих пор не было пробуждения, то сегодня вечером оно точно должно произойти», — думал Лингейд.

Поэтому он был немного разочарован, когда Линг спокойно кончил проповедь. Хотя он попросил оркестр сыграть, но больше ничего не последовало. Потом он объявил о следующих вечерах и сказал, что те, которые желают, могут остаться на беседу и молитвенное общение.

Остались очень немногие.

Но среди них были некоторые, которые исповедали, что в них разрушили их христианские устои, отняли все, что они имели, и просили молиться о них.

— Аллилуйя! — сказал спокойный голос.

Он не принадлежал Лингейду, но Бакке. Лингейд нагнулся к жене и прошептал:

— Теперь ты что-то увидишь, Агна!

— Я уже вижу, — ответила она.

* * *

В этот же вечер Борнаса увезли в больницу. У него был сильный приступ аппендицита.

XXIII

— Вы мерзнете?

Врач стоял, сцепив руки за спиной, и смотрел, как Борнаса укладывали на операционном столе. Понимающая улыбка сопровождала его вопрос. Ему было знакомо это испуганное дрожание, которое охватывало пациентов, когда они попадали под нож.

— О да, про-хлад-но, — ответил Борнас, стуча зубами.

Он также улыбнулся врачу, из благодарности за тактичность. Но он мерз по-настоящему, и чуть-чуть боялся.

И вот теперь он здесь...

За короткое время, пока его руки и ноги привязывали ремнями, он о многом успел подумать.

— А если я больше не проснусь?..

Но он мерз — совершенно точно!

— Как у-жас-но хо-лод-но, доктор. Прямо Северный полюс.

Борнас пробовал смело шутить.

Доктор спокойно засмеялся. Он тоже шутил. Борнас находил это очень милым, чтобы немного пошутить, когда смерть так жестко хватает за горло. Как хорошо, что врач не заметил его страха. Ему же нельзя бояться, ведь он пастор и христианин!

Христианин!

Да, тут действительно холодно. Нет, теперь он не шутил. Могли бы натопить, ведь он должен лежать здесь раздетым!

Он пытался думать о жене и детях, — но надо же: легче было думать о Лингейде!

«Может, будет лучше направить мысли к Богу или к вечности?» Жаль, что они привязали ему руки, а то он сложил бы их для молитвы. А сделал бы он это, если бы доктор смотрел на него?

И вот он тут лежит...

— Может, это уже конец? Ох, как он мерз! Этот Лингейд — и праздник, прошлый год!.. Он никак не мог забыть этого. «Живет ли Иисус в твоём сердце?» — спросил он.

Ему положили маску на лицо.

Он так мерз, что у него стучали зубы. Его мысли летели семимильными шагами. Он должен был обязательно привести многое в порядок — может, поговорить с Лингейдом. И свои проповеди он бы должен был направить в свободное русло. Гм — свободное. Был ли он сам свободным? Ох, эта противная маска! Привязали меня. — Нельзя было им это позволять! Может, привязали на всю вечность? Ах, если бы он мог хотя бы приблизиться к небу, сейчас, прежде чем уснуть! Нет, было бы достаточно, если бы он мог приблизиться к Лингейду, или к тому, что он сказал: «Живет ли Иисус в твоём сердце?»

— Пожалуйста, глубоко вдохните, Борнас!

Борнас исполнил их просьбу.

— Так, сестра, — услышал он голос врача.

— Фу, этот воздух! Я даже не могу вдохнуть воздух!
— Борнасу не хватало воздуха.

Все шло так, как желал врач, но Борнас не хотел засыпать. Он должен был привести в порядок то или другое! Он бормотал и протестовал. А может, он отвечал на вопросы, которые задавал врач. Фу, как все было противно! Тут его оставили силы. Да, да, сейчас он умрет. В глазах потемнело. Он шел — вниз — в ад...

— Он спит, — сказали в операционном зале.

И тогда началась операция. Борнас лежал и говорил.

«Открой, открой! Господи, открой нам!» «Се, стою у двери и стучу...» — «живет ли Он в твоём сердце?..»

Доктор иронически засмеялся и передернул плечами.

— Мы сегодня вечером услышим длинную проповедь,
— проговорил он, орудуя ножом.

Он изъял воспаленный аппендикс. Были также признаки воспаления брюшины.

Но что врач предсказал, — исполнилось: Борнас проповедовал, не переставая, и в его голосе слышался сильный страх, когда он говорил:

— «Отойдите от Меня, все делатели неправды. — Я не знаю вас».

— Ах, эти пасторы, — пробормотал врач.

Борнаса отнесли в палату.

* * *

Медленно поднимался Борнас из бездонной пропасти. Вначале было так темно, что он никак не мог понять, где он. Он чувствовал свое «я» как тень, как дух. Он стремился и боролся, чтобы узнать самого себя. Он не мог думать. Он не чувствовал своего тела.

Но он все же поднимался. Поднимался из глубины и могилы бессознательности. Ночь уже не была такой темной. Теперь он в какой-то степени стал тяжелее. Все-таки он имеет тело, так как где-то он чувствует режущую боль. Да, она идет откуда-то изнутри. Он только не может понять, откуда. О да, становится светло. Его руки все еще связаны. Но от этого его сейчас избавят, — Любезнейшая благодарность за это! Да, сразу стало легче! Теперь надо посмотреть, как слезть с этого стола. Нет, нельзя, — очень колется.

— Так, так, — сказал какой-то добрый голос. — Пожалуйста, лежите спокойно.

— «Отойдите от Меня, все делатели неправды. Я не знаю вас». — Борнас продолжал проповедовать.

— Ну, уже пора прийти в себя, — сказал добрый голос.

Он скривил рот, застонал от боли и устало опустился в постель. Но вдруг в один миг стало светло.

Ах да, значит, он больной. И это был конец. При этом он, может, не раз...

Он чувствовал, как слезы бежали у него из глаз, и как сестра вытирала их. Она убрала платочек, лежавший под его подбородком.

— А теперь нужно успокоиться, — сказала она, — тогда мы опять выздоровеем. Попробуйте сейчас немного отдохнуть.

Да, он хотел попытаться уснуть и снова впал в пропасть наркоза. Его душа достигла далеких полей и ходила в царстве теней. Но через несколько часов он пришел в себя, и теперь был только больным. Да, он был в большой беде!

Он хотел заглянуть себе в глаза. Так, значит, он боится смерти? Нет, он еще не хотел умирать. Он хочет прежде еще раз основательно исследовать свою христианскую жизнь. Но в данный момент ему не хватает для этого силы, потому что усилились боли. Трудно было ясно думать. Мысли бежали по кругу, в середине которого стоял Лингейд со своей проповедью. Он стоял там, пока они не остановили его пением. Борнасу казалось, что именно это событие проходит в этот момент перед его глазами.

Уже начало рассветать, и пришли на смену дневные сестры. У Борнаса поднялась температура. Он находился на грани бессознания. Он не фантазировал, но — если бы он мог хотя бы яснее думать! Кем он был? Правильно, он хотел подумать о своем отношении к Богу. Значит, — опять исчезли мысли! Да, правильно: он думал о смерти. Только он очень устал. Да, и тогда рана на боку вновь ожила. Будто он лежит над открытым огнем...

Через некоторое время после визита врача в палату впустили жену Борнаса. Сестра в коридоре попросила ее оставаться спокойной. И она осталась спокойной, по крайней мере, она так думала. Она не плакала. Она уже делала это день и ночь. Хотя внешне она была спокойна, внутренне она сильно переживала. Но Борнас плакал, не осознавая этого. Слезы безвольно текли у него из глаз.

— Мы, видно, должны попрощаться друг с другом,
— прошептал он, стараясь выглядеть бодрим.

Она с трудом говорила — слезы душили ее.

— Действительно, Том?

— Да.

Нет, фрау Борнас не была очень сильной. Ей теперь казалось, что она смотрит в бездонную пропасть. У нее

все кружилось перед глазами. Или из желания утешить его и себя, или по привычке что-то говорить в таких ситуациях, она медленно сказала:

— Как хорошо, что мы снова увидимся, Том.

Что-то в нем пробудилось к жизни. Какая-то мысль его горячего мозга приняла образ — или его душа перед смертью стала совсем неуправляемой?

— Где мы увидимся снова?

Она с ужасом посмотрела на него. Ее глаза были как тонкая пленка перед источником, который напирал изнутри. В следующее мгновение эти потоки выльются. Его вопрос сорвал засохшую корку с тайной раны ее сердца. Да, где они увидятся друг с другом?

Как водопад из ее глаз хлынули слезы.

Борнас, измученный, лежал в постели. Его силы истощились, и мысли снова перекинулись на другое.

— Не плачь, — сказал он слабым голосом. — Я выздоровею.

Она постаралась снова успокоиться и вытерла слезы. Затем она начала гладить его руку, тепло и с бесконечной любовью. Но казалось, что его чувства не были наполнены этой теплотой. Его мысли двигались дальше по соседним рельсам.

— Линг? — спросил он.

— Он вчера проводил евангелизацию, — ответила она.

— Много людей?

— Полный дом.

— Как было?

— Ты же знаешь, что я не была там, так как ты заболел!

— Да, правильно.

— Но люди были взволнованны и возмущены, как я слышала.

Борнас лежал с закрытыми глазами. Он долго лежал так, и она уже думала, что он заснул. Но тут он открыл глаза и посмотрел на нее.

— Оно сломается! — вздохнул он.

— Что сломается, Том?

— Все! — Лингейд был...

— Да, Лингейд был.

— Я хочу говорить с ним...

— С Лингейдом?

— Да.

— Я думаю, что тебе еще нельзя, Том. Подожди, пока...

— Пока будет поздно? — взволнованно спросил он.

— Нет, нет, Том, я...

Фрау Борнас поговорила об этом с медсестрой. Но старшая медсестра сказала, что ему нужен покой. В ближайшее время никого из посторонних пускать не будут.

Несколько дней состояние Борнаса было серьезным, но потом он пошел на поправку. Температура спала, и он ожил. Он спокойно обдумал свое положение. Да, все не так просто, ему, видно, придется дать своей жизни другое направление. А что касается его проповеди, то что, собственно, думать об этом? Скорее всего, никакой серьезной опасности для его духовного состояния нет.

Все было совсем не так, когда приближалась смерть! Там все выглядело гораздо серьезнее. Но и теперь он думал о Лингейде. С ним поступили несправедливо — бедный человек. Но несправедливость не так уж велика, что необходим официальный разговор, как он думал вначале под действием температуры. Нужно заключить с Лингейдом своего рода мир. При удобной возможности он попросит его дать свидетельство. И таким образом дело уладится. Он не мог припомнить, чтобы когда-нибудь был разочарован им, так как Лингейд вообще очень хороший человек.

Линг посетил Борнаса. Он чувствовал возвращение беспокойства, которое было у него при высокой температуре, хотя Линг выглядел очень мирным и счастливым. В нем действительно было что-то новое. Борнас заинтересовался евангелизационными собраниями. Что-то вроде успокоения промелькнуло на его лице, когда он узнал, что посещение собраний не было таким большим.

Приближался юбилей. Слава Богу, он мог надеяться,

что к этому времени он будет здоров. А когда праздник будет позади, то он, может быть, подумает о том, как ему проповедовать, а потом направит свое внимание на свое духовное состояние. Может быть?.. Да, он действительно получил шок, когда был болен, и с этим нельзя шутить. Когда праздник будет позади...

XXIV

Вначале для пребывания Линга в городе запланировали всего несколько дней, но так как Борнас заболел, он остался дольше.

— Это Божья рука, — сказал Лингейд.

В свободный вечер он сидел с Лингом и беседовал с ним. В этот вечер они не могли провести собрание, так как была спевка. Хор должен был разучивать праздничную кантату. Времени до юбилея оставалось мало. Дорди была на спевке. С тех пор, как она покаялась, она стала петь в хоре.

— Божья рука, — продолжал Линг разговор. — Да, я верю, что Бог послал меня в этот город. Но я не могу понять, как мое пребывание здесь может вызвать такую борьбу. В прошлый раз мне это почти стоило жизни, и теперь дело обстоит почти так же.

— Что мучит тебя?

— Собрания мало посещаются. Нет пробуждения. Хоры не хотят участвовать. Мобекк не появляется на собраниях, и многие следуют его примеру.

Теплая улыбка скользнула по лицу Лингейда.

— Да, причин для недовольства очень много...

— Ты согласен со мной?

— Да нет же, это неправда! На собрания приходит много людей.

— В первый вечер было вдвое больше!

— Да, но те, которые приходят сейчас, приходят послушать. В первый вечер отсеялись любопытные. Люди, приходившие ради проповедника, встретились с Богом. А этой встречи они не выдержали. Поэтому они больше не пришли, из-за опасения встречи с Богом. Это тоже своего рода пробуждение.

— Гм.

— Это настоящее пробуждение — в прямом смысле слова. Сейчас в церкви больше пробуждения, чем в прошлый раз.

— Гм, — снова сказал Линг, — и в чем ты это видишь?

— Внутри у нас все бурлит и кипит. Мне было тяжело уяснить себе, к какому народу я принадлежу. У моей жены то же самое. И от различных членов церкви я слышал это. И Мобекк разбужен этим вопросом. Он только не осмеливается дать себе ответ.

— А хористы?

— Да...

Лингейда прервали, так как в этот момент Дорди пришла домой. Ответ на этот вопрос должна была дать она. Ее лицо горело.

— Он грозит взорваться, — вырвалось у нее.

— Хор? — спросила мать и пошла с ней в комнату к братьям.

— Да, хор.

— Сейчас, когда юбилей на носу?

— Да, там царит бесподобный беспорядок.

Лингейд кивнул Лингу, который обратил серьезный взгляд на Дорди и нежно спросил:

— Что-то случилось, Дорди?

— Да, некоторые хористы не хотят больше петь.

— И почему же?

Дорди испуганно смотрела то на одного, то на другого.

— Ах, им что-то не подходит, — уклончиво ответила она.

— А что им не подходит? — спросил отец.

— Они говорят, что им уже надоело, что их каждое собрание ругают.

— Ругают?

— Да, их ставят к позорному столбу. Их сравнивают с неразумными девами. Поэтому лучше не петь, чтобы не вызывать еще больше раздражения у...

Дорди прикусила губы. Она уже слишком много сказала. Но мама спросила:

— Раздражение — в ком?

— Ну, у того лодочника и у Линга, которые считают себя такими хорошими.

Грустная улыбка появилась на лице Лингейда. Но Линг стал очень серьезным.

— Ты слышишь, Лингейд, какое я произвел смущение. Я не смогу нести ответственность за это.

— Ах, пусть это тебя не волнует. Будь только уверен, что это Божий путь, о котором ты проповедуешь. А ответственность за последствия будет в Божьих руках.

— Но именно из-за этого идет борьба: правильно ли я объясняю путь Божий?

— Он же Сам это тебе показал, Линг! Ну, Дорди, а что было дальше?

— Да, староста хора взял свою любимую ноту — он должен был успокоить людей. Он чуть не плакал. Он сказал им целую речь: они не должны все принимать так ужасно трагически, ведь Линг скоро уедет, и Борнас снова будет на своем посту, и снова возьмет все дело в свои руки. И все войдет в свою старую колею, и все будет хорошо. Во всяком случае, они не должны сейчас забывать о юбилее и должны все силы вложить в кантату. Времени осталось мало, и они не могут позволить себе такое безобразие во время спевки. Он надеется, что все будут разумны, и регент пусть не теряет мужества, если даже случится маленькое неожиданное недоразумение.

— И тогда они успокоились? — спросил Линг, щеки которого горели.

— Да, это так выглядело, но тут Севрин снова все перевернул.

Теперь у Дорди горели щеки.

— Как так?

— Ну, он спросил: не лучший ли выход — если бы все обратились к Богу с покаянием?

— И что случилось потом?

— И тогда казалось, что хор по-настоящему взорвется. Несколько женщин плакали.

— Что? Они действительно плакали?

— Да, но от возмущения, что даже во время спевки их не оставляют в покое. Некоторые ворчали, что им понятно, почему Севрин будет зятем этого...

— Лодочника, — засмеялся Лингейд, — Видишь, Линг, возмутитель спокойствия, во всяком случае, я!

— И чем же все кончилось, Дорди? — спросила мать.
— Все согласились отложить этот вопрос до конца праздника. Тогда они хотят собраться и...
— И покаяться? — вторгся Линг.
— Я не уверена, что они думали об этом. Но теперь они хотят иметь покой и мир, чтобы в оставшееся время у них была возможность работать.

* * *

Но это стало слишком заметным: в церкви происходило брожение. Лингейд сравнил это состояние с дышащим вулканом перед его извержением. Он ходил в напряженном ожидании взрыва. Может, перед праздником или раньше?..

Линг уехал. Некоторые прямо говорили, что радуются его отъезду. Борнас снова принялся за работу. По поводу этого был праздник. Он же вернулся от ворот смерти. Борнас благодарил за теплоту, с которой его встретили.

Многим казалось, что он изменился с тех пор, как они последний раз видели его. На его лице было что-то страдальческое, была какая-то задумчивость. «Это естественные последствия болезни. Через некоторое время он снова станет таким же, каким был», — говорили они.

Пастор с особой приветливостью встретил Лингейда и однажды сказал ему:

— Мы уже давно не разговаривали друг с другом, Лингейд. Я думаю, что когда-нибудь после обеда я приеду к тебе.

— Да, сделай это, — радостно сказал Лингейд, — Приходи...

— Нет, нет, Лингейд, только не сейчас! Так как сейчас много работы. Но после праздника...

Лингейд думал про себя: «Удивительно, сколько работы создает им этот праздник. Кажется, что откладывается даже самое важное, пока он не пройдет».

Когда пастор встал на свое место, в церкви опять

появился Мобекк. Он сидел в первом ряду с синим отливом на лице. Теперь все видели, что у него было больное сердце.

— Мне кажется, сегодня Борнас говорил не так хорошо, как раньше, — сказал он недовольно, вернувшись домой с утреннего собрания.

— Лучше! — сказала старая мать Мобекка.

— Я согласна с Анштайном, — сказала Лина. — Не все ясно было в его проповеди.

— Так нередко бывает, если человек ищет новые пути, — может, он пробудился.

Сын с невесткой сердито посмотрели на мать.

— Нет, это уже слишком, — возмутился Мобекк. Казалось, что у него сейчас будет приступ. — У тебя на лбу написано, что, по-твоему, Борнас тоже не возрожден! Ого, — может, он тоже неразумная дева?

— Это знает один Бог, — тихо ответила мать.

«Мать становится старой и странной», — снова подумала Лина.

Как-то в вечерний час за неделю до праздника Лингейд снова получил подтверждение, что под золой еще сохраняется жар.

После ужина они собрались в кухне для вечерней молитвы. Маленькая семья была в полном сборе. К ней принадлежал теперь и Севрин, так как после праздника они назначили бракосочетание. Отец читал мягким голосом:

— «О временах же и сроках нет нужды писать к вам, братия, ибо сами вы достоверно знаете, что день Господень так придет, как тать ночью. Ибо, когда будут говорить: 'мир и безопасность', тогда внезапно постигнет их пагуба, подобно как мука родами постигает имеющую во чреве, и не избегнут. Но вы, братия, не во тьме, чтобы день застал вас, как тать. Ибо все вы — сыны света и сыны дня: мы — не сыны ночи, ни тьмы. Итак, не будем спать, как и прочие, но будем бодрствовать и трезвиться. Ибо спящие спят ночью, и упивающиеся упиваются ночью. Мы же, будучи сынами дня, да трезвимся,

облекшись в броню веры и любви и в шлем надежды спасения» (1 Фес. 5, 1-8).

Когда Лингейд молился, в сенях послышались шаги, и через мгновение кто-то постучал в кухонную дверь. Никто не сказал: «Войдите!» Лингейд продолжал молиться. Тогда дверь тихо отворилась, и кто-то вошел. После этого стало совсем тихо, и Лингейд закончил свою молитву. Только тогда он поднял глаза.

— Ах, это ты, Рост!

Да, это был Рост.

— Простите, что я помешал вам.

Фрау Лингейд принесла ему стул.

— Садись, пожалуйста, — приветливо сказала она.
— Может, ты поешь с нами?

— Спасибо, я уже поел, — быстро ответил он, но не мог скрыть голодный взгляд, брошенный на стол.

Фрау Лингейд заметила этот взгляд.

— Ну, немного ты еще сможешь съесть, — заметила она и поставила перед ним тарелку.

Через некоторое время он сидел за столом и ел, а Лингейд разговаривал с ним. Фрау Лингейд спросила его о жене и ребенке.

— О, спасибо...

Рост жевал без передышки. Казалось, что он и ответ проглотит. Фрау Лингейд больше не задавала вопросов. Дети ушли в зал.

— Такие маленькие дети...

Рост пытался придать своим словам легкость, как будто он говорит о детях в общем.

— Такие маленькие дети, — помогла ему фрау Лингейд.

— Такие маленькие дети, наверное, принадлежат Богу, даже если их родители... — Рост снова сделал паузу.

Лингейд переглянулся с женой и спокойно и уверенно сказал:

— Да, они принадлежат Богу!

Он не расспрашивал его, зачем он задал этот вопрос, и, казалось, что Рост получил желаемый ответ. Он

быстро поел, и Лингейд заметил, что для Роста сегодня вечером есть что-то более важное, чем еда. Это почувствовала и фрау Лингейд. Взяв маленькую Торди на руки, она пошла наверх — укладывать ее спать.

Рост поблагодарил за пищу и встал из-за стола.

— Лингейд, мне нужно поговорить с тобой наедине!

Они пошли в зал. Дети опять исчезли в кухне. Лингейд закрыл дверь. Они сели в углу у печки. Две маленькие лампочки освещали комнату мягким светом.

Вначале сидели молча. Каждый ждал, что другой начнет говорить. Но молчание не давило. Мужчины слишком хорошо знали друг друга. Рост задумчиво смотрел на печку, в которой горел огонь. Лингейд первый прервал молчание:

— Рост, тебе плохо живется?

Рост остался сидеть, но в его словах была определенная горячность, когда он ответил:

— Ты еще спрашиваешь? После того, как ты меня нашел там внизу, на дорожке?

— Я думал, что за это время что-то изменилось.

— Нет, мне плохо, — сказал Рост, и в голосе его слышались усталость и обреченность.

— Ты приходишь в отчаяние от своих отношений с Богом?

— Нет, с этим у меня все ясно.

При этих словах Рост выпрямился. На его губах промелькнула страдальческая улыбка. Лингейд удивленно посмотрел на него, не совсем его понимая.

— Я думал, ты в отчаянии оттого, что не знаешь, к какому народу принадлежишь.

— Нет, я знаю.

— Так! И к кому ты принадлежишь?

— Я принадлежу к безбожникам — к погибшим!

Рост снова сник. Лингейд, не отрываясь, смотрел на него, в его глазах было глубокое сочувствие. Каким измученным выглядел этот молодой человек!

— Ты можешь еще спастись, Рост, — тихо сказал он.

— О да, я могу, — проговорил Рост и немного громче

добавил: — Теоретически я знаю, что я могу спастись, но практически — нет.

— Почему же?

— Я слишком много нагрешил.

Лингейд задумался. Что ему сказать?

— Дома что-то не клеится? — спросил он.

— Да, это точно, — сказал Рост с мучительным юмором. — Дома только грязь и мусор, вонь и ссоры.

Он засмеялся над своими словами, но этот смех вызвал слезы на глазах у Лингейда. Рост немного помолчал. Затем, чтобы подчеркнуть величину своего несчастья, он сказал:

— К нам опять пришла теща. О нет, атмосфера моего дома не служит к тому, чтобы найти там облегчение. Впрочем...

Лингейд сидел и ждал большего, но оно не приходило — еще нет.

— Может быть, тебе поможет, если я или Агна придем и поговорим с твоей женой? Как ты думаешь? Или, может, с вами обоими?

— Нет, нет! Только не это! — испуганно воскликнул Рост. — Потом станет еще хуже!

— В чем же причина, что у вас такие отношения?

— Что касается меня, то я не могу терпеть неряшливости. Жена же сильно ревнива. А основная причина в том, что я мало зарабатываю. Получается, что мою зарплату неправильно расходуют. Если ясли пусты...

— Лошади кусаются, — закончил Лингейд.

— Да, это правильное выражение: кусаются! — тяжело вздохнул Рост. — Мы докусаемся до смерти. А в остальном...

Он опять остановился. Лингейд думал, что у него еще есть что-то, что ему трудно произнести.

— А в остальном? — хотел он помочь ему.

Рост сидел, устремив глаза в одну точку. Он ушел в себя так, что даже стал казаться меньше ростом. Пальцы руки, лежащей на коленях, дрожали.

— В остальном... Это еще не самое худшее — то, что дома. Я...

Он никак не мог продвинуться дальше. Казалось, что он что-то взвешивал.

— Что у тебя, Рост? Я думаю, ты можешь спокойно сказать.

— Я утаил деньги.

Лингейд дал время себе и Росту осмыслить сказанное. Затем он спокойно спросил:

— Ты утаил деньги, собранные для праздника?

Рост выпрямился, показывая свое удивление: как мог Лингейд такое о нем подумать!

— Нет, как ты мог!.. Я взял грязные деньги Мобекка!

Одно мгновение его глаза были полны гнева, когда он думал о Мобекке. Но гнев быстро стих. В них осталось только выражение невыносимого страха. Лингейд еще больше сочувствовал ему.

— Рост, это серьезное дело!

Рост не сразу ответил.

— Я больше не могу молчать об этом, — простонал он. — Подделка в документах очень грубая, как я сейчас заметил. Я и не хочу это дальше утаивать. Дело — в Боге: меня тревожит Его суд. Что мне делать?

Тут он не выдержал. Он беззвучно рыдал, как будто что-то мешало ему издавать звуки. Его бросало на стуле из стороны в сторону.

Никогда еще Лингейд не чувствовал себя таким беспомощным. Он сидел и лихорадочно думал, как найти выход или хотя бы дать совет.

— Иди к Мобекку и скажи ему все, — наконец сказал он.

— Он отдаст меня под суд.

— Нет, наверняка нет, если ты выплатишь ему деньги.

Взгляд, брошенный Ростом на него, был почти безумным. Еще никогда Лингейд не встречал такого взгляда.

— Выплатить? — повторил Рост. — Что я выплачу? На свою зарплату я не могу жить, я уже говорил тебе об этом, если только...

— Занять... — подсказал Лингейд.

— Это тоже не поможет мне, — прервал его Рост. — Я же все равно не смогу их отдать. Тогда я должен украсть в другом месте. Занять мне деньги — значит, подарить их мне.

Да, это было так. Лингейд понял, что его совет не совсем разумен. Может, дать ему денег? В его голове промелькнула мысль, которая заставила его спросить:

— А сколько ты должен отдать?

— Где-то четыре тысячи.

У Лингейда упало настроение. Столько денег у него не было. Но... он мог бы оформить ссуду.

— А если я оформлю тебе ссуду, Рост?

— Я же сказал, что не смогу это выплатить.

— Может, ты все-таки сможешь, если ты найдешь другое место работы.

— Нет, я не получу никакого другого места, я уже не раз пытался это сделать. И даже если я поменяю работу, то вся моя зарплата так же уйдет непонятно куда. Ты видишь, Лингейд, что у меня нет выхода!

— Если смотреть по-человечески, то это так, Рост. Если бы была возможность достать эту сумму, то дело с Мобекком можно исправить, и тогда ты мог бы начать все сначала. Это же возможно, ведь ты еще молодой человек!

Рост стал спокойнее. Для него засветился луч надежды. Может, и страх убежит от него?! Самоуважение тоже может вернуться! Самоуважение? Вздор! Вместо Мобекка он будет зависеть от Лингейда, и разница в этом не такая уж большая. Наконец, это выглядит так, что он сегодня вечером пришел, чтобы попросить у Лингейда денег.

— Нет, спасибо! Мы все равно себя не обманем, — жестко сказал он.

— Ты имеешь в виду мои предложения? Что же ты будешь делать?

Рост пожал плечами. Он встал, чтобы идти.

— Нет, Рост, не убегай! Садись!

Это прозвучало почти как повеление, и он сел.

— Зачем ты все это мне рассказал?

Рост чуть ли не враждебно посмотрел на него, перед тем как ответить.

— Во всяком случае, не для того, чтобы просить у тебя!

— Нет, тебя никто и не упрекает в этом. Но ты же этим хочешь чего-то достигнуть. Ты ведь ожидал, что я каким-то образом помогу тебе?

Рост некоторое время молчал.

— Я не знаю, что я думал при этом, — наконец сказал он с болью в голосе. — Я просто не мог больше один нести это бремя. Потом пришла мысль о Боге и о суде...

Рост снова зарыдал. Лингейд подождал, пока он успокоится. Потом сказал:

— Я все равно помогу найти тебе выход, Рост. Я попытаюсь достать эти деньги. Потом мы возьмем с собой к Мобекку Борнаса и уладим это дело с ним, а также с Богом. Это и Мобекку будет на пользу. А потом...

Лингейд говорил, пока Рост не успокоился. Рост начал слушать и понимать, как его хотят спасти. Они до мелочей обговорили это предложение и взвесили все возможности благоприятного исхода.

— И когда же мы пойдем? — спросил Лингейд в конце.

— Мне все равно, — заметил Рост, растягивая слова. — Я бы пошел и завтра рано утром. Но будет неприятно, если Мобекк поднимет скандал сейчас, перед большим юбилеем. Давай подождем, пока он пройдет.

— Гм, — сказал Лингейд. — Можно и так. Но, по моему, такая отсрочка очень опасна.

Рост пожелал ему спокойной ночи и пошел.

XXV

И вот пришел этот большой день — пятидесятилетний юбилей церкви.

Хотя раздали ограниченное число приглашений, оказалось, что церковь будет переполнена. Двери не закрывались, в нее вливался нескончаемый поток празднично одетых людей. У распорядителей было много работы, чтобы всем пришедшим дать место. В гардеробе было тесно.

Хоры были сегодня на месте вовремя. Певцы и инструменты заполнили возвышение. Молодые люди испытывали перед выступлением особенное волнение. Главная репетиция кантаты не получилась. Это было еще очень свежо в памяти, так как только вчера они согласились еще раз пропеть ее, хотя все были очень заняты другими приготовлениями к празднику.

Были приглашены все руководители христианских общин города. Некоторые из них уже пришли, другие собирались прийти попозже, когда закончатся собрания в их церквях или после того, как сами скажут проповедь.

Борнас сиял, хотя на его лице еще лежала тень недавно перенесенной болезни. Улыбаясь, он бегал по проходам и приветствовал приглашенных, как только замечал их, вел их к оставленным для них местам, рядом с возвышением хора. Руководители общин хлопали друг друга по плечу и сердечно пожимали друг другу руки.

Перед средним рядом, который немного укоротили, стоял празднично накрытый стол, на котором между серебряными светильниками в вазах стояло великое множество осенних роз. Столбы под сценой и вдоль карниза были украшены гирляндами из веток вечнозеленых деревьев. На стене за кафедрой в зеленых рамках светились даты. Под ними висело что-то, закрытое черной тканью. Это выглядело таинственно. Но ни для кого не было тайной, что это был портрет пастора Борнаса. Позднее он будет висеть в маленьком зале.

Праздничное настроение объединяло публику, наполнявшую церковь. В собрании царило оживление. Люди улыбались, встречаясь взглядами со знакомыми, пожимали друг другу руки и обменивались приветливыми словами. Все, сидящие на одной скамейке, с готовностью сдвигались, чтобы каждый имел место. Везде слышались тихие разговоры, прерываемые иногда громкими возгласами восхищения по поводу красивого убранства церкви. Но среди жизнерадостных лиц было много и таких, которые выглядели очень серьезно, — целые группы таких лиц. Неосознанно вся церковь разделилась на разные группы. Здесь в миниатюре было проиллюстрировано вечное разделение духов. Свободный сидел рядом со свободным, несвободный — рядом с несвободным.

Но можно было видеть, что несвободные создавали впечатление свободных. Поистине свободные печалились о падении Израиля, поэтому своими серьезными лицами они выглядели несвободными.

Целыми семьями люди пришли в церковь на этот большой праздник. Многие взяли с собой маленьких детей. Здесь была вся семья Лингейда. Вблизи них сидела старая мать Мобекк и Эмли. Старая женщина производила впечатление отрешенности, ее мысли унеслись очень далеко. На другой стороне далеко впереди сидел ее сын с женой, которая выглядела сегодня очень молодой. Мобекк выглядел намного бледнее среди румяных лиц. Его сердце, видно, еще не перестало предостерегающе стучать.

Дамы из хора были в желто-белых блузках, а господа — с белыми галстуками. У Роста тоже была белая рубашка. С опущенной головой он задумчиво сидел между другими. Видно было, что он нервничал.

Постепенно собрание успокоилось, только иногда появлялся опоздавший участник.

Борнас бросил взгляд на собравшихся, потом на часы и при этом посмотрел на возвышение, где стоял орган. Органист заметил его взгляд.

Вдруг раздался громогласный праздничный марш,

сопровожаемый скрипками и виолончелью. Праздник начался.

Все люди повернулись, чтобы посмотреть на музыкантов. Но через мгновение все слушали спокойно, со вниманием и заворуженно. Уже сейчас было ясно, что праздник будет иметь успех. Глаза Борнаса сияли вдохновением, когда он окинул взглядом приглашенных пасторов с женами, как будто он хотел сказать: «Ну, видите? У нас действительно есть что показать!»

После этого величественно зазвучал хорал, который пела община. Председатель подготовительного комитета взял на себя руководство праздником. Он сказал приятную приветственную речь: «Мы пытались в рамках ограниченных возможностей все сделать празднично, чтобы все могли чувствовать себя хорошо и провести вместе несколько приятных часов. Зная музыкальные силы церкви, я думаю, что в предложенных музыкальных произведениях не будет недостатка». Тут он сделал поклон в сторону регента, который смущенно кивнул.

«Что касается духовной части, то наш любимый пастор не потеряет своей прекрасной репутации проповедника. Кроме этого, мы имеем радость видеть среди гостей проповедников города, которые тоже примут участие, чтобы праздник прошел хорошо. Мы сердечно приветствуем всех».

Короткая молитва.

Оркестр сыграл несколько произведений, и Борнас вступил на кафедру.

Ему тоже удалось взять нужный тон — благородный, который как нельзя лучше подходил к такому торжественному событию. Он сделал обзор развития церкви в прошедшие пятьдесят лет. Борнас был взволнован. Большой успех церкви очень радует. Он благодарен, что мог послужить и что-то сделать для хорошего результата. Но это никогда бы не получилось, если бы не определенные объединения, созданные в церкви, которые охотно внесли свой вклад, под руко-

водством теперешнего председателя. Борнас полными горстями рассыпал благоухание. Но чем больше он сжигал курения, тем сильнее благоухала его собственная персона. Но, прежде всего, слава Богу. Собственно, это была благодарность Богу за то, что Он так возвеличил и сделал прекрасным их церковь и их объединение вместе с их председателем.

Его проникновенная речь вызвала слезы на глазах многих членов церкви. Да, это было что-то великое — быть членом такой церкви.

После речи должны были исполнить кантату. Каждому участнику вручили печатный экземпляр. Они развевались в рядах как белые голуби. Раздали быстро, за это время хор приготовился, и инструменты были настроены.

На первой странице тетрадки красовалась картина: церковь в лучах солнца. А на других страницах был текст возвышенной кантаты, искусно составленной, в которой не совсем понятными словами рассказывалось о развитии церкви, начинавшейся с малой кучки и до ее сегодняшнего высокого положения. Все это было представлено в картинах весны с ее распускающейся зеленью и продолжающегося лета, когда солнце светит все ярче и все вокруг в пышном цвету. В этом месте кантата прекращалась. Об осени не было сказано ничего.

Хоры начали. Музыка хорошо соответствовала тексту. Знатоки музыки слышали шум реки весной и видели ясные весенние ночи. Они наверняка слышали щебет птиц в лесу при постройке гнезд, видели, как расцветали цветы в своей красоте, так как чудесное солнце чуть ли не день и ночь сияло в небе.

Царила беззвучная тишина, когда закончили произведение. Затем грянули аплодисменты.

Потом началось угощение.

Гостей пригласили за столы. Мобекк смущенно капитулировал перед настоятельной просьбой и подался вперед со своей женой.

Чтобы можно было немного расслабиться и поздно-

роваться друг с другом, объявили паузу. С улицы и из гардероба проникали облака табачного дыма. Молодые и старые дымили трубками и курили сигареты: полезная перемена после духовных наслаждений!

Дамы пользовались возможностью, чтобы что-то поправить в своей внешности.

Тут снова громко заиграл орган, и люди опять стали не торопясь занимать свои места.

Председатель подготовительного комитета, который в то же время был членом церковного совета, снова взял слово. Он хотел сделать краткий исторический обзор развития церкви. От тех, кто был при создании церкви, осталось всего четыре человека. Остальные, как он надеется, вошли в вечную радость. Двое из них болеют, остальные здесь. Он хочет представить их церкви.

Две старые женщины смущенно поднялись и быстро сели, когда все захлопали.

Он прочитал имена пасторов, которые до сих пор трудились в церкви, и назвал значительные события в период их служения. «Сегодня церковь, — здесь он повернулся к темному полотну за спиной, — откроет хорошо нарисованный портрет нашего любимого пастора, и этим мы, собственно, чествуем весь ряд пасторов».

Он потянул за шнур — и тут на стене появилось улыбающееся красивое лицо Борнаса.

Послышались восхищенные возгласы. Грянули бурные аплодисменты.

Борнас беспрестанно кланялся.

Теперь председательствующий воздавал честь всем рабочим кружкам церкви. Это было запланированным эффектом, что церковный хор он назвал последним. Потому что после того, как он перечислил всех, тогда, как и было предусмотрено, хор поднялся, чтобы петь.

Высокий лысоватый регент занял свое место, когда члены хора еще беспокойно толпились вокруг него.

Он подал тон — едва слышимое «ла-ла-ла».

Он поднял палочку.

Хор напряженно ждал.

Он сделал движение палочкой.

Но тут...

Регент резко взмахнул палочкой, но хор не издавал ни звука. Слышен был только звук дыхания людей.

Больше половины хора не было на месте!

Тишина этого мгновения была ужасной. Она давила. Тишина, которая могла убить.

Но только одно мгновение...

— Неужели я сошел с ума! — вскричал регент.

Этот голос был очень похож на голос сумасшедшего.

И другой такой же голос дал ему ответ:

— Нет, ты не сошел с ума, ты погиб!

Этот другой голос жутко рассмеялся и воскликнул:

— Посмотрите на них — это неразумные девы! —

Он показал вниз на церковь трясущимся пальцем.

— Лингейд, Лингейд! — звал регент жалобно.

Но не было никакого ответа, и нигде не видно было детей.

«Ибо, как во дни перед потопом ели, пили, женились и выходили замуж, до того дня, как вошел Ной в ковчег, и не думали, пока не пришел потоп и не истребил всех, — так будет и пришествие Сына Человеческого; тогда будут двое на поле: один берется, а другой оставляется; две мелющие в жерновах: одна берется, а другая оставляется. Итак, бодрствуйте, потому что не знаете, в который час Господь ваш придет» (Матф. 24, 38-42).